

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

2024 Том 20 № 3

Издаётся с 1992 года
Выходит 4 раза в год
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (Print)
ISSN: 2713-3397 (Online)

РЕГИОНОВ РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Маликов Иван Федорович – старший лаборант сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

Мачхелян Гарри Григорьевич – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Черных Екатерина Алексеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

СЕКРЕТАРЬ

Рязанцев Вадим Игоревич – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бурак Пётр Иосифович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, Россия

Гринберг Руслан Семёнович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодежи Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко – Dr Political Science, Professor, генеральный секретарь Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

Хелп Рольф Дитер – Dr. Philosoph., Dr. habil., профессор Института социологии Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер – Dr. Sociol., Dr. habil., научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Архангельский Владимир Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Гришаев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, доцент, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений, Россия

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Россия

Золотов Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна – доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая Лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НИФИ Минфина России; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Наберушкина Эльмира Кямаловна – доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия

Попкова Людмила Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор Курского государственного университета, Россия

Симонова Марина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Самарского государственного экономического университета; профессор кафедры АСГиИИ Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова Ралица – PhD Candidate, Университет Печ; официальный представитель в Центральной и Восточной Европе европейского культурного маршрута «Пути лонгобардов по Европе»; член редакционного комитета журнала «Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia» Болонского университета, Венгрия, Италия

Чоба Юдит – Prof. Dr. habil., профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ. ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	317
СТАТЬЯ НОМЕРА	322
<i>Алиев Д.Ф., Гонтмахер Е.Ш., Трубин В.В.</i> Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт	322
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	339
<i>Бычков Д.Г., Гришина Е.Е., Феоктистова О.А., Локтюхина Н.В.</i> Профили самозанятости и платформенной занятости в России.....	339
<i>Тонких Н.В., Камарова Т.А., Черных Е.А.</i> Влияние удалённой работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин.....	356
<i>Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С.</i> Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 2.....	371
<i>Смирнова Е.А.</i> Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход.....	385
<i>Кабашова Е.В.</i> Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России.....	397
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	415
<i>Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И.</i> Изменения уровня занятости и продолжительности работы в подсобных хозяйствах в постсоветский период.....	415
<i>Темницкий А.Л.</i> Феномен уверенности в занятости на рынке труда у работающего населения России.....	425
<i>Бочаров В.Ю., Гаврилюк В.В.</i> Профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов нестоличного вуза.....	437
<i>Васькина Ю.В.</i> Изменения оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области.....	450
КНИЖНАЯ ПОЛКА	461
<i>Козин С.В., Жидяева Т.П.</i> О научной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность».....	461
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	463
<i>Берестова Л.И., Бобков В.Н.</i> Научная конференция «Социальная политика в современной России: вектор развития в новых реалиях» в рамках научной конференц-сессии 20–24 мая 2024 г. «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего».....	463
<i>Кацюба О.П.</i> Конкурс научных эссе «Как базовый доход изменил общество. Взгляд из будущего».....	467
ПАМЯТЬ ОБ УЧЕНОМ	469
<i>Бобков В.Н.</i> Колосова Риорита Пантелеймоновна.....	469

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию. Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 27.08.2024.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 829.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru

Сайт журнала: <https://vcug-journal.ru/>
Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2024 Vol. 20 No. 3

Issued since 1992
On a quarterly basis
DOI: 10.52180/1999-9836
ISSN: 1999-9836 (print)
ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS)

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.
Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Alefina Aleksadrovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

MEMBERS OF THE EDITORIAL STAFF

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch – PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Malikov Ivan Fedorovitch – Senior Laboratory Assistant of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Odintsova, Yelena Valer'yevna – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic

Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

SECRETARY

Ryazantsev, Vadim Igorevitch – Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch – RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of RANS, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch – RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Social and Social Institutions and Social Work at the Russian State Social University, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch – Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevitch – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Research Institute of Labor of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco – Dr. of Political Sciences, Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

Hepp, Rolf Dieter – Dr. Philosoph., Dr. habil., Professor at the Institute of Sociology of the Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter – Dr. Sociol., Dr. habil., Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch – Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Economic Research Institute, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna – Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Antonova, Natal'ya Leonidovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Technologies of Public Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship at the Ural Federal University, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch – PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population at the Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch – PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Barkov Sergey Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology of the Lomonosov Moscow State University, Russia

Chubarova, Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Dakhin, Andrey Vasil'yevitch – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Psychology of Management, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of RANEPa under President of the Russian Federation, Russia

Grishaev, Sergey Vasil'yevitch – Doctor of Sociology, Associate Professor, Director of the Krasnoyarsk Branch of the Academy of Labor and Social Relations, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Ledeneva, Viktoriya Yur'evna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Research Worker at the Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna – Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances; Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Naberushkina, El'mira Kyamalovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Popkova, Lyudmila Ivanovna – Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Professor of the Kursk State University, Russia

Simonova, Marina Viktorovna – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Chair of Personal Management at the Samara State University of Economics; Professor of the Department of ASGill at the Samara State Technical University, Russia

Soboleva, Irina Viktorovna – Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Centre of Development of Human Potential at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch – Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith – Prof. Dr. habil., Professor of Sociology of the Department of Sociology and Social Policy of the University of Debrecen, Hungary

Savova, Ralitsa – PhD Candidate, Pécs University; Official Representative for Central and Eastern Europe of the European Cultural Route “Longobard Ways across Europe”; Member of the Editorial Committee of the Journal “Storia e Futuro – Rivista di Storia e Storiografia” University of Bologna, Hungary, Italy

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«FAMILY POLICY AND LIVING STANDARDS. ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF LABOR»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	317
ARTICLE OF THE ISSUE	322
<i>Aliev D.F., Gontmakher E.Sh., Trubin V.V.</i> Social Support for Family, Motherhood and Childhood: Russia and the World Experience.....	322
ECONOMIC RESEARCH	339
<i>Bychkov D.G., Grishina E.E., Feoktistova O.A., Loktyukhina N.V.</i> The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia.....	339
<i>Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Chernykh E.A.</i> The Impact of Remote Work on the Parameters of Work, Family and Personal Life of Russian Men.....	356
<i>Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S.</i> Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 2.....	371
<i>Smirnova E.A.</i> Dynamics of the Post-Soviet Mandatory Pension Insurance System and Basic Pension Income.....	385
<i>Kabashova E.V.</i> Interregional Differences in the Quality and Standard of Living of the Russian Population.....	397
SOCIOLOGICAL RESEARCH	415
<i>Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I.</i> Changes in Employment Levels and Working Hours in Subsidiary Plots in the Post-Soviet Period.....	415
<i>Temnitskii A.L.</i> The Phenomenon of Employment Confidence in the Job Market among the Working Population of Russia.....	425
<i>Bocharov V.Yu., Gavrilyuk V.V.</i> Professional, Career and Status Expectations of a Non-capital University's Students.....	437
<i>Vas'kina Yu.V.</i> Changes in Assessments of the Financial Situation, Standard of Living and Social Well-being of the Samara Region's Residents.....	450
BOOKSHELF	461
<i>Kozin S.V., Zhidyayeva T.P.</i> About the Scientific Monograph «The Life World of Workers: Sustainability versus Precarity».....	461
SCIENTIFIC LIFE	463
<i>Berestova L.I., Bobkov V.N.</i> Scientific Conference «Social Policy in Modern Russia: Vector of Development in New Realities» Within the Framework of the Scientific Conference Session on May 20–24, 2024 «Public Administration and Development of Russia: New Horizons and Image of the Future».....	463
<i>Katsyuba O.P.</i> The Scientific Essay Contest «How Basic Income Changed Society. A View from The Future».....	467
MEMORY ABOUT THE SCIENTIST	469
<i>Bobkov V.N.</i> Kolossova Riorita Panteleimonovna.....	469

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 27.08.2024.
Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 829.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru
Internet: <https://vcug-journal.ru/>

The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237d2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>



Редакторская заметка
EDN KMOQGM

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Информируем вас, что в целях повышения качества научных публикаций редакция журнала повысила требования к первичной оценке представленных рукописей. Первичная оценка включает в себя проверку рукописей на соответствие тематической направленности журнала; оригинальность и соблюдение научной этики; соблюдение объёма рукописи, её структуры, а также списка литературы (предельный процент самоцитирования; наличие не только российских, но и зарубежных авторов; представленность источников, опубликованных за последние пять лет) Руководству для авторов. Второй этап рассмотрения рукописей, включающий внешнее содержательное рецензирование и оценивание редакцией соблюдения требований к их оформлению, проводится только при условии положительной первичной оценки.

Рукописи, не прошедшие первичную оценку, возвращаются их авторам на доработку или отклоняются.

Тема третьего номера журнала 2024 года: «СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ. ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА».

В представленном читателю выпуске журнала содержатся теоретические, методологические и практические работы, посвящённые экономическим и социологическим аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни.

В третьем выпуске за 2024 год статья номера – «Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт», авторами которой являются *Д.Ф. Алиев*, канд. экон. наук, ДВА, первый проректор Российского государственного социального университета, *Е.Ш. Гониммахер*, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, *В.В. Трубин*, канд. экон. наук, ведущий эксперт Центра социальных исследований и технологий Российского государственного социального университета. В статье представлено краткое описание полученных результатов проводимой в течение 2023 г. исследовательской работы по анализу системы государственной поддержки семьи, материнства и детства в России, в странах ОЭСР, на постсоветском пространстве, а также в государствах-членах БРИКС и БРИКС+. Авторы детально проанализировали правовые, финансовые и организационные принципы политики в исследуемой сфере, рассмотрели уникальный российский опыт внедрения материнского (семейного) капитала. В статье дана характеристика российской системе целеполагания в области государственной поддержки семьи, материнства и детства. В фокусе внимания авторов финансирование государственной поддержки семьи, материнства и детства в Российской Федерации, реализация российской государственной семейной политики, значение материнского (семейного) капитала как инновационного инструмента семейной политики. В статье определены недостатки применяемых инструментов, различающихся с точки зрения функций, форм и направлений действий. В заключении сформированы рекомендации для совершенствования российской практики государственной поддержки семьи, материнства и детства.

В рубрике «**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» публикуются статьи, посвящённые профилю самозанятости и платформенной занятости в России; влиянию удалённой работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин; прикладной экономике труда в условиях двойного дефицита персонала (Часть 2), динамике постсоветской системы обязательного пенсионного страхования, межрегиональным различиям в уровне жизни населения России.

Начатая дискуссия о современных проблемах экономики труда и возможностях их решения в первом номере журнала за 2024 год «**Возможно ли понижение общего уровня потребительских цен в**



российской экономике?», авторов **А.В. Золотова**, д-ра экон. наук, профессора, заведующего кафедрой экономической теории и методологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, **С.А. Золотова**, канд. социол. наук, директора филиала Российского общества «Знание» в Нижегородской области, **Е.В. Лядовой**, канд. экон. наук, доцента, доцента кафедры экономической теории и методологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского продолжена авторами во втором номере журнала.

В русле этой дискуссии в данном номере представлена статья **«Профили самозанятости и платформенной занятости в России»** **Д.Г. Бычкова**, канд. социол. наук, ведущего научного сотрудника Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, **Е.Е. Гришиной**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, **О.А. Феохтистовой**, канд. экон. наук, руководителя Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, **Н.В. Локтюхиной**, д-ра экон. наук, профессора, ведущего научного сотрудника Центра финансов социальной сферы Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессора кафедры экономики труда и управления персоналом Академии труда и социальных отношений, направленная на формирование более полных и точных научных представлений об общих с наёмными работниками и отличительных характеристиках лиц, вовлечённых в самозанятость и платформенную занятость, для последующей оценки социально-экономических рисков этих форм занятости и для разработки предложений по их минимизации. На базе различных источников данных (Федеральной налоговой службы России, Росстата, проведённого опроса, цифровых платформ) авторами расширен перечень показателей, характеризующих ключевые особенности самозанятости и платформенной занятости. Некоторые характеристики этих форм занятости описаны впервые. В статье выявлено территориальное распределение исследуемых групп, рассмотрены виды и сферы их занятости. Также проанализировано распределение всего занятого населения в целом и платформенных занятых по возрастным группам и с учётом состояния здоровья. Кроме того, установлено распределение самозанятых лиц и прочих работающих по ряду других дифференцирующих признаков (соответствие выполняемой работы полученной специальности, тип занятости, продолжительность и режим работы), исследованы их доходы и уровень жизни. В статье дано сравнение профилей самозанятости и платформенной занятости в России и в зарубежных странах. В заключении даны выводы по результатам исследования и сформулированы предложения.

Дискуссию о современных проблемах экономики труда также продолжает статья **«Влияние удалённой работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин»** **Н.В. Тонких**, канд. экон. наук, доцента, заведующей лабораторией цифровой занятости и организации труда кафедры Экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, **Т.А. Камаровой**, канд. экон. наук, доцента кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, **Е.А. Черных**, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, ведущего научного сотрудника Научного центра экономики труда Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, посвящённая оценке трудовых и семейно-личностных параметров жизни у мужчин, перешедших на удалённую работу во время пандемии COVID-19. Информационной базой данного исследования стали данные опроса, проведённого в 2023 году путём онлайн-анкетирования по авторской методике, результаты которого в статье сравниваются с аналогичными данными по женщинам, получившим первый опыт дистанционной работы в пандемию. Авторами представлены и проанализированы структурированные ответы целевой группы на вопросы, касающиеся изменения доходов при переходе на дистанционные условия труда, а также преимуществ и недостатков дистанционной занятости, которые оказывают влияние на трудовую, семейную и личную жизнь. Также проведён анализ ответов респондентов с учетом наличия и возраста детей, возраста респондентов, профессионального статуса. В статье дан сравнительный анализ ответов мужчин и женщин на вопрос о влиянии дистанционной формы занятости на уровень трудового дохода и относительно преимуществ и недостатков дистанционной работы.

Дискуссию о современных проблемах экономики труда в данном номере завершает статья **«Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 2»**¹ **Р.А. Долженко**, д-ра экон. наук, профессора кафедры экономики труда и управления персо-

¹ См. опубликованную первую часть статьи: *Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 1 // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 EDN DBRIAR*

налом Уральского государственного экономического университета, *С.Б. Долженко*, канд. экон. наук, заведующей кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, *В.С. Половинко*, д-ра экон. наук, заведующего кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Объектом исследования выступили крупные российские производственные предприятия. В первой части публикации авторами выявлены и проанализированы базовые тренды, влияющие на актуализацию развития прикладной экономики труда, в том числе тренды в области технологического уклада, мобилизационной экономики и другие. Во второй части статьи рассмотрена текущая ситуация с реализацией функции экономики труда в современных реалиях экономики и производства по результатам обследования крупных производственных предприятий Российской Федерации, в которых представлена функция экономики труда. По итогам исследования авторами сформировано актуальное представление о системе экономики труда на современных предприятиях и образующих её подсистемах (функциях), а также определены перспективы развития отечественных подходов в использовании инструментов прикладной экономики труда на предприятиях.

Статья «**Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход**» *Е.А. Смирновой*, канд. экон. наук, доцента базовой кафедры Торгово-промышленной палаты Российской Федерации «Управление человеческими ресурсами» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, посвящена исследованию постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и возможности имплементации в неё в качестве элемента универсального базового пенсионного дохода. Автором представлен обзор зарубежных подходов к минимальному пенсионному обеспечению. Также показано, что вопрос установления минимальных гарантий для российских пенсионеров на уровне не ниже прожиточного минимума пенсионера остаётся до сих пор актуальным. В статье проанализированы нормативно-правовые основы формирования и регулирования пенсионной системы в постсоветское время, виды и структурные элементы пенсий в российской пенсионной системе. Наряду с этим выявлены существующие проблемы и противоречия в организации пенсионной системы России. С теоретико-практической точки зрения исследованы возможности введения с неё универсального базового пенсионного дохода. Одним из результатов исследования стал примерный расчёт дополнительных средств, необходимых для доведения базовой части трудовой пенсии (универсального базового пенсионного дохода) до прожиточного минимума пенсионера (по состоянию на 2023 год). Автором сделан вывод о возможностях введения в России базового пенсионного дохода для получателей трудовых пенсий по старости, пенсий по инвалидности и по потере кормильца.

Статья «**Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России**» *Е.В. Кабашиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН, направлена на исследование показателей качества и уровня жизни населения регионов России на основе авторской методики. Обосновываются задействованные в предложенной методике три компонента, учитывающие материальную основу качества и уровня жизни населения (труд и качество занятости, материальное положение, обеспеченность жильём и жилищные условия). Для каждого из них разработана система объективных и субъективных показателей. Автором раскрывается методический подход для расчёта объективных и субъективных интегральных показателей и построения на их основе рейтингов регионов по качеству и уровню жизни в аспекте проанализированных их компонент. В статье представлены основные результаты исследования – рейтинговые оценки и места регионов, динамический анализ, компонентный анализ. В ходе исследования на основе корреляционного анализа по данным регионов Приволжского Федерального Округа установлено изменение связи между объективными и субъективными интегральными показателями качества и уровня жизни в динамике. Также показана взаимосвязь интегральных показателей с уровнем социально-экономического развития регионов, выявлены региональные различия в качестве и уровне жизни, определены основные тенденции и особенности развития отдельных субъектов Российской Федерации.

В рубрике «**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**» опубликованы статьи, посвящённые занятости в подсобном хозяйстве; феномену уверенности в занятости на рынке труда у работающего населения; профессиональным, карьерным и статусным ожиданиям студентов нестоличного вуза; изменениям оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области.

В статье «**Изменения уровня занятости и продолжительности работы в подсобных хозяйствах в постсоветский период**» *П.М. Козыревой*, д-ра социол. наук, первого заместителя директора Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН),

заведующей Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), *А.Э. Низамовой*, канд. социол. наук, старшего научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН, *А.И. Смирнова*, д-ра социол. наук, ведущего научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН, представлен анализ изменений в уровне занятости и затратах времени россиян на работу в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах, некоммерческих товариществах в 1994–2021 гг. Исследование базируется на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Респондентами выступили взрослые россияне в возрасте 18 лет и старше. В статье выявлены изменения в продолжительности работы населения на своих земельных участках, гендерный паритет, различия в динамике уровня занятости в подсобных хозяйствах в городских и сельских поселениях. Авторами определена зависимость занятости сельских мужчин и женщин от размера дохода и оценки уровня своего материального благосостояния. Также установлено влияние постоянной оплачиваемой работы на производстве на затраты времени мужчин и женщин на работу в подсобных хозяйствах городских и сельских семей. В статье представлены результаты сравнительного анализа использования времени на разные виды труда мужчинами и женщинами, поясняющие формирование гендерных различий в общей продолжительности труда. В заключении даны выводы по теме исследования, распространяющиеся на подавляющую часть постсоветского периода.

В статье «**Феномен уверенности в занятости на рынке труда у работающего населения России**» *А.Л. Темницкого*, д-ра социол. наук, доцента Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, ведущего научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН, раскрываются динамика и особенности соотношения уровней страха потерять работу и уверенности в занятости в случае увольнения у работающего населения. Автором рассматриваются понятие и подходы к измерению и анализу уверенности в занятости, предложены типологические группировки работников по соотношению страха потери работы и уровня уверенности в занятости, дан содержательный анализ предложенной типологии. В статье показана динамика соотношения страха потерять работу и уверенности в занятости у работающего населения России. Также проанализирована роль индивидуальных характеристик, условий труда и практик трудового поведения в повышении уверенности в занятости. Кроме того, рассмотрены предикторы уверенности в занятости по результатам регрессионного анализа. По результатам анализа показана конструктивная роль страха потери работы при наличии уверенности в занятости в случае увольнения и деструктивная при её отсутствии. На основе использования концепции ресурсного подхода в статье последовательно раскрывается роль биологических, профессионально-образовательных, территориальных, производственных, экономических и поведенческих групп ресурсов работников в повышении уровня уверенности в занятости.

В статье «**Профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов нестоличного вуза**» *В.Ю. Бочарова*, канд. социол. наук, доцента, доцента кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, ассоциированного научного сотрудника Социологического института ФНИСЦ РАН, *В.В. Гаврилюк*, д-ра социол. наук, профессора кафедры маркетинга и муниципального управления, консультанта кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, выявляются основные характеристики запросов студентов к своей профессиональной, карьерной и статусной позиции на региональном рынке труда. Авторами представлены данные двух панельных массовых анкетных опросов студентов 1 и 4 курса бакалавриата, выполненных в мониторинговом режиме в Тюменском государственном университете в 2022–2023 гг. В статье показано распределение ответов студентов на вопросы, связанные с темой исследования, и дан их сравнительный анализ. Авторами определена доля согласных/несогласных (в той или иной мере) с альтернативами, касающихся их планов на будущее, также продемонстрированы планы студентов работать по получаемой профессии/специальности. В статье определены их предпочтения при выборе на рынке труда форм трудового найма, режима работы, зарплаты и другие.

В статье «**Изменения оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области**» *Ю.В. Васькиной*, канд. социол. наук, доцента, заведующей кафедрой социологии и культурологии, сотрудника НИИ социальных технологий Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, ассоциированного научного сотрудника Социологического института ФНИСЦ РАН рассматривается изменение показателей в исследуемой области за период 2019–2023 гг. и выявляются их тенденции. При проведении исследования применяется авторская трактовка социального самочувствия и уровня жизни, обосновывается выбор соответствую-

ющих показателей, а также авторский подход к их измерению. Информационную основу исследования составили результаты социологических мониторинговых исследований в Самарской области, данные государственной статистики, результаты мониторинговых исследований ВЦИОМ об уровне жизни и социальном самочувствии населения России. В статье представлено и проанализировано распределение стандартизованных ответов респондентов на вопросы об изменении используемых показателей, в том числе по оцениванию потребительских возможностей семейного дохода с учётом изменения материального положения семьи за прошедший год (для характеристики изменений в уровне жизни) и по оцениванию событий прошедшего года, текущей жизненной ситуации, возможных изменений в их жизни в ближайший год (для характеристики изменений социального самочувствия). По результатам исследования определены тенденции в материальном положении, уровне жизни и социальном самочувствии жителей Самарской области за последние 5 лет.

В рубрике «**КНИЖНАЯ ПОЛКА**» опубликована статья «**О научной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» С.В. Козина**, канд. социол. наук, доцента Южного федерального университета, **Т.П. Жидяевой**, старшего преподавателя Алатырского филиала Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Коллективная монография «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» подготовлена под научным руководством члена-корреспондента РАН, д-ра филос. наук, профессора Ж.Т. Тощенко и является подведением итоговой работы о выполнении научного проекта Российского научного фонда «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества», выполненного в Российском государственном гуманитарном университете в 2018–2022 гг.

В рубрике «**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**» опубликованы две статьи.

Научная конференция «Социальная политика в современной России: вектор развития в новых реалиях» в рамках научной конференц-сессии 20–24 мая 2024 г. «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего». Авторы – **Л.И. Берестова**, д-р экон. наук, профессор кафедры труда и социальной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и **В.Н. Бобков**, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН.

Конкурс научных эссе «Как базовый доход изменил общество. Взгляд из будущего». Автор – **О.П. Кацюба**, директор Благотворительного фонда «Велес».

В рубрике «**ПАМЯТЬ ОБ УЧЁНОМ**» опубликована статья, посвящённая памяти Риориты Пантелеймоновны Колосовой. Автор – **В.Н. Бобков**, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала «Уровень жизни населения регионов России».

**Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков**

СТАТЬЯ НОМЕРА



Оригинальная статья

УДК 304.442+314.06+316.43

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338

EDN LIBWTF

Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт

Джомарт Фазылович Алиев¹, Евгений Шлемович Гонтмахер², Владимир Вильямович Трубин³

^{1,2,3} Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

¹ (KharchenkoDD@rgsu.net), (<https://orcid.org/0009-0009-0127-9414>)

² (GontmakherESh@rgsu.net), (<https://orcid.org/0000-0003-1060-9111>)

³ (Trubinvv@list.ru)

Аннотация

В течение 2023 года в Российском государственном социальном университете проводилась исследовательская работа по анализу системы государственной поддержки семьи, материнства и детства в России, а также в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на постсоветском пространстве, а также в государствах-членах БРИКС и БРИКС+. Целью данной статьи является: во-первых, краткое описание полученных результатов и, во-вторых, формирование рекомендаций для совершенствования российской практики государственной поддержки семьи, материнства и детства. Авторы детально проанализировали правовые, финансовые и организационные принципы политики в исследуемой сфере, отдельно представив уникальный российский опыт внедрения материнского (семейного) капитала. Проведённый анализ позволил установить, что государственная поддержка и защита семьи, материнства и детства реализуется посредством инструментов, различных с точки зрения функций, форм и направлений действий. Однако использование этих инструментов в рамках документов стратегического планирования носит недостаточно комплексный характер, не имеет единого целеполагания. В этой связи представляется обоснованным объединение и реализация всех существующих инструментов государственной поддержки семьи, материнства и детства в рамках самостоятельного национального проекта. Целесообразным также видится изучение вопроса о системе практической реализации этой политики в структуре специального государственного института.

Ключевые слова: государственная поддержка, семья, материнство, детство, ОЭСР, СНГ, БРИКС+

Для цитирования: Алиев Д.Ф., Гонтмахер Е.Ш., Трубин В.В. Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 322–338. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338
EDN LIBWTF



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338

Social Support for Family, Motherhood and Childhood: Russia and the World Experience

Dzhomart F. Aliev¹, Evgenii Sh. Gontmakher², Vladimir V. Trubin³

^{1,2,3} Russian State Social University, Russia, Moscow

¹ (KharchenkoDD@rgsu.net)

² (GontmakherESh@rgsu.net), (<https://orcid.org/0000-0003-1060-9111>)

³ (Trubinvv@list.ru)

Abstract

During 2023, the Russian State Social University conducted research work on the analysis of the system of state support for family, motherhood and childhood in Russia, as well as in the countries of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), in the post-Soviet space, as well as in the BRICS and BRICS+ member states. The purpose of this article is: firstly, a brief summary of the results obtained and, secondly, the formation of recommendations for improving the Russian practice of state support for the family, motherhood and childhood. The authors analyzed in detail the legal, financial and organizational principles of policy in the field under study, separately presenting the unique Russian experience of introducing maternal (family) capital. The analysis made it possible to establish that state support and protection of the family, motherhood and childhood is implemented through tools that differ in terms of functions, forms and directions of action. However, the use of these tools within the framework of strategic planning documents is insufficiently comprehensive and does not have a single goal setting. In this regard, it seems reasonable to combine and implement all existing instruments of state support for the family, motherhood and childhood within the framework of an independent national project. It is also advisable to study the issue of the system of practical implementation of this policy in the structure of a special state institution.

Keywords: state support, family, motherhood, childhood, OECD, CIS, BRICS+

For citation: Aliev D.F., Gontmakher E.Sh., Trubin V.V. Social Support for Family, Motherhood and Childhood: Russia and the World Experience. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):322-338. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_1_322_338 (In Russ.)

Введение

Государственная поддержка и защита семьи, материнства и детства определена Конституцией Российской Федерации в качестве одной из важнейших функций социального государства.

Законодательством России установлены права и гарантии семьи, материнства и детства в сферах труда, охраны здоровья и образования, социальной защиты и социального обеспечения, культуры, физической культуры и спорта.

Цели государственной поддержки и защиты семьи, материнства и детства зафиксированы в документах стратегического планирования Российской Федерации (в том числе в формате целевых показателей). К таким документам относятся национальные и федеральные проекты, государственные и ведомственные программы.

Как показало проведённое в Российском государственном социальном университете исследование, отечественный опыт социальной поддержки семьи, материнства и детства весьма успешен, а по ряду направлений превосходит результаты, достигнутые в странах СНГ и БРИКС+.

Исследование базировалось на анализе наиболее значимых публикаций, посвящённых формированию и реализации социальной политики в России [1–10]. Вместе с тем, исследование показало, что наряду со значительным вниманием российских экспертов к проблеме социальной поддержки семьи, материнства и детства, опубликованные ими результаты охватывают, главным образом, ситуацию в России в доковидный период [11–16]¹. Исключение составляет доклад НИУ «Высшая школа экономики» 2022 года, в котором описаны меры социальной защиты в постковидный период².

В публикациях отечественных исследователей, кроме того, отсутствует анализ современных подходов к социальной поддержке семьи, материнства и детства, реализуемых в зарубежных странах, в том числе в странах-членах СНГ, БРИКС+, а также в отдельных странах ОЭСР.

Между тем, Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 к числу национальных целей раз-

вития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года прямо отнесено «сохранение, укрепление населения здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи». Указом № 309 определены целевые показатели и задачи, характеризующие достижение данной цели (повышение суммарного коэффициента рождаемости; увеличение ожидаемой продолжительности жизни; обеспечение не ниже средне-российских темпов повышения к 2030 году суммарного коэффициента рождаемости в субъектах Российской Федерации, в которых по итогам 2023 года значение такого коэффициента было ниже среднероссийского и др.).

Достижение этих национальных целей, очевидно, потребует, определённой корректировки как теоретических представлений о социальной поддержке семьи, материнства и детства, так и внедрения новых практических подходов к её организации.

Целью проведённого исследования является выявление наиболее существенных тенденций развития механизмов социальной поддержки семьи, материнства и детства в России и за рубежом, достигнутого/подтверждённого позитивного опыта их влияния на важнейшие социально-экономические параметры и формирование рекомендаций для совершенствования российской практики в интересах достижения национальных целей.

Объектом исследования являются отношения в сфере социальной поддержки семьи, материнства и детства.

В соответствии с методологией исследования в настоящем исследовании обосновывается положение о том, что государственная поддержка и защита семьи, материнства и детства не ограничивается только мерами социальной защиты, как это трактуется традиционно. Она охватывает и другие иные инструменты, создающие необходимые условия для выполнения семьёй её функций и направленные на повышение качества жизни семей с детьми. Предлагаемая методология, используемая в исследовании, позволяет комплексно учитывать применяемые государством инструменты, что важно для интегральной, достоверной оценки хода и результатов мероприятий по поддержке и защиты семьи, материнства и детства, в том числе с позиций эффективности применения всех ресурсов – финансовых, кадровых и информационных и др.

Информационной основой исследования являются официальные данные органов государственной власти России, СНГ, стран, БРИКС+, организаций системы ООН, других международных организаций (Всемирный банк, МВФ и др.) зару-

¹ См. также: Детский бюджет // НИФИ: [сайт]. URL: <https://www.nifi.ru/ru/activity/research-projects> (дата обращения: 15.01.2024); Анализ финансовых механизмов предоставления мер социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации: научный доклад / Научно-исследовательский финансовый институт; под ред. к.э.н. В.В. Трубина. М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2015. 94 с.

² Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества // XXIII Ясинская (Апрельская) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, 5–22 апреля 2022, Москва, Россия / Е.А. Андреева, С.С. Бирюкова [и др.]; под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, О.В. Синавской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 184 с. ISBN 978-5-7598-2639-2

бежных экспертов, характеризующих национальные системы государственной поддержки семьи, материнства и детства.

Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в том, что результаты исследования могут явиться основой дальнейшего углублённого межстранового анализа современных механизмов социальной поддержки семьи, материнства и детства, а также выработки мер социальной политики в этой области в интересах достижения национальных целей Российской Федерации и других государств СНГ и БРИКС+.

Проведённое исследование показало, что отечественное законодательство в области поддержки и защиты семьи, материнства и детства в полной мере соответствует нормам международных договоров, участником которых является Российская Федерация (документы ООН, МОТ и др.).

Обобщение и анализ норм российского законодательства позволил разработать и графически представить структуру государственной поддержки и защиты семьи, материнства и детства. Она состоит из инструментов, которые отличаются с точки зрения функций, форм и направлений действий (рисунок 1).

Как видно из рисунка 1, государственная поддержка и защита семьи, материнства и детства не ограничивается только мерами социальной защиты, как это трактуется традиционно. Она охваты-

вает и другие инструменты, создающие необходимые условия для выполнения семьёй её функций и направленные на повышение качества жизни семей с детьми. В их числе можно выделить:

- льготы/преференции при реализации права на труд и ведение бизнеса;
- администрирование (прогнозирование, бюджетирование, мониторинг, контроль и информационное обеспечение) поддержки семьи;
- моральное стимулирование семейности, материнства, детности, семейных ценностей.

Предлагаемая схема позволяет комплексно учитывать используемые государством инструменты. Это важно для интегральной, достоверной оценки хода и результатов мероприятий по поддержке семьи, материнства и детства, в том числе с позиций эффективности применения всех ресурсов – финансовых, кадровых и информационных.

Видится разумным решением использовать комплексные характеристики механизма государственной поддержки семьи, материнства и детства в практике проектного управления, в том числе в целях бюджетирования расходов страны.

Цели государственной семейной политики определены нормативными правовыми актами Российской Федерации. Их формулировки уточнялись, конкретизировались и расширялись по мере изменения социально-экономической ситуации в стране.



Рисунок 1. Инструменты государственной поддержки семьи, материнства и детства
Figure 1. Instruments of State Support for Family, Motherhood and Childhood

Источник: составлено авторами.

Так, в 1996 году эта цель формулировалась как «обеспечение государством необходимых условий для реализации семьёй её функций и повышения качества жизни семьи»³. В 2014 году редакция цели изменилась и определялась как «поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьёй её функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе её общественного развития»⁴.

Цели государственной поддержки и защиты семьи, материнства и детства зафиксированы в документах стратегического планирования Российской Федерации (в том числе в формате целевых показателей). К таким документам относятся национальные и федеральные проекты, государственные и ведомственные программы.

Характеризуя систему целеполагания в области государственной поддержки семьи, материнс-

тва и детства, следует отметить несколько её основных недостатков. К ним относятся:

– несистемность, охват не всех областей жизнедеятельности населения⁵;

– ориентация значительной части показателей, главным образом, на промежуточные, а не на конечные результаты;

– нестабильность целевых показателей, используемых в документах стратегического планирования;

– сложность применения целевых показателей для оценки эффективности и результативности использования ресурсов, в том числе финансовых.

Представление о системе целевых показателей в области государственной поддержки семьи, материнства и детства до 2024 года, определённые национальными проектами, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Целевые показатели в области государственной поддержки семьи, материнства и детства до 2024 года, определённые национальными проектами

Table 1

Targets in the State Support for the Family, Motherhood and Childhood until 2024, Defined by National Projects

Национальные проекты	Целевые показатели, достижение которых ожидается в 2024 году
Демография	Увеличение суммарного коэффициента рождаемости (до 1,7 детей на 1 женщину) ⁶
	Количество дополнительно созданных мест с целью обеспечения дошкольным образованием детей в возрасте до 3 лет, с нарастающим итогом 269–797 мест ⁷
	Доля семей с детьми, которые лично проинформированы о возникновении прав на получение мер социальной поддержки, от выразивших согласие на получение проактивного уведомления или обратившихся посредством посещений – 100% ⁸
	Доля семей с детьми, получивших меры социальной поддержки на детей на основании заявления или проактивно – 60% ⁹
	Численность семей с детьми, охваченных мерами социальной поддержки – 1 988 000 семей ¹⁰
Образование	Доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием – 80% ¹¹
	Количество созданных новых мест в общеобразовательных организациях, в том числе расположенных в сельской местности и посёлках городского типа – 1 034 252 мест ¹²

³ Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 года № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» // kremlin.ru: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9338> (дата обращения: 10.1.2024).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 года № 712 (ред. от 05.10.2002) «Об основных направлениях государственной семейной политики» // garant.ru: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/1548725/?ysclid=lwgw89yxzj201399893> (дата обращения: 10.1.2024).

⁵ Например, в федеральных проектах, входящих в состав Национальных проектов «Жильё», «Культура», «Туризм и индустрия гостеприимства» целевые показатели государственной поддержки семьи, материнства и детства не определены.

⁶ Паспорт Национального проекта «Демография» // Совет по национальным проектам при Президенте Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaeohKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

⁷ Паспорт национального проекта «Демография» // Минтруд России: [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/edition/41/62/НП%20Демография.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Паспорт Национального проекта «Демография» // Совет по национальным проектам при Президенте Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjOFcsqdlLx8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

¹² Паспорт национального проекта «Образование» // Минобрнауки России: [сайт]. URL: https://edu.gov.ru/application/frontend/skin/default/assets/data/national_project/main/Паспорт_национального_проекта_Образование.pdf (дата обращения: 22.01.2024).

Национальные проекты	Целевые показатели, достижение которых ожидается в 2024 году
	Количество общеобразовательных организаций, расположенных в сельской местности и малых городах, в которых созданы и функционируют центры образования естественно-научной и технологической направленности – 85% ¹³
Здравоохранение	Снижение младенческой смертности (до 4,5 случаев на 1 000 родившихся детей) ¹⁴
	Увеличение охвата детей в возрасте 15–17 лет профилактическими медицинскими осмотрами с целью сохранения их репродуктивного здоровья (доля от общего числа детей, подлежащих осмотрам), % ¹⁵
Жильё и городская среда	Обеспечение доступным жильём семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита, ставка по которому должна быть менее 8% ¹⁶
Культура	Показатель отсутствует
Туризм и индустрия гостеприимства	Показатель отсутствует

Значительное количество целевых показателей, относящихся к государственной поддержке семьи, материнства и детства, определены, кроме того, в федеральных проектах, входящих в состав национальных проектов (28). Для них характерны те же недостатки, что и отмеченные выше. Достаточно указать такие, например, показатели, как:

- доля семей с детьми, которые лично проинформированы о возникновении прав на получение мер социальной поддержки, от выравших согласие на получение проактивного уведомления или обратившихся посредством посещения, %;

- доля посещений детьми медицинских организаций с профилактическими целями, %;

- число детей, получивших рекомендации по построению индивидуального учебного плана в соответствии с выбранными профессиональными компетенциями (профессиональными областями деятельности), в том числе по итогам участия в проекте «Билет в будущее», тысяч человек и т.п.

Подобные недостатки, являющиеся, по существу, результатом недостаточно последовательного соблюдения требований программно-целевого управления, можно рассматривать в качестве одной из причин недостижения или частичного достижения ожидаемых результатов реализации национальных и федеральных проектов, государственных и ведомственных программ.

В этой связи очевидна необходимость отражения вопросов государственной поддержки

¹³ Паспорт национального проекта «Образование» // Минобрнауки России: [сайт]. URL: https://edu.gov.ru/application/frontend/skin/default/assets/data/national_project/main/Паспорт_национального_проекта_Образование.pdf (дата обращения: 22.01.2024).

¹⁴ Паспорт национального проекта «Здравоохранение» // Минздрав России: [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/gWYJ4OsAhPOweWajk1prKDEpregEcdul.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Паспорт национального проекта «Жильё и городская среда» // Минстрой России: [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).

семьи, материнства и детства во всех документах стратегического планирования Российской Федерации, затрагивающих вопросы жизнедеятельности россиян.

Стоит также задуматься об усовершенствовании системы целевых показателей государственной поддержки семьи, материнства и детства, используемых в документах стратегического планирования.

В числе прочего можно рекомендовать систему показателей, используемых в аналогичных целях ОЭСР¹⁷:

- Состояние семей (рождаемость, смертность, брачность, разводимость, размер семей);

- Положение семей на рынке труда (занятость, безработица, время труда и отдыха);

- Государственная политика (дошкольное образование, среднее и высшее образование, охрана здоровья, социальное обслуживание);

- Результаты политики для детей (здоровье, детская бедность, образование/грамотность, участие в жизни общества).

Финансирование государственной поддержки семьи, материнства и детства в Российской Федерации

Характеристика финансового обеспечения государственной поддержки семьи, материнства и детства сопряжена со сложностями, вытекающими из современных особенностей проектного управления и классификации расходов бюджетной системы. Расходы на государственную поддержку семьи, материнства и детства относительно детально отражены в разделе 0700 «Образование» классификации расходов бюджетной системы. Подраздел «Охрана семьи и детства» раздела расходов федерального бюджета 1000 «Социальная политика» характеризует расходы на финансирование далеко не всех инструментов государственной поддержки семьи, материнства и детства¹⁸.

¹⁷ OECD Family Database // OECD: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁸ По подразделу 1004 «Охрана семьи и детства» отражаются расходы на:

Существующая классификация не выделяет расходы бюджетов на государственную поддержку семьи, материнства и детства по трем разделам: 0800 «Культура, кинематография»; 0900 «Здравоохранение» и 1100 «Физическая культура и спорт».

Кроме того, в действующей бюджетной классификации отсутствуют целевые статьи расходов на финансирование компенсаций в рамках мер социальной защиты:

- поставщикам – в связи с полным или частичным освобождением отдельных групп населения от платы за получение услуг (транспорта, связи, медицинских, коммунальных, образовательных, санаторно-курортных, отдыха и оздоровления, зубопротезирования, ремонта жилья и др.);

- производителям – в связи с предоставлением товаров отдельным группам населения бесплатно или за частичную плату (продукты питания, топливо, лекарства, жилые помещения, технические средства реабилитации и др.).

Недоучёт в практике бюджетирования расходов, связанных с предоставлением компенсаций, занижает фактические расходы бюджетной системы на поддержку семьи, материнства и детства.

В этой связи целесообразна корректировка бюджетной классификации Российской Федерации, её дополнение целевыми статьями, отражающими расходы бюджетной системы на финансирование всех инструментов государственной поддержки семьи, материнства и детства.

При этом на практике существуют и предоставляются в соответствии с требованиями законодательства льготы, не поддающиеся стоимостной оценке¹⁹.

- социальную поддержку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя;

- предоставление мер социальной поддержки гражданам в связи с рождением и воспитанием детей (включая пособия по опеке и попечительству, выплату единовременного денежного поощрения при награждении орденом «Родительская слава», выплату компенсации части родительской платы за содержание ребёнка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования);

- перевозку несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей, детских домов, школ-интернатов, специальных учебно-воспитательных учреждений;

- предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из их числа по договорам найма специализированных жилых помещений.

¹⁹ К ним относится, например, преимущества при вступлении в садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан; внеочередная/первоочередная/преимущественная установка квартирного телефона; внеочередное обеспечение жилыми помещениями; внеочередное оказание медицинской помощи; первоочередное обеспечение топливом; и т.п.

Сложности анализа финансирования государственной поддержки семьи, материнства и детства обусловлена также наличием различных источников информации, данные которых далеко не всегда совпадают. В их числе данные паспортов национальных и федеральных проектов, данные Казначейства России об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации, данные Росстата.

Как показал анализ, ни один из вышеперечисленных источников не позволяет получить интегральную оценку расходов на государственную поддержку семьи, материнства и детства.

Для получения максимально полной, комплексной оценки авторами был проведён детальный анализ расходов федерального бюджета на государственную поддержку семьи, материнства и детства в рамках государственных программ Российской Федерации, утверждённых федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»²⁰.

Проанализированы утверждённые расходы на финансирование таких государственных программ Российской Федерации, как «Доступная среда», «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Социальная поддержка граждан», «Развитие культуры», «Развитие физической культуры и спорта». По каждой программе выделены расходы, прямо связанные с действиями/инструментами государственной поддержки семьи, материнства и детства.

Данные об объёмах финансирования государственной поддержки, распределённые по группам инструментов, приведены в таблице 2.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о значительных расходах федерального бюджета на государственную поддержку семьи, материнства и детства, а также о широком наборе используемых инструментов. Обращает на себя внимание положительная динамика роста объёмов финансирования и доли расходов на господдержку в расходах федерального бюджета.

Приоритетными направлениями финансирования в рамках государственных программ по видам инструментов являются:

- по направлению «Денежные выплаты» – предоставление материнского (семейного) капитала;

- по направлению «Развитие инфраструктуры» – создание новых мест в общеобразовательных организациях в связи с ростом числа обучающихся, вызванным демографическим фактором;

²⁰ Данные паспортов национальных и федеральных проектов не рассматривались, поскольку не учитывали в полном объёме перечень инструментов государственной поддержки семьи, материнства и детства. Данные Казначейства России не анализировались, поскольку в них содержится информация не позднее 2020 года.

– по направлению «Предоставление товаров» – грант в форме субсидии Фонду «Круг добра» (поддержка детей с тяжёлыми жизнеугрожающими и хроническими заболеваниями, в том числе редкими (орфанными) заболеваниями);

– по направлению «Оказание услуг» – субсидии на организацию бесплатного горячего питания обучающихся, получающих начальное общее образование в государственных и муниципальных образовательных организациях;

– по направлению «Информационное обеспечение» – субсидия федеральному государственно-

му унитарному предприятию «Информационное телеграфное агентство России (ТАСС)» на финансовое обеспечение организационно-технического сопровождения специализированного канала общественно-политической направленности, ориентированного на детей в возрасте 8–16 лет и т.п.

Полученные данные подтверждают вывод о государственной поддержке семьи, материнства и детства как о совокупности различных по формам и направлениям действий, базирующихся на применении набора инструментов с общим целеполаганием.

Таблица 2

Распределение бюджетных ассигнований на государственную поддержку семьи, материнства и детства по государственным программам Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024–2025 годов, тысяч рублей

Table 2

Distribution of Budget Allocations for State Support of the Family, Motherhood and Childhood According to the State Programs of the Russian Federation for 2023 and for the Planning Period 2024–2025, Thousands of Rubles

Инструменты	2023 год	2024 год	2025 год
Денежные выплаты	1 889 217 094,40	2 076 810 468,60	2 163 934 230,10
Развитие инфраструктуры	219 151 989,40	210 873 511,20	137 684 472,80
Предоставление товаров	89 274 274,50	95 066 665,80	99 662 625,90
Оказание услуг	75 148 302,50	74 415 541,60	73 082 789,40
Информационное обеспечение	56 700,00	56 700,00	56 700,00
Прочие	15 212 165,90	15 862 826,60	16 315 103,50
Итого	2 288 060 526,70	2 473 085 713,80	2 490 735 921,70
Удельный вес расходов на государственную поддержку семьи, материнства и детства в расходах федерального бюджета, %	7,9	8,4	8,5
Удельный вес расходов на государственную поддержку семьи, материнства и детства в ВВП, % (прогноз)	1,8	1,7	1,6

Источники: ²¹

Оценка результатов реализации российской государственной семейной политики

Для оценки результатов государственной поддержки семьи, материнства и детства были проанализированы данные годовых отчётов федеральных органов исполнительной власти о результатах реализации национальных и федеральных проектов, данные Росстата и др. При необходимости использовались сравнительные данные по зарубежным странам.

Анализ данных о реализации национальных и федеральных проектов в 2022 году позволил сделать следующие выводы:

²¹ Составлено авторами по данным Федерального закона от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/405874129/?ysclid=lwi4x3gcdi109279581> (дата обращения: 01.02.2024); Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов // Министерство экономического развития России: [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2022_god_i_na_planovyy_period_2023_i_2024_godov.html (дата обращения: 02.11.2023).

1. В 2022 году достигнуто преобладающее большинство целевых показателей, определённых национальными и федеральными проектами в целом по Российской Федерации. По ряду показателей достигнутый уровень превышает параметр, запланированный на 2024 год.

Невыполненными оказались только три запланированных на 2022 год целевых показателя (таблица 3).

2. В открытом доступе отсутствует информация о достижении 10 целевых показателей из 28, определённых федеральными проектами в 2022 году, то есть практически 1/3. Особо следует отметить отсутствие сведений о таких чувствительных показателях, как «Смертность детей в возрасте 0–4 года на 1000 родившихся живыми, промилле» и «Смертность детей в возрасте 0–17 лет на 100 000 детей соответствующего возраста, число случаев».

3. Дефицит информации осложняет обобщённую, комплексную оценку результатов национальных и федеральных проектов в части поддержки семей, материнства и детства. Эти данные следует снова сделать открытыми.

Таблица 3

Уровень невыполнения ряда целевых показателей, характеризующих положение детей в России

Table 3

The Level of Non-fulfillment of a Number of Targets Characterizing the Situation of Children in Russia

	Запланировано	Фактически выполнено
Доля взятых под диспансерное наблюдение детей в возрасте 0–17 лет с впервые в жизни установленными диагнозами болезней системы кровообращения, %	85,0	83,7
Доля взятых под диспансерное наблюдение детей в возрасте 0–17 лет с впервые в жизни установленными диагнозами болезней эндокринной системы, расстройств питания и нарушения обмена веществ, %	85,0	83,3
Доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет, %	99,67	98,19

Источник: ЕМИСС²².

4. В настоящее время в рамках стратегического планирования используется значительное количество «технических» целевых показателей, характеризующих текущую деятельность ведомств в рамках существующих у них полномочий, а не конечные результаты. Например, оценивается создание мест в дошкольных учреждениях для детей в возрасте до трёх лет, но не число матерей, приступивших благодаря этому к работе. Более того, как показал анализ, в процессе реализации национальных проектов могут меняться как перечни целевых показателей, так и их значения.

Подобная практика нуждается в устранении. Она не соответствует общепринятой методоло-

гии стратегического планирования, осложняет достоверную оценку результатов реализации национальных и федеральных проектов, в том числе с позиций бюджетной эффективности.

Анализ показал, что ряд показателей, характеризующих существенные аспекты и результаты государственной поддержки семьи, материнства и детства, не используется в действующих документах стратегического планирования в качестве целевых.

5. По данным Росстата, несмотря на предпринимаемые государством усилия, не удаётся преодолеть тенденцию сокращения рождаемости и роста смертности, следствием чего является отрицательный естественный прирост (таблица 4).

Таблица 4

Показатели рождаемости и смертности в России

Table 4

Birth and Death Rates in Russia

Годы	На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост
2014	12.9	12.6	0.3
2015	13.4	12.6	0.8
2016	13.1	12.4	0.7
2017	11.6	12.0	-0.4
2018	11.0	12.0	-1.0
2019	10.2	11.9	-1.7
2020	9.9	14.3	-4.4
2021	9.6	16.5	-6.9
2022	8.9	12.6	-3.7

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Негативной демографической тенденцией также явился рост материнской смертности. Коэффициент материнской смертности увеличился с 9,0 промилле в 2019 году и 11,2 промилле в 2020 году до 34,5 промилле в 2021 году²³. Подобная

²² ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 27.01.2024).

²³ Таблица материнская смертность населения в России по годам // infotables.ru: [сайт]. URL: <https://infotables.ru/>

динамика способна выступать в качестве одного из факторов сокращения рождаемости в стране. При этом нужно учитывать, что данный показатель не определён в качестве целевого ни в рамках национального, ни федерального проектов.

Проведённое изучение позволило констатировать определённую стабилизацию тако-

го демографического параметра, как суммарный коэффициент рождаемости. Его величина в 2018–2020 гг. осталась практически без изменений – на уровне 1,5, характерном для большинства экономически развитых стран.

6. Позитивным результатом реализуемых в Российской Федерации мер в области защиты семьи, материнства и детства является достиг-

нутое сокращение младенческой смертности – с 4,6 на 1000 родившихся живыми в 2021 году до 4,4 в 2022 году²⁴.

7. Несмотря на предпринимаемые государством меры, бедность в семьях с детьми в России сохраняется, хотя и имеет тенденцию к сокращению (таблица 5).

Таблица 5

Доля малоимущих домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 18 лет, в общей численности домашних хозяйств соответствующей группы, в %

Table 5

The Share of Low-income Households with Children under the Age of 18 in the Total Number of Households in the Corresponding Group, in %

2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
17,3	17,5	14,3	14,5

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Наблюдаемая динамика свидетельствует об ограниченной результативности предпринимаемых мер по повышению уровня жизни семей с детьми. Существуют различные объяснения причин данного явления. Достаточно обоснованными представляются следующие аргументы:

– оплата труда части занятых в экономике на уровне МРОТ недостаточна для удовлетворения потребностей семей с детьми и выведения их из состояния бедности²⁵;

– в рамках государственной поддержки семей, материнства и детства акцент сделан на преимущественное использование социальных выплат. Иные инструменты, доказавшие эффективность в зарубежной практике, в том числе специальные системы налогообложения и кредитования, не используются, либо их применение носит ограниченный характер²⁶;

– сохраняется определённая часть населения, не стремящаяся к выходу из состояния бедности.

²⁴ Таблица младенческая смертность населения в России по годам // infotables.ru: [сайт]. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/789-mladencheskaya-i-materinskaya-smernost> (дата обращения: 25.03.2024).

²⁵ В 2021 году, например, согласно расчётам авторов с использованием данных Росстата, 2,5% работников организаций получали заработную плату ниже МРОТ (12 792 рубля в месяц); 9,8% – заработную плату, размер которой не превышал 1,5 МРОТ.

²⁶ Bolsa Família Program (PBF) // World Without Poverty: [сайт]. URL: https://wpp.org.br/wp-content/uploads/2016/12/fact_sheet_bolsa_familia_english.pdf (дата обращения: 27.01.2024); Child poverty in the OECD: Trends, Determinants and Policies to tackle it // OECD: [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/publication/328653344_Child_poverty_in_the_OECD_Trends_Determinants_and_Policies_to_tackle_it. Family-friendly Policies in the Workplace: The current situation, needs and recommendations for China (дата обращения: 28.01.2024); Family-friendly-global-survey-business-policy-2020 // United Nations Children's Fund: [сайт]. URL: <https://www.unicef.org/media/65011/file/UNICEF%20Family-friendly-global-survey-business-policy-2020.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

Они получают свой объём социальной помощи и не хотят его лишаться.

На основе проведённого анализа можно сделать вывод о необходимости опережающего инфляцию повышении уровня МРОТ как важного инструмента государственной поддержки, ориентированной на сокращение бедности семей с детьми.

Средняя заработная плата и МРОТ в России кратно ниже, чем в преобладающей части стран-участниц ОЭСР. В значительной мере это отставание объективно обусловлено экономическими причинами – уровнем и темпами экономического роста, индикатором чего является показатель ВВП. По расчётам авторов, налицо тесная прямая корреляционная связь между величинами заработной платы, МРОТ и ВВП.

Вместе с тем статистические данные показывают, что некоторые страны с показателями ВВП ниже, чем у России, обгоняют нашу страну по уровню МРОТ. В Болгарии ВВП на душу населения составляет 32 233 доллара США – показатель, близкий к российскому. А размер годового МРОТ в 2021 году составлял там 9797,4 долларов США – то есть практически в два раза выше, чем у нас. Показатели МРОТ в Турции, Словакии, Греции, Мексике тоже значительно опережают российские²⁷.

В этой связи, по результатам проведённых авторами расчётов, представляется экономически

²⁷ World Social Protection Report 2020–22: Social protection at the crossroads – in pursuit of a better future // International Labour Office – Geneva: ILO: [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_817572/lang-en/index.htm (дата обращения: 29.01.2024);

World Employment and Social Outlook: Trends 2022 // Geneva: International Labour Office: [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2022/WCMS_834081/lang-ru/index.htm (дата обращения: 29.01.2024).

и социально оправданным повышение размера МРОТ в Российской Федерации с установленных с 1 января 2024 года 19242 рублей до 21114,6 рублей в месяц. Данное решение позволит сократить дефицит доходов в семьях с детьми и вывести значительную их часть из состояния бедности.

8. В качестве ещё одной меры по выводу из зоны бедности семей с детьми можно назвать развитие дружественной занятости или так называемых семейных предприятий. Семейные компании являются основой экономики во многих европейских странах, а также в США и Латинской Америке. Доля таких компаний составляет более 50% в странах Евросоюза, от 65% до 90% в Латинской Америке, и более 95% в Соединенных Штатах. В последнее время семейное предпринимательство активно внедряется в странах Восточной Европы: Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, Беларуси, Узбекистане [17]. Проект федерального закона «О развитии семейного предпринимательства в Российской Федерации» № 1094602-6 находится на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с 2016 года. По мнению разработчиков законопроекта, семейный бизнес способен выполнять не только экономические, но и социальные функции²⁸. Он может обеспечивать эффективную самозанятость и создавать новые рабочие места.

Представляется целесообразным ускорить принятие данного законопроекта, который может не только обеспечивать рост занятости и доходов семей, но и способствовать укреплению брачно-семейных отношений.

9. Ещё одной действенной мерой по улучшению социального положения семей с детьми может стать модернизация системы налогообложения их доходов.

В Российской Федерации к семьям и детям применяются различного рода налоговые льготы:

- освобождение от налогообложения отдельных видов доходов физических лиц (статья 217 Налогового кодекса Российской Федерации, часть вторая);
- представление стандартных налоговых вычетов (статья 218);
- получение социальных налоговых вычетов (статья 219);
- уменьшение размера государственной пошлины (статья 333.24);
- уменьшение налоговой базы на величину кадастровой стоимости объектов налогообложения (статьи 391 и 403).

Социальная обоснованность подобных льгот очевидна. Однако они, как следует из статистических данных, не способствуют преодолению

²⁸ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1094602-6> (дата обращения: 01.11.2023).

бедности и снижению чрезмерной дифференциации уровней доходов в семьях с детьми.

Между тем в зарубежной практике широко применяется налогообложение, учитывающее размер семей и наличие детей в домашних хозяйствах. При этом используется два подхода: дифференцированные системы налогообложения доходов и/или налоговые льготы.

Наряду с налогообложением индивидуальных доходов, за рубежом используются системы, предусматривающие учёт доходов супругов и/или семей [18].

В полностью индивидуальной системе доходы обоих супругов для целей налогообложения учитываются отдельно. В частично индивидуальной системе налоговые льготы предоставляются единственному кормильцу, что улучшает фискальный эффект.

При распределительной системе совокупный доход для расчёта налога делится на обоих партнёров или на всех членов семьи.

В Нидерландах используется прогрессивная шкала налогообложения доходов. Лицо, подлежащее налогообложению, должно указать сведения о своем доходе в собственной налоговой декларации, за исключением тех компонентов дохода, которые законодательно определены как совместный доход. К ним относятся проценты по ипотеке на дом, находящийся в частной собственности, доходы от ценных бумаг и личные отчисления физического лица. Важность применения совместного дохода заключается в том, что доход может быть заявлен одним из партнёров или разделён между обоими, при условии, что общая заявленная сумма составляет 100%. Доход, не являющийся совместным, облагается налогом на индивидуальной основе.

В некоторых странах ОЭСР пособия семьям с детьми не облагаются налогами (Германия, США). В других используется дифференцированный подход, при котором одни виды пособий облагаются налогами, а другие виды не подлежат налогообложению. Так, например, во Франции на определённых условиях облагаются налогами материальная помощь при рождении ребёнка, пособие по беременности и родам, пособие на отпуск по отцовству. Не облагается налогом пособие на время отпуска по уходу за ребёнком²⁹. В Великобритании не облагается налогом пособие по беременности и родам, но облагается ма-

²⁹ Social Security Review 2021. Evolution of Social Security in South Africa: An Agenda for Action // Human Sciences Research Council: [сайт]. URL: <https://repository.hsrc.ac.za/handle/20.500.11910/16334> (дата обращения: 01.02.2024); The Future of Social Protection: What works for non-standard workers // OECD: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/els/the-future-of-social-protection-9789264306943-en.htm> (дата обращения: 1.02.2024); 2021 US Based Benefits Guide // savethechildren.org: [сайт]. URL: <https://www.savethechildren.org/content/dam/usa/reports/2021-us-based-benefits-guide.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

териальная помощь при рождении ребёнка, а также пособие на отпуск по отцовству [13].

Применяемые в европейских странах системы налогообложения обеспечивают, при про-

чих равных условиях, дифференциацию уровней налогообложения доходов, в том числе, с учётом размера семей и наличия детей (таблица 6).

Таблица 6

Уровень налогообложения доходов домохозяйств различных типов, в %

Table 6

The Level of Taxation of Household Income of Various Types, in Particular %

Страны	Тип домохозяйств			
	Одно лицо без детей	Одно лицо с двумя детьми	Супружеская пара с одним работающим без детей	Супружеская пара с одним работающим и двумя детьми
Германия	39.2	26.8	31.0	19.6
Франция	27.8	18.1	23.9	17.5
Нидерланды	31.9	18.1	28.1	23.8
Великобритания	25.5	19.0	25.5	19.0
Швеция	24.7	17.3	24.7	17.3

Источник: [8].

Налоговые льготы для семей, применяемые за рубежом, предусматривают:

- освобождение от налога (доход от пособий на детей не включается в базу налогообложения);
- налоговые вычеты на детей (суммы на детей, вычитаемые из валового дохода и не включаемые в налогооблагаемый доход);
- уменьшение налогового оклада. Налогоплательщику фактически возвращается сумма, на которую уменьшение налогового оклада превышает сумму налогового обязательства, такая выплата учитывается в составе вышеупомяну-

тых денежных трансфертов. То же относится к суммам уменьшения налогового оклада на детей, которые обычно выплачиваются получателям в денежной форме, например, в Австрии и Канаде.

Кроме того, используются различного рода налоговые льготы. Их набор, размеры и условия предоставления в странах ОЭСР различаются.

Налоговые льготы, как следует из данных ОЭСР, в целом ряде стран представляют собой существенный инструмент государственной поддержки семей с детьми (таблица 7).

Таблица 7

Государственные расходы на семейную помощь в странах ОЭСР, в % к ВВП, 2019

Table 7

State Spending on Family Care in OECD Countries, as % of GDP, 2019

Страны	Всего	в т.ч.		
		Денежные выплаты	Услуги	Налоговые льготы
Франция	3,44	1,34	1,38	0,73
Швеция	3,42	1,29	2,13	0,00
Люксембург	3,36	2,30	1,06	0,00
Польша	3,35	2,30	0,72	0,33
Эстония	3,34	2,32	0,89	0,13
Исландия	3,34	1,03	2,32	0,00
Дания	3,31	1,27	2,04	0,00
Норвегия	3,28	1,22	1,96	0,09
Германия	3,24	1,08	1,34	0,82
Бельгия	3,18	1,66	1,11	0,41
Венгрия	3,09	1,36	1,03	0,70
Финляндия	2,89	1,11	1,78	0,00
Новая Зеландия	2,65	1,44	1,21	0,00
Австралия	2,35	1,39	0,96	0,00

Страны	Всего	в т.ч.		
		Денежные выплаты	Услуги	Налоговые льготы
Австрия	2,54	1,77	0,74	0,03
Великобритания	2,49	1,44	0,97	0,08
Израиль	2,46	0,99	1,07	0,40
Литва	2,46	1,47	0,99	0,00
Латвия	2,27	1,37	0,88	0,01
Швейцария	2,22	1,19	0,54	0,49
Словакия	2,14	1,13	0,66	0,35
Чехия	2,13	1,43	0,67	0,03
Япония	1,95	0,66	1,08	0,20
Канада	1,87	1,48	0,28	0,11
Италия	1,87	0,76	0,66	0,45
Нидерланды	1,86	0,72	0,85	0,29
Словения	1,81	1,17	0,65	0,00
Греция	1,77	1,40	0,37	0,00
Чили	1,76	0,72	1,02	0,01
Колумбия	1,75	0,25	1,50	0,00
Ирландия	1,70	1,09	0,54	0,06
Португалия	1,68	0,83	0,38	0,47
Корея	1,56	0,32	1,05	0,19
Испания	1,48	0,54	0,73	0,20
США	1,04	0,06	0,56	0,42
Коста-Рика	1,02	0,49	0,49	0,04
Мексика	0,63	0,10	0,53	0,00
Турция	0,54	0,20	0,34	0,00

Источник: рассчитано авторами на основании данных OECD Family Database³⁰.

Материнский (семейный) капитал как инновационный инструмент семейной политики³⁰

В Российской Федерации с 2007 года используется программа материнского (семейного) капитала (далее – материнский капитал, программа МСК). Это мера государственной поддержки российских семей, имеющих детей. Программа МСК введена Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ³¹.

Исследование показало, что российская программа материнского (семейного) капитала (МСК) не имеет аналогов в мире по составу участников и направлениям реализации³².

³⁰ OECD Family Database: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (дата обращения: 25.02.2024).

³¹ Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

³² О программах МСК в зарубежных странах см. подробнее: Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О поощрении и защите семейных ценностей на пространстве СНГ» // Министерство иностранных дел России: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1431888/ (дата обращения: 15.12.2023); Казахстанские семьи. Национальный доклад / Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан;

Программа МСК:

- способствовала изменению модели рождаемости, стимулируя многодетность;
- превратилась в основной по размерам вид социальных пособий, выплат и компенсаций, получателями которых являются домохозяйства с детьми в возрасте до 18 лет;

Астана, 2022 // gov.kz: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/uploads/2023/1/11/4eb472b5c92d3d8224cdc410abfaba90_original.2821402.pdf?ysclid=lteekeov1y464927943 (дата обращения: 01.03.2024); Оценка на основе национального диалога по вопросам социальной защиты. На пути к национально установленному минимальному уровню социальной защиты в Республике Таджикистан / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2018. 178 с. ISBN 978-92-2-132082-1 (print); ISBN 978-92-2-132083-8 (web pdf); Кадры системы социальной защиты детей в Узбекистане: сильные стороны, проблемы и дальнейшее развитие // UNICEF: [сайт]. URL: https://www.unicef.org/uzbekistan/media/3341/file/Report%20on%20Assesment%20of%20SSW%20UZ_2018_r.pdf (дата обращения: 22.12.2023); Child poverty and disparities in Ukraine // United Nations Children's Fund (UNICEF) in Ukraine and Ptoukha Institute for Demography and Social Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine: [сайт]. URL: <https://www.unicef.org/ukraine/en/child-poverty-and-disparities-ukraine> (дата обращения: 27.12.2023); Annual report 2022-23 // Ministry of Health & Family Welfare. Government of India: [сайт]. URL: <https://main.mohfw.gov.in/sites/default/files/eng%201.pdf> (дата обращения: 25.12.2023).

– обеспечила повышение денежных доходов домохозяйств, имеющих детей в возрасте до 18 лет, особенно двух и более;

– повысила размер пособий семьям с детьми до уровня, превышающего средний в группах стран-участниц ОЭСР и G7 [19].

Помимо программы МСК, финансируемой из федерального бюджета, в большинстве субъектов Российской Федерации дополнительно предоставляется региональный материнский капитал (РМСК). Источник финансирования РМСК – бюджеты субъектов Российской Фе-

дерации. Условия предоставления и размеры РМСК зависят от бюджетных возможностей территорий и особенностей их демографического развития³³.

Как показали расчёты авторов по данным Росстата, выполнение программы МСК способствовало определённому изменению модели рождаемости. В 2016–2021 гг. это проявилось в устойчивом росте числа рождений третьего и последующих детей, что необходимо для повышения суммарного коэффициента рождаемости (таблица 8).

Таблица 8

Удельный вес числа рождений первого и последующих детей

Table 8

The Proportion of the Number of Births of the First and Subsequent Children

Годы	Удельный вес родившихся, %					
	Первый ребёнок	Второй ребёнок	Третий ребёнок	Четвёртый ребёнок	Пятый и более	Всего
2016 г.	39,7	41,1	13,8	3,6	1,8	100
2017 г.	39,3	39,4	15,1	4,1	2,1	100
2018 г.	37,7	38,9	16,1	4,7	2,6	100
2019 г.	37,6	37,1	17,1	5,2	2,9	100
2020 г.	36,6	36,3	18,1	5,7	3,2	100
2021 г.	35,5	36,0	18,9	6,1	3,4	100

Источник: рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС³⁴.

Программа МСК содействовала также повышению денежных доходов домохозяйств, имеющих детей в возрасте до 18 лет, особенно двух и более. Согласно данным Росстата, сумма возмещения стоимости материнского капитала в 2021 году составила 619 рублей в месяц в расчёте на одно домохозяйство, имеющее одного ребёнка в возрасте до 18 лет, 3045,2 рублей – в домохозяйствах, имеющих двух детей и 4647,3 рублей в домохозяйствах, имеющих трёх и более детей³⁵.

МСК превратился в основной вид социальных пособий, выплат и компенсаций, получателями которых являются домохозяйства с детьми в возрасте до 18 лет. Средства возмещения стоимости материнского капитала составили по расчётам

³³ Например, за третьего ребёнка и последующих детей в Республике Адыгея выплачивается 50 000 рублей, в Ямало-Ненецком округе – 500 000 рублей.

³⁴ Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения // ЕМИСС: [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 15.01.2024).

³⁵ В доступных материалах Росстата содержание термина «сумма возмещения стоимости материнского капитала» не раскрывается. С учётом норм российского законодательства можно предположить, что эта величина в 2021 г. складывалась из части средств МСК, использованных на оплату содержания ребёнка (детей) и (или) присмотра и ухода за ребёнком (детьми) в организации либо у индивидуального предпринимателя, реализующих образовательные программы дошкольного образования, а также на приобретение товаров и услуг для социальной адаптации инвалидов и детей-инвалидов. С 2022 года средства МСК стали расходоваться также на получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трёх лет.

авторов на основе данных Росстата в 2021 году, 14,2% суммы пособий, компенсаций и иных выплат в домохозяйствах, имеющих одного ребёнка в возрасте до 18 лет. В домохозяйствах, имеющих двух детей до 18 лет, этот показатель составлял 35,1%, в домохозяйствах с тремя и более детьми в возрасте до 18 лет – 24%.

Изучение показало, что в странах-участниках ОЭСР и G7 отсутствует аналог программы МСК. При этом программа материнского капитала обеспечила достижение в России размера пособий семьям с детьми, превышающего уровень, достигнутый в экономически развитых зарубежных странах.

К числу положительных эффектов программы МСК можно также отнести наметившуюся тенденцию сокращения разводов в России в 2007–2021 гг. Правда, её пока сложно назвать устойчивой.

Рекомендации

1. Проведённый анализ позволил установить, что государственная поддержка и защита семьи, материнства и детства реализуется посредством инструментов, различных с точки зрения функций, форм и направлений действий. Однако использование этих инструментов в рамках документов стратегического планирования носит недостаточно комплексный характер, не имеет еди-

ного целеполагания. В этой связи представляется обоснованным объединение и реализация всех существующих инструментов государственной поддержки семьи, материнства и детства в рамках самостоятельного национального проекта. Целесообразным также видится изучение вопроса о системе практической реализации этой политики в структуре специального государственного института.

2. Для учёта и отражения реальных национальных интересов Российской Федерации целевые показатели государственной поддержки семьи, материнства и детства, а также практика мониторинга за их достижением нуждаются в существенной корректировке.

3. Для более комплексного отражения интегральных расходов на государственную поддержку семьи, материнства и детства требуется скорректировать классификацию бюджетных расходов.

4. Проведённый анализ позволил также сформулировать ряд иных предложений, направленных на повышение эффективности государственной поддержки семьи, материнства и детства. К ним относятся:

- дальнейшее повышение уровня МРОТ с учётом достигнутого уровня развития экономики;
- развитие дружественных форм занятости семей;
- модернизация системы налогообложения в интересах поддержки семей с детьми.

5. Учитывая длительность использования инструментов налогообложения доходов семей с детьми в странах ОЭСР, целесообразно рассмотреть вопрос о возможности их использования в России в качестве нового инструмента государственной поддержки. В пользу данного инструмента является возможность его использования независимо или в качестве альтернативы повышения уровня оплаты труда работников.

6. Исследованием установлено, что российская программа материнского (семейного) капитала (МСК) не имеет аналогов в мире по составу участников и направлениям её реализации. Среди достоверных результатов программы МСК исследование дало все основания считать независимо подтверждёнными пять результатов, имеющих особую социально-политическую значимость, включая потенциал международной тиражируемости:

- программа способствовала изменению модели рождаемости, стимулируя многодетность;
- программа превратилась в основной (по размерам) вид всех социальных пособий, выплат и компенсаций, получателями которых являются домохозяйства с детьми;
- программа установила возраст сопровождаемого государством детства на уровне 18 лет;

- программа определила приоритет базовой демографической планки на уровне двух детей;

- программа обеспечила повышение денежных доходов семей, имеющих детей в возрасте до 18 лет, особенно двух и более, пособиями, размер которых превышает средний как в странах ОЭСР, так и в странах G7.

7. С учётом результатов, достигнутых программой МСК, проведённый анализ позволяет считать более чем целесообразным продление сроков её реализации за пределами 2026 года, а также дополнительно проработать вопрос о двух возможных новациях:

- установить региональную дифференциацию размеров материнского капитала с учётом демографических и иных особенностей субъектов Российской Федерации;

- ежегодно индексировать средства МСК для сохранения их покупательной способности по фактическому уровню инфляции, а не исходя из индекса роста потребительских цен за предыдущий год;

- представить получателям МСК право «окрашенного» инвестирования временно неиспользуемых средств в инфраструктурные объекты национальных проектов.

8. Исследование позволило также установить ряд соображений, основанных на опыте стран-членов ОЭСР, которые могли бы при определённых обстоятельствах увеличить ожидаемую эффективность государственной поддержки семьи, материнства и детства:

- дальнейшее повышение уровня МРОТ в зависимости от фактически достигаемого уровня развития экономики, в первую очередь её региональных сегментов;
- учёт региональности при развитии дружественных форм занятости семей;
- модернизация системы налогообложения в интересах поддержки семей с детьми.

9. Проведённый анализ опыта государственной поддержки семьи, материнства и детства в странах постсоветского пространства приводит к выводу о целесообразности следующих мер в российской практике:

- изучение опыта стимулирования рождаемости в странах, добившихся роста суммарного коэффициента рождаемости (Казахстан, Узбекистан, Армения), с целью его практической адаптации в других сообществах постсоветского пространства;
- проработка вопроса применения в отечественной практике дифференцированного подхода к определению размера пособий при рождении ребёнка относительно очередности рождения детей, что практикуется в ряде постсоветских субъектов;

- применение в технологических практиках социальной работы не только адресного заявительного принципа и/или автоматических механизмов, но и инициатив от органов социальной защиты населения и/или даже третьих лиц;

- консолидация усилий статистических органов стран постсоветского пространства по выработке универсальных методических и практических критериев, на основании которых семьи будут признаваться нуждающимися, малообеспеченными или подзащитными.

10. С позиции возможного применения в России целесообразно более глубокое дальнейшее изучение следующих интересных практик стран БРИКС и БРИКС+:

- обусловленность выплат пособий на содержание детей результатами действий их родителей (Бразилия, Индия, Китай);

- эффективная децентрализация систем управления государственной поддержкой семьи, материнства и детства в рамках адресных социальных программ (Бразилия, Китай);

- разработка и использование родительских планов воспитания детей (Бразилия);

- создание и ведение Национального реестра защиты детей (Бразилия).

- участие бизнеса в софинансировании программ социальной ПСМД, которое расширит как

ресурсы таких программ, так и масштабы участия населения (Египет);

- внедрение элементов исламской финансовой системы в программы ПСМД, поощряющих соотношение роста доходов с ростом потребления (Египет);

- создание интегрированной базы для индикативно-критериального определения лиц и домохозяйств, правомочно претендующих на получение ПСМД (Иран);

- оригинальный методический подход к определению условий по доходам домохозяйств для оценки их потребностей в ПСМД (Саудовская Аравия);

- создание распределённой электронной платформы для управления данными статусов и информационными потоками участников программ ПСМД (Саудовская Аравия).

11. Для изучения, обобщения и распространения опыта стран БРИКС и БРИКС+ в области социальной ПСМД исследованием установлена целесообразность проведения большого проекта «Семья в XXI веке: сохранение и развитие традиций» в рамках российского председательства в БРИКС в 2024 году. Основной частью проекта должна стать международная конференция для обсуждения национальных политик ПСМД, а также реализующих эти политики программ.

Список литературы

1. Гонтмахер Е.Ш. Здравоохранение и социальное обеспечение: в поисках баланса интересов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26). С. 259–264. EDN UBFBJD
2. Гонтмахер Е.Ш. Российский человеческий капитал: состояние и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Том 61. № 3. С. 15–24. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-3-15-24> EDN YLNPVF
3. Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума, 08–09 июня 2018 года, Екатеринбург, Россия: в 2-х томах. / отв. ред. А. И. Кузьмин. Том 1. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. 419 с. ISBN 978-5-94646-613-4 EDN YSMMSL
4. Демография 2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации: специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации / С.И. Рыбальченко, А.В. Коротаев, И.А. Ефремов [и др.]; отв. ред. С.И. Рыбальченко. ОПРФ. М.: ООО «Пачоли Консалтинг», 2023. 86 с. ISBN 978-5-6050462-0-2
5. Жбанова Е.А. Социальная политика и развитие социального государства // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2017. № 4(13). С. 16–22. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2017-4-16-22> EDN YNIUWL
6. Пузин С. Н., Гречко А. В., Гонтмахер Е. Ш. Инвалидность в XXI веке. Медико-социальная реабилитация и здоровьесбережение населения в России. Москва: БФ «ЭСКО», 2023. 416 с. ISBN 978-5-6044242-0-9 EDN ORJEDV
7. Леманова П.В. Социальная политика в управлении развитием человеческого капитала: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки: 030200.62 – «Политология», 080200 – «Менеджмент», 040200.62 – «Социология», 080507.65 – «Менеджмент организации». Москва: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2016. 228 с. ISBN 978-5-91327-385-7 EDN WEKКCB
8. Матвиенко И.И. Федеральные инструменты демографической политики // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. №2(66). <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-266-25> EDN IATLET
9. Синельников А.Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 83–93. <https://doi.org/10.31857/S013216250017168-7> EDN AREWXI
10. Щербаков А.Н. Повышение рождаемости – основная цель демографической политики России // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3(36). С. 143–152. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-36-3-143-152> EDN LMKEDB
11. Андреева Е.И., Бычков Д.Г. Универсальное пособие по бедности: опыт зарубежных стран и перспективы в России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 6(28). С. 24–33. EDN VKHRJZ

12. Андрюшина Е.В., Луценко Н.О. Государственная политика по стимулированию рождаемости: зарубежные практики и уроки для современной России // *Власть*. 2020. Том. 28. № 5. С. 235–240. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7609> EDN UZEDXJ
13. Журавлева Л.В. Анализ зарубежной практики социальной поддержки семей с детьми в странах ОЭСР // *Проблемы современной науки и образования*. 2016. № 16(58). С. 51–55. EDN WFGOKH
14. Ржаницина Л.С. Проект «Детский бюджет» – актуальная социальная технология в системе программно-целевого бюджета // *Уровень жизни населения регионов России*. 2016. Том. 12. № 2. С. 112–129. <https://doi.org/10.12737/20770> EDN WHCRNN
15. Слонимчик Ф., Юрко А.В. Оценка влияния политики материнского капитала в России // *Демографическое обозрение*. 2015. Том 2. № 3. С. 30–68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774> EDN WFENKB
16. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки / В.Н. Архангельский, Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин // *Социологические исследования*. 2017. № 3(395). С. 43–50. EDN YMFZPN
17. Тельшиев В.В. Практика применения специальных норм для семейного предприятия в системе права зарубежных стран // *Образование и право*. 2020. № 6. С. 375–380. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10658> EDN CWWAFT
18. Van Kruiningen L. Fair Taxation and Families: a comparative study with a view to a more equitable income tax. Netherlands: European Christian Political Foundation. 40 p. URL: <https://sallux.eu/Family%20and%20fair%20taxation%20def.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
19. Алиев Д.Ф., Гонтмахер Е.Ш., Трубин В. В. Социальная поддержка семьи, материнства и детства: Россия и мировой опыт. М.: Издательство РГСУ, 2023. 188 с. ISBN 978-5-7139-1484-4

Информация об авторах:

Джомарт Фазылович Алиев – кандидат экономических наук, DBA, первый проректор, Российский государственный социальный университет (РИНЦ AuthorID: 1168750)

Евгений Шлемович Гонтмахер – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы, Российский государственный социальный университет (SPIN-код: 3178-9682) (РИНЦ AuthorID: 300275) (ResearcherID: J-7690-2015) (Scopus Author ID: 56538613900)

Владимир Вильямович Трубин – кандидат экономических наук, ведущий эксперт Центра социальных исследований и технологий, Российский государственный социальный университет (SPIN-код: 7208-2045) (РИНЦ AuthorID: 734143)

Заявленный вклад авторов:

Д.Ф. Алиев – концепция исследования;

Е.Ш. Гонтмахер – научное руководство;

В.В. Трубин – сбор, анализ данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Евгений Шлемович Гонтмахер.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Gontmakher E.Sh. Health and Welfare: in Search of a Balance of Interests. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii=The Journal of the New Economic Association*. 2015;(2(26)):259-264. (In Russ.)
2. Gontmakher E.Sh. Russian Human Capital: Status and Trends. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*. 2017;61(3):15-24. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-3-15-24> (In Russ.)
3. Kuzmin A. I. (ed.) Demographic and Family Policy in the Context of Sustainable Development. Vol. 1. IX of the Ural Demographic Forum; June 08-09, 2018; Yekaterinburg, Russia. Collection of scientific papers in 2 vol. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2018. 419 p. ISBN 978-5-94646-613-4 (In Russ.)
4. Rybalchenko S.I. (ed.), Korotaev A.V., Efremov I.A., et al. Demographics of 2030. How to Ensure Sustainable Population Growth in the Russian Federation. Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation. Moscow: Pacioli Consulting LLC; 2023. 86 p. ISBN 978-5-6050462-0-2 (In Russ.)
5. Zhbanova E.A. Social Policy and Development of the Social State. *Vestnik Moskovskogo Universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki=Journal of Legal Sciences*. 2017;(4(13)):16-22. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2017-4-16-22> (In Russ.)
6. Puzin S. N., Grechko A. V., Gontmakher E. SH. Invalidnost' v XXI veke. Mediko-sotsial'naya Reabilitatsiya i Zdorov'esberezhenie Naseleniya v Rossii. Moscow: BF "EHSKO"; 2023. 416 p. ISBN 978-5-6044242-0-9 (In Russ.)
7. Lemanova P. V. Sotsial'naya Politika v Upravlenii Razvitiem Chelovecheskogo Kapitala. Textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Publishing House "Akademiya Estestvoznaniya"; 2016. 228 p. ISBN 978-5-91327-385-7 (In Russ.)
8. Matvienko I.I. Federal Demographic Policy Instruments. *Regional'naya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal=Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal*. 2021;(2(66)). <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-266-25> (In Russ.)
9. Sinelnikov A.B. Demographic Transition and Family-Demographic Policy. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(10):83-93. <https://doi.org/10.31857/S013216250017168-7> (In Russ.)
10. Shcherbakov A.I. Increasing Fertility is the Main Aim of Demographic Policy of Russia. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2019;(3(36)):143-152. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-36-3-143-152> (In Russ.)
11. Andreeva E.I., Bychkov D.G. Universal Income Support Benefits: International Practices and Outlooks for Russia. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*. 2015;(6(28)):24-33. (In Russ.)

12. Andryushina E.V., Lutsenko N.O. State Policy on Stimulating the Birth Rate: Its Foreign Practices and Lessons for Modern Russia. *Vlast'*. 2020;28(5):235-240. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7609> (In Russ.)
13. Zhuravleva L.V. The Analysis of Foreign Practice of Social Support for Families with Children In OECD Countries. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya=Problems of Modern Science and Education*. 2016;(16(58)):51-55. (In Russ.)
14. Rzhantsyna L.S. Socioeconomic Assessment of the Effectiveness of Labour Protection management. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2016;12(2):112-129. <https://doi.org/10.12737/20770> (In Russ.)
15. Slonimchik F., Yurko A.V. Assessment of The Impact of Maternity Capital Policy in Russia. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*. 2015;2(3):30-68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774> (In Russ.)
16. Arkhangelskiy V.N., Zinkina Yu.V., Korotayev A.V., et al. Modern Fertility Trends in Russia and the Impact of the Pro-Natalist Policies. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2017;(3(395)):43-50. (In Russ.)
17. Telyshev V.V. Practice of Applying Special Rules for A Family Enterprise in The System of Low Foreign Countries. *Obrazovanie i pravo=Education and Law*. 2020;(6):375-380. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10658> (In Russ.)
18. Van Kruiningen L. Fair Taxation and Families. A comparative study with a view to a more equitable income tax. Netherlands: European Christian Political Foundation. 40 p. URL: <https://sallux.eu/Family%20and%20fair%20taxation%20def.pdf> (access date: 15.01.2024).
19. Aliev D.F., Gontmakher E.Sh., Trubin V.V. *Sotsial'naya Podderzhka Sem'i, Materinstva i Detstva: Rossiya i Mirovoi Opyt*. Moscow: Publishing House of RSSU; 2023. 188 p. ISBN 978-5-7139-1484-4 (In Russ.)

Information about the authors:

Dzhomart F. Aliev – PhD in Economics, DBA, First Vice-Rector of the Russian State Social University (РИНЦ AuthorID: 1168750)

Evgenii Sh. Gontmakher – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Social Institutions and Social Work of the Russian State Social University (SPIN-code: 3178-9682) (РИНЦ AuthorID: 300275) (ResearcherID: J-7690-2015) (Scopus Author ID: 56538613900)

Vladimir V. Trubin – PhD in Economics, Leading Expert of the Center for Social Research and Technology of the Russian State Social University (SPIN-code: 7208-2045) (РИНЦ AuthorID: 734143)

Authors' declared contribution:

Dzhomart F. Aliev – research concept;

Evgenii Sh. Gontmakher – scientific management;

Vladimir V. Trubin – collection, analysis of data.

The author responsible for the correspondence is Evgenii Sh. Gontmakher.

The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 331.52

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355

EDN QMJLYF

Профили самозанятости и платформенной занятости в России

Дмитрий Геннадьевич Бычков¹, Елена Евгеньевна Гришина², Олеся Александровна Феоктистова³, Наталья Викторовна Локтюхина^{4,5}

^{1,2,3,4} Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва, Россия

¹ (bychkov@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-4699-7662>)

² (grishina@nifi.ru), (<https://orcid.org/0001-8548-5497>)

³ (feoktistova@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8169-7975>)

⁴ (loktn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8390-8537>)

⁵ Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Аннотация

Целью выявления и анализа профилей самозанятости и платформенной занятости в России является формирование более полных и точных научных представлений об общих с наёмными работниками и отличительных характеристиках лиц, вовлеченных в самозанятость и платформенную занятость, для последующей оценки социально-экономических рисков этих форм занятости и для разработки предложений по их минимизации. Под профилями самозанятости и платформенной занятости авторы понимают характеристики структуры общей численности самозанятых и платформенных занятых по социально-демографическим группам населения. Исследование проводилось на основе данных Федеральной налоговой службы России, Росстата (Выборочных обследований рабочей силы, Комплексного наблюдения условий жизни населения); проведённого опроса; данных цифровых платформ. Использование различных источников данных позволило расширить перечень показателей, характеризующих ключевые особенности самозанятости и платформенной занятости. Некоторые характеристики данных форм занятости описаны впервые – например, уровень бедности, продолжительность работы на платформах и ряд других. В этом, а также в расширении знаний об исследуемых формах занятости состоит вклад проведённого исследования в прикладную науку. Территориальное распределение самозанятых и платформенных занятых показало высокую их долю в крупных городах, а также в южных и северокавказских регионах России. Сравнение также показало, что большая доля самозанятых и платформенных занятых работают в сфере услуг. Выявлен относительно более молодой возраст рассматриваемых категорий занятых и более высокая самооценка ими состояния своего здоровья. Среди самозанятых и платформенных занятых по сравнению со всем занятым населением в целом выше доля лиц, не имеющих профессионального образования, а также лиц, не работающих по полученной профессии. Исследуемые группы занятых значительно чаще имеют нестандартный режим рабочего времени. Различные данные показали, что финансовое положение самозанятых лиц и наёмных работников не сильно отличается друг от друга. Более половины самозанятых вполне удовлетворены своим заработком, что может говорить о том, что самозанятость является, скорее, свободным выбором, но удовлетворённость надёжностью работы у самозанятых ниже, чем у наёмных работников. Полученные результаты позволили также сравнить профили самозанятости и платформенной занятости в России и в зарубежных странах.

Ключевые слова: самозанятость, платформенная занятость, налог на профессиональный доход, новые формы занятости, структура занятости, независимые работники

Для цитирования: Бычков Д.Г., Гришина Е.Е., Феоктистова О.А., Локтюхина Н.В. Профили самозанятости и платформенной занятости в России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355 EDN QMJLYF



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355

The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia

Dmitrii G. Bychkov¹, Elena E. Grishina², Olesya A. Feoktistova³, Natal'ya V. Loktyukhina^{4,5}

^{1,2,3,4} Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute, Moscow, Russia

¹ (bychkov@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-4699-7662>)

² (grishina@nifi.ru), (<https://orcid.org/0001-8548-5497>)

³ (feoktistova@nifi.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8169-7975>)

⁴ (loktn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8390-8537>)

⁵ Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

Abstract

The study analyses the profiles of the self-employed and platform workers in Russia to gain a better understanding of the similarities and dissimilarities between these two groups, to assess the socio-economic risks these group face and identify ways of mitigating those risks. The profiles of the self-employed and platform workers are understood here as characteristics of the composition of these groups in terms of socio-demographic groups that they incorporate/ The study uses data from the Federal Tax Service of Russia, Russian Committee for Statistics (workforce surveys, survey of the living conditions); own survey; and interviews with digital platform CEOs. The use of different sources of data has allowed to expand the list of indicators that characterize the special features of the self-employed and platform workers. Some of these characteristics have been described for the first time for instance, the poverty rate, duration of platform employment,

etc. This, and also the new knowledge concerning the two employment forms represent the input of this study into the applied research. The spatial distribution of the self-employed and platform workers across regions and territories showed a high proportion of these forms of employment in big cities, as well as in the southern and the North Caucasus regions of Russia. A comparison of various databases showed that a large proportion of the self-employed and platform workers are engaged in the service sector. It also showed the younger age of the members of these two groups that that of the remaining workforce and their higher satisfaction with their health status. The share of persons without vocational training or those who work outside the profession for which they were trained among the self-employed and platform workers is higher than among the hired workforce. These groups are much more likely to have non-standard working hours. Data from different sources indicate that the financial positions of the self-employed and platform workers are not much different from one another. Among the self-employed, more than half are quite satisfied with their earnings (which may indicate that self-employment is a free choice), but the rate of satisfaction with job security is lower than that of hired personnel. The results allow to compare the profiles of self-employed and platform workers in Russia and with those of respective workers in other countries.

Keywords: self-employment, platform employment, professional income tax, new forms of employment, composition of employment, independent workers, own-account workers

For citation: Bychkov D.G., Grishina E.E., Feoktistova O.A., Loktyukhina N.V. The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355 (In Russ.)

Введение

Исследование профилей самозанятости и платформенной занятости в России, результаты которого представлены в настоящей статье, является частью исследовательского проекта, посвящённого оценке социально-экономических рисков самозанятости и платформенной занятости и разработке предложений по их минимизации¹. Актуальность исследования обусловлена следующими обстоятельствами, характеризующими социально-экономическое положение данных групп занятых.

Во-первых, самозанятость и платформенная занятость, будучи на сегодня наиболее масштабными по численности нестандартными формами занятости, являются в основном неустойчивыми по своей природе [1], а значит и наряду с несомненными плюсами для рынка труда и экономики в целом, сопряжены со сходными рисками, в числе которых отсутствие гарантий, предусматриваемых трудовыми отношениями (обязательного социального и пенсионного страхования, защиты от безработицы, охраны труда и др.). Очевидно, что риск социальной незащищённости выше для тех, для кого самозанятость это основной вид деятельности и, соответственно, ниже для тех, у кого это дополнительный источник дохода, например, у работающих лиц, сдающих в аренду свою недвижимость. Оценку рисков, выработку управленческих решений по их минимизации затрудняет тот факт, что в России самозанятость и платформенная занятость пока ещё не полностью изучены, не ясна структура данных форм занятости в части категорий занятых, их специфических проблем, уровня доходов, образования, мно-

гих других особенностей. Без изучения всех этих характеристик невозможно сформировать более чёткое представление об особенностях этих категорий занятых в России.

Во-вторых, платформенная занятость и самозанятость тесно взаимосвязаны, и эта взаимосвязь заключается в том, что часть платформенных занятых является самозанятыми – работа на платформах может осуществляться как в формате трудовых отношений, так и в формате самозанятости (официальной или не официальной) и при работе на цифровой платформе не всегда различима грань между самозанятостью и наёмным трудом. При этом, многие самозанятые работают с помощью цифровых платформ. Платформенная занятость создаёт условия для развития самозанятости и в ситуации постоянного увеличения численности самозанятых последние ищут новые, удобные и выгодные форматы работы и всё чаще прибегают к помощи цифровых платформ. В свою очередь популярность самозанятости создаёт запрос на разработку новых платформ и увеличение численности занятых на них.

В практике государственного управления ставятся вопросы о регулировании самозанятости, в том числе той, которая реализуется через платформы – речь идёт о проекте концепции по добровольному социальному страхованию самозанятых. В связи с этим важно охарактеризовать профили как самозанятости, так и платформенной занятости.

Делая обзор литературы по данной теме, мы, прежде всего, акцентировали внимание на публикациях, подготовленных после двух почти одновременно наступивших событий, давших импульс развитию исследуемых нами форм занятости: пандемии коронавируса и введении с июля 2020 года на всей территории России специального налогового режима «Налог на профессиональных доход». Отметим, что последнее событие существенно изменило правовое регулирование

¹ Статья подготовлена по результатам реализованного авторами 2023 году научно-исследовательского проекта по государственному заданию Минфина России «Оценка социально-экономических рисков самозанятости и платформенной занятости, разработка предложений по их минимизации» (данные приводятся на момент выполнения проекта, то есть данные доступные в 2023 году).

самозанятости, сделав её более привлекательной как форму организации труда. Известны более ранние исследования, например Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука, эмпирической базой которых являлся онлайн-опрос «Перепись фрилансеров» в 2014 году [2–4]. А.В. Шевчук по сути первым обратился к тематике самозанятости и фриланса в контексте цифровизации экономики [5–6]. В работах В.Н. Бобкова рассматриваемые нами формы занятости исследовались в контексте признаков неустойчивости занятости [7–8] и дестандартизации занятости в целом. В ряде публикаций последних лет исследуется динамика и структура самозанятости и платформенной занятости. Так, на основе данных Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС России) в работе [9] самозанятость рассматривается в региональном разрезе и констатируется значительный рост количества самозанятых во всех российских регионах, превосходящий планово-прогнозные оценки, изначально представленные в федеральном проекте 2018 г. «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами». Автор указывает на то, что пространственное становление института самозанятости сочетается со значительным снижением уровня безработицы в подавляющем большинстве российских регионов. Однако при этом автор выделяет и негативные эффекты, в том числе переток в самозанятые квалифицированных работников из предприятий МСП и даже из крупных предприятий, что, по его мнению, усугубило проблему дефицита рабочей силы в части регионов России. В работе [10] определены ключевые тенденции развития самозанятости в период 2019–2022 гг. На основе оценки динамики численности самозанятых, не только в региональном разрезе, но и по видам экономической деятельности, авторы делают вывод о росте востребованности нового формата занятости, оценивают доходы самозанятых по источникам выплат и поступления налога на профессиональный доход в бюджет. На основании полученных результатов, авторы выделяют ряд рисков самозанятости для экономики, работодателей и граждан. Для выявления тенденций развития самозанятости в России (например, стремление самозанятых к легализации деятельности, высокую дифференциацию доходов в зависимости от уровня образования и сектора занятости и многих других) авторы [11] обращаются к данным ФНС России, Росстата, а также проводят социологическое исследование среди самозанятых. Для формирования портрета платформенных занятых ряд авторов [12–13] опираются на результаты собственных опросов таких занятых. Коллективом НИУ ВШЭ в 2022 г. был подготовлен уже второй доклад о платформенной

занятости [12], и особенно отметим тот факт, что проведённое авторами обследование повторило программу, реализованную два года назад, что в сочетании с неизменностью метода опроса и базы рекрутинга респондентов обеспечило высокую сопоставимость полученных данных и качество результатов. Работы А.Н. Покиды [14–15] по проблемам самозанятости основываются на результатах социологического опроса занятого населения, проведённого в 2019 и 2021 г. В опросе 2021 года сделан акцент на выявлении отношения респондентов к налоговому режиму «Налог на профессиональный доход». Вместе с тем, исследовательские лакуны применительно к теме настоящего исследования состоят в недостаточности комплексного взгляда на данные явления с использованием нескольких информационных баз, в том числе данных Росстата о платформенной занятости, которые начали публиковаться с 2023 года.

В целом, невзирая на наличие публикаций, существует пробел в области знаний, суть которого в неясности профилей самозанятости и платформенной занятости в России, под которыми понимаются характеристики структуры общей численности самозанятых и платформенных занятых по социально-демографическим группам населения. Если в узком плане научная проблема исследования состоит в необходимости формирования более чётких представлений об этих категориях занятых ввиду пока ещё недостаточного объёма научных знаний о них, то в широком плане – в необходимости оценки социально-экономических рисков самозанятости и платформенной занятости и принятии управленческих решений в области их регулирования и минимизации.

Объект исследования – самозанятость и платформенная занятость, а предмет исследования – профили лиц, занятых в этих формах. Целью выявления и анализа профилей является формирование более полных и точных научных представлений об общих с наёмными работниками и отличительных характеристиках лиц, вовлечённых в самозанятость и платформенную занятость, для последующей оценки социально-экономических рисков этих форм занятости и для разработки предложений по их минимизации.

Авторы решали задачи описания распределения общей структуры занятых в исследуемых формах по регионам и территориям, по видам и сферам занятости, социально-демографическим характеристикам, по доходам и уровню жизни, и другим характеристикам важным для понимания степени социального самочувствия и удовлетворённости занятостью исследуемых категорий.

В качестве гипотез исследования были выделены следующие: отличие профилей самозаня-

тых и платформенных занятых от стандартных наёмных работников и всего занятого населения в целом; определённая сходность характеристик самозанятых и платформенных занятых; наличие причинно-следственных связей между характеристиками исследуемых профилей и влияющими на них факторами; сходность исследуемых профилей в России и зарубежных странах; зависимость степени рисков исследуемых форм занятости от характеристик соответствующих занятых.

Основные теоретические и методологические положения

Самозанятость известна с древнейших времен и среди учёных [16–17] сложилось представление о её сущности как о самостоятельном ведении трудовой деятельности с целью получения денежного дохода или иных продуктов трудовой деятельности, без отношений найма с работодателем и привлечения наёмных работников. Анализируя формы и виды самозанятости методологически можно выделять таковую по различным критериям, в том числе: по статусу (формальная, неформальная), по отношению к основной работе (основная и дополнительная), по виду (сфере) деятельности (например, торговля, строительство), по типу властных полномочий и др. Применяя эти и другие критерии можно описать различные профили самозанятости, например, неформальной или формальной. На наш взгляд – это отдельные исследовательские задачи. В рамках настоящей статьи представлены результаты исследования самозанятости в целом.

Платформенная занятость – относительно новое явление, возникшее вследствие развития интернета и цифровых платформ. Полагаем, что сегодня являются дискуссионными определения, связанные с платформенной занятостью [18–20], поскольку таковая находится в процессе развития, расширяются формы работы на платформах. Авторы поддерживают определение, данное в проекте федерального закона № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации», где под платформенной занятостью понимается деятельность граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ занятости), обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ занятости посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Данное определение охватывает обе формы занятости – и оказание услуг, и выполнение работ, причём не связывая эту занятость исключительно с конечными потребителями этих услуг и работ.

С развитием цифровых платформ расширяется число участников платформенной занятости, в их числе: платформенный занятый (исполнитель); платформа; заказчик/клиент платформенного занятого; посредник (классический пример такого посредника – таксопарк, работающий с агрегатором такси). Продолжая открытую в журнале «Уровень жизни населения регионов России» дискуссию по современным проблемам экономики труда, отметим, что состав участников платформенной занятости подтверждает наши выводы об изменении теоретической сущности рынка труда в условиях дестандартизации занятости [1]. Занятость на платформах расширяет состав покупателей на рынке труда, поскольку платформенный занятый предлагает свою рабочую силу цифровой платформе, клиенту и в ряде случаев – посреднику. В целом при платформенной занятости понятие работодателя размывается, и очевидно, что речь идет о новом типе отношений на рынке труда.

Использованные данные и методы работы с ними

Изучение *профиля самозанятости* проводилось на основе:

1. Данных ФНС России (Аналитический портал ФНС России)², дающих представление о численности и структуре самозанятых, являющихся плательщиками НПД. По данным ФНС на 31.12.2022 г. численность самозанятых плательщиков НПД составила 6 561 тыс. чел., в том числе, 6 223 тыс. чел. – физические лица и 338 тыс. чел. – индивидуальные предприниматели. На 30.04.2024 г. соответствующие показатели: 10 260 тыс. чел., 9 754 889 тыс. чел., 505 399 тыс. чел.

2. Микроданных Комплексного наблюдения условий жизни населения (далее – КОУЖ)³, проведённого Росстатом в 2022 г. во всех субъектах РФ. Выборка обследования составила 60 тыс. домохозяйств (более 123 тыс. чел.). Самозанятые лица выделялись на основе вопроса об основной работе респондента. Вариант ответа «работающие на индивидуальной основе» – соответствующий самозанятым лицам – присваивался лицам, не зарегистрированным в качестве индивидуальных предпринимателей, осуществляющим экономическую деятельность, приносящую доход на регулярной основе и не использующим на постоянной

² Детальная статистика по плательщикам налога на профессиональный доход (Самозанятым). Платформа поставки данных ФНС России. // ФНС России: [сайт]. URL: <https://geocheck-vpd.nalog.gov.ru/#/self-employment> (дата обращения: 12.07.2023).

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2022 год. // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 12.07.2023).

основе наёмных работников. Число самозанятых в выборке составило 2 102 человека (1,7 % от общей численности респондентов), а число домохозяйств с самозанятыми – 1 982 домохозяйства (3,3 % от численности домохозяйств).

3. Данных Выборочных обследований рабочей силы (далее – ОРС) Росстата. С 2022 г. согласно новой методологии в качестве самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, Росстатом рассматриваются лица, которые управляют экономической единицей самостоятельно или в партнёрстве с другими и не нанимают никого, кроме себя, своих партнёров и помогающих членов семьи для работы в экономической единице на регулярной основе в качестве наёмных работников⁴. К самозанятым, не использующим наёмный труд, согласно методологии Росстата⁵, относятся: владельцы, управляющие компаниями без наёмных работников; самозанятые на семейных предприятиях, ориентированных на рынок, без наёмных работников. В 2022 г. численность самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, составила 3 573 тыс. чел. или 5,0 % от общей численности занятых.

4. Данных телефонного опроса РАНХиГС, проведённого в июне 2022 г. В рамках телефонного опроса опрашивались россияне в возрасте 18 лет и старше. Выборка составила 1 617 респондентов, доля самозанятых лиц в выборке – 4,5 %⁶. Данные репрезентативны в целом по России и отдельным социально-демографическим группам населения. Группа самозанятых определялась на основе самоидентификации респондентов, без учёта наличия у респондентов наёмных работников⁷. Данные предоставлены РАНХиГС.

Изучение *профиля платформенной занятости* проводилось на основе микроданных ОРС Росстата за 2022 г.⁸. Согласно методологии Росстата, в качестве лиц, находящихся в состоянии платформенной занятости, учитываются респонденты, которые в течение недели, предшествующей неделе, в которой проводился опрос, использовали на основной работе для поиска клиентов

⁴ Приказ Росстата от 30.06.2017 № 445 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы».

⁵ Обследование рабочей силы – 2022 год // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 12.07.2023).

⁶ Для оценки статистической значимости различий между сравниваемыми группами использовались критерии Манна-Уитни и Вилкоксона. В статье использованы только те различия, которые были значимы.

⁷ Выборка не включает ИП, фермеров и других владельцев предприятий, которые руководят хозяйственной единицей без наёмных работников.

⁸ Обследование рабочей силы – 2022 год // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 12.07.2023).

или выполнения заказов сайты или приложения интернет-платформ. По данным Росстата численность лиц, находящихся в состоянии платформенной занятости, составила в среднем в 2022 г. 3 502 тыс. чел., в 2023 году – 3 243 тыс. чел.

Кроме того, ряд цифровых платформ предоставили авторам свои аналитические данные по профилю их платформенных занятых (название этих платформ в статье не разглашается).

Отметим, что в различных источниках применяются разные подходы к определению рассматриваемых групп. Например, ФНС России в численности самозанятых учитываются все лица, зарегистрированные в приложении «Мой налог», независимо от того, получают ли они доход от самозанятости или нет. В микроданных КОУЖ отсутствует информация о факте регистрации респондента в качестве самозанятого в приложении «Мой налог».

Для выявления отличий самозанятых и платформенных занятых от наёмных работников, считающихся на сегодня стандартно занятыми и всего занятого населения в целом мы проводили соответствующие сравнения. В исследовании мы рассматривали отдельно профили самозанятости и платформенной занятости и сопоставляли полученные результаты в выводах.

Результаты исследования

Анализ данных позволил выделить характеристики профилей самозанятых и платформенных занятых и сделать предположения о том, чем они обусловлены.

Распределение по регионам и территориям

Исходя из данных ФНС России, в 2022 году больше 90 % самозанятых проживали в 47 регионах, а треть всех самозанятых приходится всего на три российских региона – Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. В городах-миллионниках проживает двое из пяти самозанятых, тогда как среди наёмных работников только четверть. Такой результат можно объяснить высокой долей сервисной экономики в столице и других мегаполисах, таких как Санкт-Петербург, Казань, Краснодар, Новосибирск и др.

Если сравнивать распределение самозанятых относительно всех работающих по федеральным округам, то в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах относительно выше доля самозанятых, чем работающих, что может быть обусловлено сравнительно большей распространённостью в регионах этих федеральных округов неформальной занятости, на легализацию которой (так называемое «обеление» занятости) во многом и направлен эксперимент с НПД. Можно также предположить, что рост зарегистрированных плательщиков

НПД в регионах Южного федерального округа обусловлен тем, что данный статус даёт формальный статус занятого, необходимый для получения мер социальной поддержки.

Расчёты на данных ОРС Росстата также демонстрируют высокий уровень самозанятости в регионах Северного Кавказа. В 2022 г. в 35 регионах доля самозанятых, не использующих наёмный труд, в общей численности занятых превышает среднероссийский уровень (5 %), а в 18 регионах указанная доля превышает 10 %: в Республике Ингушетия 25 %, в Республике Дагестан 24 %, в Чеченской Республике, в Карачаево-Черкесской

Республике и в Кабардино-Балкарской Республике по 19 %, в Республике Алтай 16 %, в Тамбовской области 12 %, в Республике Адыгея и в Республике Калмыкии 11 %.

Что касается платформенных занятых, то по результатам расчётов на данных ОРС Росстата в 2022 году 27 % платформенных занятых проживали в Южном или Северо-Кавказском федеральных округах, в то время как среди всего занятого населения в целом таких 17 % (таблица 1), что также может быть обусловлено относительно большей распространённостью в указанных федеральных округах неформальной занятости.

Таблица 1

Распределение платформенных занятых и всего занятого населения по федеральным округам, %

Table 1

Distribution of Platform Employees and Employees by Federal Districts, %

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
Центральный федеральный округ	19	29	29
Северо-Западный федеральный округ	10	10	10
Южный федеральный округ	15	11	11
Северо-Кавказский федеральный округ	12	6	6
Приволжский федеральный округ	19	20	20
Уральский федеральный округ	8	8	8
Сибирский федеральный округ	12	11	11
Дальневосточный федеральный округ	5	6	6
Всего	100	100	100

Источник: рассчитано авторами на основе данных ОРС Росстата за 2022 г.

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Наши расчёты, проведённые на данных ОРС Росстата, показали, что в 2022 году 60 % самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, являются городскими жителями (4 % от занятых в городах) и 40 % – сельскими жителями (9 % от занятых в сельской местности). По данным опроса РАНХиГС среди самозанятых доля лиц, проживающих в городах-миллионниках, составляет 40 %, что существенно выше, чем среди стандартных наёмных работников (23 %) и респондентов в целом (24 %). Половина всех самозанятых проживает в городах с численностью населения 500 тыс. человек и более.

Виды и сферы занятости

Данные ФНС России показывают, что в I квартале 2023 г. более 20 % самозанятых (от общей численности самозанятых по данным ФНС) работали в следующих четырех сферах:

– ремонт (дизайн, отделка, ремонт, реставрация, ремонт бытовой техники и квартир, строительство, электротехнические и сантехнические работы и прочее);

– авто (автомойка, автосервис, автоэвакуация и буксировка, перевозка грузов или пассажиров);

– IT-сфера (администрирование, обработка и анализ данных, веб-мастеринг, вёрстка и компьютерный дизайн, техническая поддержка и прочее);

– красота (консультирование, косметологические, парикмахерские услуги, услуги стилиста, тату и пирсинга).

При этом более 50 % самозанятых не указывали при оформлении чека в приложении «Мой налог» сферу занятости.

Исходя из данных КОУЖ, более трети самозанятых работают водителями, парикмахерами, косметологами, а также в сфере ремонта автотранспортных средств. По сравнению с работниками организаций среди самозанятых лиц выше доля операторов и аппаратчиков, занятых в сфере обслуживания, сельском и жилищно-коммунальном хозяйстве (таблица 2).

Таблица 2

Распределение самозанятых лиц и прочих работающих по видам занятий, %

Table 2

Distribution of Self-employed Persons and Other Employees by Occupation, %

	Самозанятые лица	Работники организаций	Работающие
Неквалифицированные рабочие	5	6	7
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	19	11	12
Квалифицированные работники сельского хозяйства	21	13	14
Работники сферы обслуживания и жилищно-коммунальные хозяйства	26	14	17
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документов	1	5	4
Специалисты среднего уровня квалификации	7	15	13
Специалисты высшего уровня квалификации	13	33	28
Руководители органов власти и управления	7	4	5

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

По данным опроса РАНХиГС 19 % опрошенных самозанятых работали в сфере общественного питания и бытового обслуживания (парикмахерские услуги, услуги красоты и ухода, услуги ремонта одежды, обуви, бытовых приборов, автотранспортных средств, фотоуслуги), при этом она существенно превосходит аналогичную долю среди стандартных наёмных работников (6 %). Чуть меньше (15 %) опрошенных самозанятых работали в сфере строительства, 11 % – в торговле, 10 % – в производстве различных изделий и стол-

ко же в сфере информационных технологий, связи и курьерских услуг. Восемь из 10 человек указали, что оказывают свои услуги организациям, причём 30 % из отметивших это, сообщили, что такая работа не оформлена договором.

Платформенные занятые чаще, чем всё занятое население в целом, работают в сфере строительства (12 % против 7 %), транспортировки и хранения (19 % против 9 %), а также в предоставлении прочих видов услуг (24 % против 3 %) (таблица 3).

Таблица 3

Распределение платформенных занятых и всего занятого населения в целом по виду экономической деятельности, %

Table 3

Distribution of Platform Employees and Employees by Economic Activity, %

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3	6	6
Добыча полезных ископаемых	0	2	2
Обрабатывающие производства	8	14	14
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0	3	2
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, ликвидация загрязнений	0	1	1
Строительство	12	7	7
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	13	16	16
Транспортировка и хранение	19	9	9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1	3	3
Деятельность в области информации и связи	4	2	2
Деятельность финансовая и страховая	0	2	2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1	2	2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	8	4	4

Окончание таблицы 3

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2	2	2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0	7	7
Образование	2	10	10
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1	8	8
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2	2	2
Предоставление прочих видов услуг	24	3	3
Всего	100	100	100

Источник: рассчитано авторами на основе данных ОРС Росстата за 2022 г.

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Сравнение различных баз данных показало, что большая доля в численности самозанятых и платформенных занятых работают в сфере услуг, что отвечает мировым тенденциям.

Возраст и состояние здоровья

В 2022 году самозанятые в России – это 6 % от общей численности лиц в возрасте от 16 лет и

старше и 11 % численности занятых в возрасте от 15 лет и старше.

Согласно опросу РАНХиГС 86 % самозанятых – это лица в возрасте до 50 лет, причём 67 % – это лица до 40 лет (среди наёмных работников доля лиц до 40 лет – 48 %, а среди неработающих граждан – лишь 26 %) (таблица 4).

Таблица 4

Распределение самозанятых и других работников по возрастным группам, %

Table 4

Distribution of Self-employed and Other Employees by Age Groups, %

	Самозанятые	Все работающие	Наёмные работники	Работающие не по найму	Неработающие	Всего
до 30 лет	24	17	17	18	13	16
30–39 лет	43	31	31	36	13	24
40–49 лет	19	27	27	27	11	20
50–59 лет	11	17	19	11	16	17
60–69 лет	1	6	6	6	27	15
70 лет и более	1	1	1	3	20	9
Всего	100	100	100	100	100	100

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Источник: рассчитано авторами на основе данных РАНХиГС.

Среди платформенных занятых также относительно больше молодых людей: 56 % – это лица до 40 лет (среди всего занятого населения в целом

их 45 %). Лиц в возрасте 50 лет и старше среди платформенных занятых лишь 17 % (среди всего занятого населения в целом – 28 %) (таблица 5).

Таблица 5

Распределение всего занятого населения в целом и платформенных занятых по возрастным группам, %

Table 5

Distribution of Employees and Platform Employees by Age Groups, %

	Платформенные занятые	Занятые без платформенных занятых	Всё занятое население
до 40 лет	56	45	45
40–49 лет	26	27	27
50 лет и более	17	28	28
Всего	100	100	100

Примечание: разница суммы строк по столбцу со 100 % возникает из-за округления.

Источник: рассчитано авторами на основе данных ОРС Росстата за 2022 г.

Согласно данным КОУЖ среди самозанятых лиц, в отличие от всего занятого населения в целом, выше доля мужчин (60 % против 52 %) и лиц в возрасте до 30 лет (17 % против

14 %) (рисунок 1). По данным ОРС Росстата в 2022 году среди самозанятых лиц, не использующих наёмный труд, 55 % мужчин и 45 % женщин.

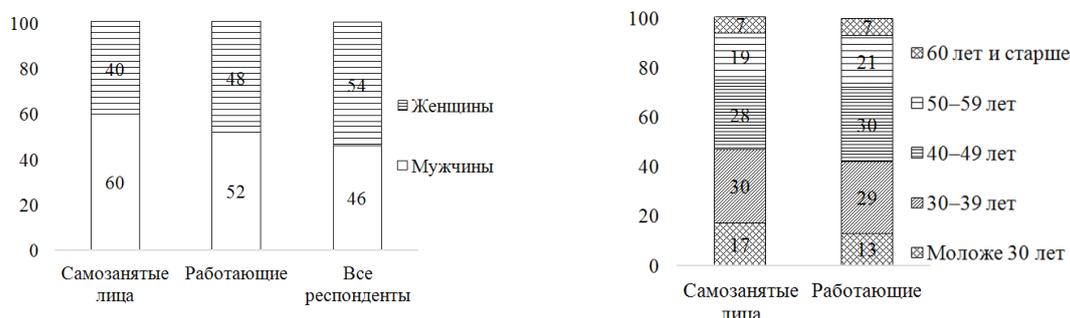


Рисунок 1. Распределение самозанятых лиц и других респондентов по полу и возрасту, %
Figure 1. Distribution of Self-employed Persons and Other Respondents by Gender and Age, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Поскольку самозанятые относительно моложе, то среди них, по сравнению с другими категориями занятых, относительно выше уровень здоровья. В рамках опроса РАНХиГС 58 % самозанятых оценили своё здоровье как «хорошее» или «очень хорошее». Для сравнения: среди работающих в целом доля лиц, оценивающих так своё здоровье – 48 %.

Возраст и здоровье существенный фактор для оценки возможностей использования этой категорией занятых страховых продуктов, прежде всего добровольного пенсионного страхования, а также для возможностей использования самозанятыми таких страховых продуктов, как добровольное социальное и медицинское страхование.

Образование и квалификация

Среди самозанятых и платформенных занятых по сравнению со всем занятым населением в целом выше доля лиц, не имеющих профессионального образования, а также лиц, не работающих по полученной профессии. Отчасти это связано с тем, что среди этих категорий занятых выше доля молодёжи, ещё не получившей профес-

сионального образования. Однако если говорить о самозанятых и платформенных занятых старше 30 лет, то отмеченная возрастная характеристика их профилей позволяет говорить о проблеме недоиспользования трудового потенциала тех лиц, которые выбирают доступную занятость на платформах, не соответствующую их образованию и квалификации.

Так, по данным опроса РАНХиГС среди самозанятых лиц 49 % имеют высшее или незаконченное высшее образование, 36 % – среднее или начальное профессиональное образование, 15 % не имеют профессионального образования.

По данным Росстата более 60 % самозанятых, имеющих специальность, работают не по полученной специальности, что существенно выше, чем среди иных категорий занятых (рисунок 2). Если говорить о самозанятых занятых старше 30 лет, то отмеченная характеристика профиля позволяет говорить о проблеме недоиспользования трудового потенциала тех лиц, которые выбирают самозанятость (в том числе на платформах), не соответствующую их образованию и квалификации.



Рисунок 2. Распределение самозанятых лиц и прочих работающих по соответствию выполняемой работы полученной специальности, %

Figure 2. Distribution of Self-employed Persons and Other Employees According to the Compliance of the Performed Work with the Specialty Received

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Среди платформенных занятых чуть выше доля лиц, не имеющих профессионального образования (25 %), чем среди всего занятого населения в целом (20 %). Отчасти это может быть связано с тем, что среди этих категорий занятых выше доля молодёжи, ещё не получившей профессионального образования.

Продолжительность и режим работы

У занятых в новых формах занятости в целом формируется специфический режим трудовой деятельности. Так, судя по данным Росстата, у половины самозанятых гибкий режим работы, ещё у каждого десятого – неполный рабочий день или неполная рабочая неделя, в отличие от

работников организаций, у подавляющего большинства которых (96 %) – полные рабочий день и (или) неделя. Чуть больше трети самозанятых и лишь 15 % работников организаций работает меньше 40 часов в неделю. В то же время, среди самозанятых доля работающих более 40 часов в неделю в два раза больше, чем среди работников организаций (16 % против 8 %) (рисунок 3). Такая особенность занятости может быть значимым преимуществом для лиц, не имеющих возможностей для полной занятости, например, для женщин с детьми дошкольного возраста, а также лиц, ухаживающих за пожилыми родственниками и инвалидами.

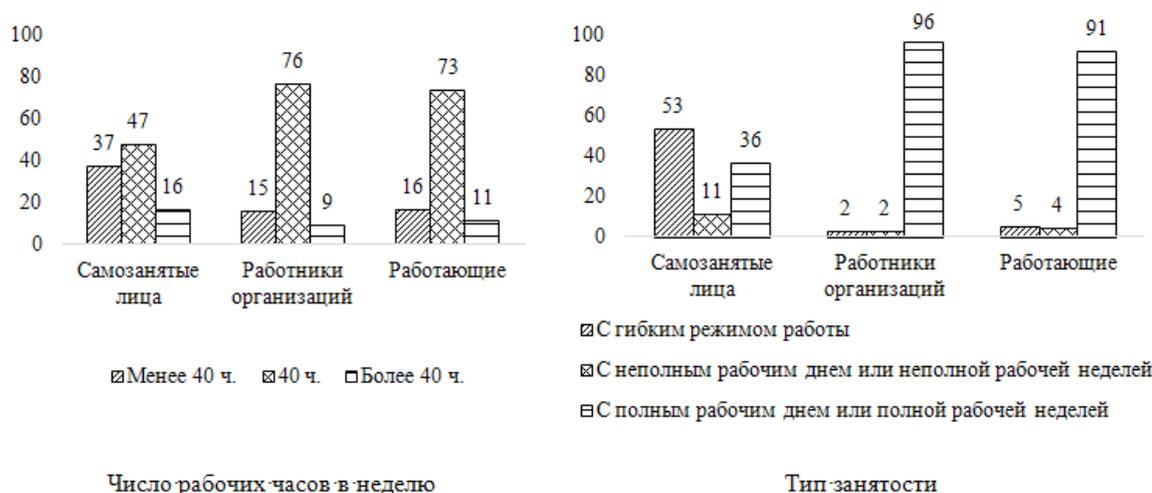


Рисунок 3. Распределение самозанятых лиц и прочих работающих по типу занятости и числу рабочих часов в неделю, %

Figure 3. Distribution of Self-employed Persons and Other Employees by Type of Employment, Number of Working Hours per Week, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Характер работы самозанятых часто не позволяет им выполнять работу дистанционно: об этом говорят 72 % опрошенных (среди работников организаций эта доля – 68 %).

Что касается платформенных занятых, то таковые чаще имеют нестандартную продолжительность рабочей недели: по данным Росстата они чаще, чем всё занятое население в целом, заняты на основной работе до 30 часов (17 % против 4 %) или более 40 часов (15 % против 5 %).

По данным ряда цифровых платформ, представленных летом 2023 года, значительная часть платформенных занятых работает количество часов, сопоставимое по продолжительности с трудом стандартных наёмных работников. Например, для большинства исполнителей (проанализировано 112,5 тыс. аккаунтов исполнителей)

русской платформы, специализирующейся на доставке продуктов и товаров с полок магазинов, работа на этой платформе является основной: больше шести часов в день работает 68 %. Доля тех, кто работает каждый день и больше восьми часов с возрастом увеличивается – до 62 % в когорте 35–49 лет. Среди исполнителей российской платформы-маркетплейса (опрошено 488 тыс. человек занятых в логистике компании, в основном, на складах и сортировочных центрах) только 4 % совмещают работу на компанию с работой на других платформах, а в трудовые правоотношения вовлечены только 16 %.

Доходы и уровень жизни

На основе данных ФНС России о собранном НПД и данных о численности самозанятых мы оценили среднемесячный размер профессио-

нального дохода из расчёта на одного самозанятого – в 2022 г. этот показатель составлял 9,4 тыс. руб. и в среднем по России ежемесячные трудовые доходы самозанятого не превышали 100 % величины прожиточного минимума (ПМ). Несколько выше уровень профессионального дохода был в Санкт-Петербурге и Республике Татарстан, однако и в этих регионах он не превышал 100 % величины ПМ, достигая соответственно 98 % и 92 %.

Отметим, что хотя Чеченская Республика и Республика Дагестан относятся к числу регионов-лидеров по численности самозанятых среди взрослого населения (9,4 % и 8,9 % соответственно) и демонстрируют рекордный прирост этой численности – более чем в три раза за год в случае с Республикой Дагестан, – среднемесячный профессиональный доход самозанятых в этих регионах один из самых низких по стране – не более четверти величины прожиточного минимума. Таким образом, востребованность самозанятости в данном случае, как мы уже упоминали ранее (в части, посвящённой распределению по регионам и территориям), связана не с относительным уровнем получаемых от неё доходов.

Одной из причин таких относительно низких значений показателя доходов является отсутствие их декларирования у части самозанятых.

По данным ФНС России на 31.12.2022 г. 34 % самозанятых не задекларировали за год никакого дохода и 31 % самозанятых имели за этот период доход меньше 50 тыс. руб.; на 1.07.2023 г. – 49,6 % самозанятых не имели дохода за период с начала года, у 26,6 % доход меньше 50 тыс. руб. Причины могут быть разные: кто-то не снялся с учёта в качестве самозанятого, перестав осуществлять соответствующую деятельность, кто-то действительно имеет небольшие доходы (разовые заработки) или не хочет декларировать имеющиеся, для того чтобы не уплачивать НПД. Так, по данным опроса РАНХиГС в 2022 году 26 % опрошенных самозанятых не уплачивали в последние 12 месяцев НПД.

По данным КОУЖ, половина самозанятых назвала предпринимательский доход одним из основных источников дохода домохозяйства, 70 % отметили в качестве одного из основных источников доходов домохозяйства заработную плату (рисунок 4). С точки зрения обеспечения социальных гарантий самозанятых это может свидетельствовать о том, что 70 % из них имеют доступ к страховым мерам социального обеспечения по основному месту работы.

Самозанятые чаще работников организаций отмечали в составе доходов социальные пособия (возможно потому, что они чаще проживают с детьми) и реже – пенсии.



Рисунок 4. Распределение домохозяйств с самозанятыми лицами и прочих домохозяйств по источникам доходов, %

Figure 4. Distribution of Households with Self-employed Persons and Other Households by Income Source, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Самооценка финансового положения домохозяйства у самозанятых относительно чуть более позитивная. Так, если среди всех работающих доля тех, кому трудно или очень трудно «свести концы с концами», составляет более 30 %, то сре-

ди самозанятых – лишь 26 %, около трети и самозанятых, и работников организаций не смогут справиться с неожиданными тратами, заменой старой мебели и расходами на ежегодный отпуск (рисунок 5).

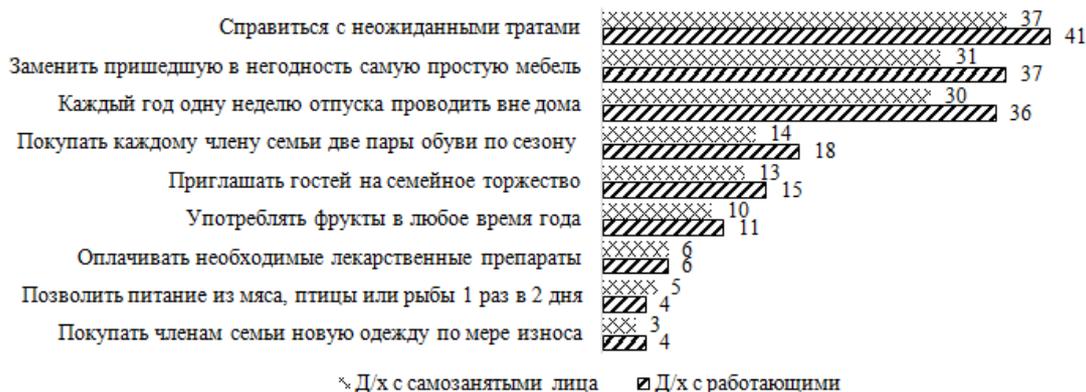


Рисунок 5. Доля домохозяйств с самозанятыми лицами, не имеющих финансовых возможностей..., %
 Figure 5. Share of Households with Self-employed Persons who Don't have Financial Capabilities..., %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

У трети самозанятых в семье практически нет сбережений: их хватит менее чем на один месяц, но такая же ситуация у семей наёмных работников и семей неработающих.

По сравнению с населением в целом домохозяйства самозанятых заметно лучше обеспечены домашними компьютерами и домашним интернетом, а по сравнению с населением в целом и работниками организаций – и легковыми автомобилями. Причиной этого может являться относительно большая вовлечённость самозанятых

в платформенную занятость и в оказание услуг с использованием собственного автомобиля.

Уровень бедности

Уровень бедности – доля лиц со среднедушевыми доходами ниже границы бедности (ГБ) – среди самозанятых несколько выше (16 %), чем среди работников организаций (11 %), однако при этом среди самозанятых немного больше, чем среди населения в целом, тех, чьи среднедушевые доходы выше трёхкратной величины границы бедности (рисунок 6).



Рисунок 6. Распределение самозанятых лиц и других респондентов по уровню среднедушевых доходов относительно границы бедности, %
 Figure 6. Distribution of Self-employed Persons and Other Respondents by Average per Capita Income Relative to the Poverty Line, %

Источник: рассчитано авторами по данным КОУЖ-2022.

Удовлетворённость занятостью

Данные Росстата показывают, что 8 из 10 самозанятых вполне удовлетворены условиями труда, столько же среди работников организаций. Более 60 % самозанятых вполне удовлетворены своим заработком, среди работников организаций таких лишь половина. Это может свидетельствовать о том, что самозанятость является скорее свободным, а не вынужденным выбором формы занятости, и соответствует приоритетам и цен-

ностям самозанятых. Удовлетворённость надёжностью работы у самозанятых закономерно ниже, чем у наёмных работников.

Большинство самозанятых (70 % опрошенных Фондом «Общественное мнение» во втором квартале 2023 г.) считают, что работа на себя позволяет достичь успеха в жизни быстрее, чем работа наёмным работником. И поэтому 62 % самозанятых не хотят менять свою деятельность на какую-то другую, а ещё 12 % стремятся стать

предпринимателями, зарегистрировавшись в качестве индивидуального предпринимателя и наняв сотрудников.

Сравнение профилей самозанятости и платформенной занятости в России и в зарубежных странах

Развитие новых форм занятости – общемировая тенденция, и в силу того, что она базируется на информационных технологиях, создание и масштабирование которых происходит экстерриториально, практика реализации такой экономики в разных странах имеет больше общего, чем различного. Но и различия тоже есть, особенно если сравнивать развитие платформенной занятости в развитых странах, развивающихся странах и в странах с переходной экономикой [21–22].

Со странами Европы Россию объединяет уровень распространённости самозанятости, а российские мегаполисы – лидеры по доле самозанятых среди работающих – похожи в этом на страны европейского Юга⁹. Демографический профиль самозанятых и платформенных занятых российских мегаполисов и европейских стран сходным образом отличают их от соответствующего профиля стандартных наёмных работников: это чаще мужчины, и они относительно моложе. Сам характер платформенной работы (за исключением сфер, связанных с проектной работой, таких, например, как ИТ или дизайн), то есть выполнение отдельных или однотипных заданий, указывает и ещё на одну черту большого числа платформенных исполнителей – относительно меньшую долю лиц с высшим образованием и лиц, имеющих специальность либо работающих по полученной специальности.

В развивающихся странах относительно высокая степень распространённости самозанятости прямо коррелирует с низким уровнем экономического развития региона, то есть самозанятость выполняет в нём адаптивную функцию на рынке труда [23–24]. Эта ситуация сходна с ситуацией высокой формальной вовлечённости в самозанятость в ряде экономически «слабых» российских регионов Северного Кавказа, однако, мы предположили, что в этом случае самозанятость может играть и какую-то другую роль, в отличие от адаптивной, например, роль социально-статусного арбитража (выше мы говорили о формальном статусе занятого, необходимом для получения мер социальной поддержки).

⁹ Employment statistics – digital platform workers / Eurostat Statistics Explained. // European Commission [website]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers#Extent_and_profile_of_digital_platform_workers_in_the_last_year (дата обращения: 22.05.2024).

Выводы

В результате исследования удалось в целом охарактеризовать профили самозанятости и платформенной занятости в России. Использование различных источников данных позволило расширить перечень показателей, характеризующих ключевые особенности самозанятости и платформенной занятости. Некоторые характеристики данных форм занятости описаны впервые – например, уровень бедности, продолжительность работы на платформах и ряд других. В этом состоит научная новизна исследования.

Сформированные нами профили самозанятости и платформенной занятости по различным источникам данных показывают много общего, несмотря на недостатки этих источников и разницу в используемых ими определениях.

В основном подтвердились наши гипотезы об отличии профилей самозанятых и платформенных занятых от стандартных наёмных работников и всего занятого населения в целом. Территориальное распределение самозанятых и платформенных занятых показало высокую их долю в крупных городах, а также в южных и северокавказских регионах России. При этом важно учитывать стимулы, которые подталкивают к таким формам занятости – возможность совмещать несколько видов работ, работать удаленно, не привязанно к конкретному рабочему месту, расширение возможностей получения дохода и гибкость занятости, легкая регистрация в программе плателъщика НПД, получение поддержки от государства. Сравнение также показало, что большая доля самозанятых и платформенных занятых работают в сфере услуг. Выявлен относительно более молодой возраст рассматриваемых категорий занятых и более высокая самооценка ими состояния своего здоровья. Среди самозанятых и платформенных занятых по сравнению со всем занятым населением в целом выше доля лиц, не имеющих профессионального образования, а также лиц, не работающих по полученной профессии. Исследуемые группы занятых значительно чаще имеют нестандартный режим рабочего времени. Более половины самозанятых вполне удовлетворены своим заработком, что может говорить о том, что самозанятость является, скорее, свободным выбором, но удовлетворённость надёжностью работы у самозанятых ниже, чем у наёмных работников.

Вместе с тем различные данные показали, что финансовое положение самозанятых лиц и наёмных работников не сильно отличаются друг от друга, то есть в этой части наша гипотеза не подтвердилась.

Хотя мы знаем, что далеко не все самозанятые заняты на платформах, заметна определён-

ная сходность характеристик самозанятых и платформенных занятых (социально-демографические характеристики, сферы деятельности, уровень образования). И в выявлении этой сходности также есть элемент научной новизны результатов представленного исследования. Эта сходность, взаимосвязь данных форм занятости – аргумент в пользу того, что проблему их правового регулирования необходимо решать в совокупности. Этот вывод важен в силу того, что на сегодня в рамках обсуждения законопроекта по платформенной занятости рассматривается вопрос социальных гарантий платформенным занятым, а самозанятые вне платформы фактически выключены из этой дискуссии.

Прослеживаются причинно-следственные связи между характеристиками профилей самозанятости и платформенной занятости и иными внешними и внутренними факторами. Так, например, исследуемые виды занятости концентрируются в крупных городах, где очевидно высокая доля сервисной экономики, а также в южных и северокавказских регионах России, что может быть обусловлено относительно большей распространенностью неформальной занятости в них.

Полученные профили самозанятости и платформенной занятости могут быть использованы в качестве одного из оснований для оценки рисков, связанных с такой занятостью, поскольку позволяют выявить такие значимые характеристики исследуемых групп как возраст, уровень образования, уровень доходов, продолжительность рабочего дня и т.д., а также использованы для

обоснования управленческих решений по минимизации этих рисков. В этом, а также в расширении знаний об исследуемых формах занятости состоит вклад проведенного исследования в прикладную науку.

Не взирая на использование многих баз данных нам стала очевидна недостаточность информации об исследуемых формах занятости, в том числе закрытость многих значимых для такого исследования данных ФНС России. Например, не ясно, для кого самозанятость является основной, а для кого – дополнительной деятельностью. Кроме того, данные ФНС России не позволяют определить численность и направления деятельности самозанятых лиц, получивших профессиональный доход в отчетный период, а не просто зарегистрированных в системе «Мой налог». Микроданные ОРС за 2023 г. показывают, что 30 % самозанятых использовали интернет-платформы для поиска клиентов и заказов¹⁰. Однако, в сборниках Росстата отсутствует информация о лицах, являющихся одновременно самозанятыми и платформенными занятыми. В связи с этим, полагаем, что до окончания эксперимента по НПД (до 31 декабря 2028 года), для обоснования дальнейших управленческих решений по регулированию самозанятости и платформенной занятости Росстату необходимо провести выборочное обследование самозанятости и платформенной занятости, в том числе отражающее их пересечение, а также детализировать публикуемую по самозанятым статистику ФНС России.

Список литературы

1. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Индивидуализация трудовых отношений: тенденции развития и вопросы регулирования // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 51–61. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-51-61> EDN KSEDSE
2. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 1. С. 72–100. EDN TLOJZV
3. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1(393). С. 81–93. EDN XXRRNL
4. Стребков Д.О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук, М.О. Спирина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6(136). С. 88–105. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06> EDN YORVML
5. Шевчук А.В. Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 51–64. EDN OYNYTP
6. Шевчук А.В. Самозанятость высококвалифицированных работников: трудовые стратегии и мотивация // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 1. С. 103–108. EDN OYNZQH
7. Бобков В.Н., Черных Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 2. С. 6–15. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15> EDN ILZXUU
8. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / В.Н. Бобков, В.Г. Квачев, И.Б. Колмаков [и др.]. 2-е издание, стереотипное. Москва: Издательство «КноРус», 2019. 342 с. ISBN 978-5-406-00369-5 EDN CJJWUM

¹⁰ Микроданные выборочного обследования рабочей силы за 2023 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bd_ors-2023.rar (дата обращения: 12.07.2023).

9. Виленский А.В. Российский институт самозанятости: развитие в контексте пространственных особенностей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 3. С. 7–29. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_7_29 EDN AWENCR
10. Чудиновских М.В., Долженко С.Б. Самозанятость в России: ключевые тенденции, риски и возможности // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Том 33. № 2. С. 368–379. <https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33> EDN WQURON
11. Мисько О.Н., Цыганкова И.В. Тенденции развития самозанятости в России // Управленческое консультирование. 2022. № 12(168). С. 18–31. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-12-18-31> EDN UPOYOU
12. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, Е.С. Горват [и др.]. Москва: НИУ ВШЭ, 2022. 32 с. ISBN 978-5-7598-2494-7 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7> EDN FILRJK
13. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения: аналитический доклад / Центр стратегических разработок, апрель 2022. 71 с. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxh3yztja243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения: 02.06.2023).
14. Покида А.Н. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 1. С. 56–63. EDN VFMBNT
15. Покида А.Н. Социальные гарантии самозанятых граждан на современном рынке труда: проблемы и противоречия // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 октября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2021. С. 61–66. EDN ACNZOO
16. Мирзабалаева Ф.И., Забелина О.В. Регулирование платформенного труда: гибкий баланс государственных гарантий и саморегулирования // Экономика труда. 2022. Том 9. № 3. С. 587–604. <https://doi.org/10.18334/et.9.3.1144383> EDN CIGZZJ
17. Тонких Н.В., Бабинцева А.В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Том 18. № 1. С. 172–183. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183) EDN OKSGDA
18. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4. С. 80–95. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.7> EDN YMHGUS
19. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И.З. Гелисханов, Т.Н. Юдина, А.В. Бабкин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Том 11. № 6. С. 22–36. <https://doi.org/10.18721/JE.11602> EDN YUKCIN
20. Макоев С.Р. Платформенная экономика на рынке финансов // Вестник Сургутского Государственного Университета. 2019. Том 26. № 4. С. 53–57. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2019-4-53-57> EDN PIAFFG
21. National survey of gig workers paints a picture of poor working conditions, low pay / B. Zipperer, C. McNicholas, M. Poydock, D. Schneider, K. Harknett. Report. The Economic Policy Institute. Washington: The Economic Policy Institute, 2022 June. 13 p. Available from: <https://files.epi.org/uploads/250647.pdf> (дата обращения: 22.05.2024).
22. Realizing decent work in the platform economy / Geneva: International Labour Office. Geneva: ILO, 2024. 124 p. Available from: <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/realizing-decent-work-platform-economy> (дата обращения: 22.05.2024).
23. Self-employment in the EU: Job quality and developments in social protection. Research Report. Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2024. 86 p. ISBN 978-92-897-2371-8 <https://doi.org/10.2806/350964>
24. Handbook on the extension of social security coverage to the self-employed. Geneva: International Social Security Association, 2012. 64 p. ISBN 978-92-843-0186-7

Информация об авторах:

Дмитрий Геннадьевич Бычков – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (SPIN-код: 8644-1181) (РИНЦ AuthorID: 284052)

Елена Евгеньевна Гришина – кандидат технических наук, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (SPIN-код: 6414-7957) (РИНЦ AuthorID: 3547472)

Олеся Анатольевна Феоктистова – кандидат технических наук, доктор экономических наук, директор Центра финансирования социальной сферы, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации (SPIN-код: 9663-6080) (РИНЦ AuthorID: 547493)

Наталья Владимировна Локтюхина – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Академия труда и социальных отношений (SPIN-код: 3056-0453) (РИНЦ AuthorID: 369938) (ResearcherID: U-7444-2019)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Владимировна Локтюхина

Статья поступила в редакцию 26.05.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. Individualization of Labor Relations: Trends, Problems and Solutions. *Sotsial'no-trudovye Issledovaniya=Social and labor research*. 2021;4(45):51-61 <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-51-61> (In Russ.)
2. Strebkov D., Shevchuk A. Work Trajectories of Self-Employed Professionals. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2015;24(1):72-100 (In Russ.)
3. Strebkov D.O. Labor Values of Independent and Organizational Employment. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*. 2017;(1(393)):81-93. (In Russ.)
4. Strebkov D.O., Shevchuk A. V., Spirina M.O. Self-employment in the remote work market: diffusion of innovative labor practice. *Monitoring Obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016;6:89-106. (In Russ.)
5. Shevchuk A.V. Self-employment in the Information Economy: Basic Concepts and Types. *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Economic Sociology*. 2008;9(1):51-64. (In Russ.)
6. Shevchuk A.V. Self-employment of Highly Qualified Workers: Labor Strategies and Motivation. *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Economic Sociology*. 2007;8(1):103-108. (In Russ.)
7. Bobkov V.N., Chernykh E.A. Platform Employment – the Scale and Evidence of Instability. *Mir novoi ekonomiki=The World of The New Economy*. 2020;14(2):6-15. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15> (In Russ.)
8. Bobkov V.N. (ed.), Kvachev V.G., Kolmakov I.B., et al. Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methodology of Identification, Evaluation and Reduction. Scientific Monograph. Moscow: Publishing House «KnoRus»; 2018. 341 p. ISBN 978-5-406-00369-5 (In Russ.)
9. Vilenskiy A.V. Self-employment in Russia: spatial aspect of its development as an institution. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;(3):7-29. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_3_7_29 (In Russ.)
10. Chudinovskikh M.V., Dolzhenko S.B. Self-Employment in Russia: Key Trends, Risks and Opportunities. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Baikal State University*. 2023;33(2):368–379. <https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33> (In Russ.)
11. Misko O.N., Tsygankova I.V. Trends in the Development of Self-Employment in Russia. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye=Administrative Consulting*. 2022;12(168):18-31. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-12-18-31> (In Russ.)
12. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Gorvat E.S., et al. Platformennaya zanyatost' v Rossii: Masshtaby, Motivy i Bar'ery Uchastiya. Analytical Report. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2022. 32 p. ISBN 978-5-7598-2494-7 <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2494-7> (In Russ.)
13. Platformennaya Zanyatost': Vyzovy i Vozmozhnye Resheniya. Analytical Report. Center for Strategic Research. Moscow; 2022. 71 p. Available from: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (access date: 22.05.2024). (In Russ.)
14. Pokida A., Zygunovskaya N., Gazieva I. Development of Self-Employment in the Modern Labor Market. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii=Russian Economic Developments*. 2022;29(1):56-63. (In Russ.)
15. Pokida A.N. Social Guarantees of Self-employed Citizens in the Modern Labor Market: Problems and Contradictions. Social and labor conflicts in Russia and in the world: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 01, 2021. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2021. P. 61-66. (In Russ.)
16. Mirzabalaeva F.I., Zabelina O.V. Platform Employment Regulation: Flexible Balance of State Guarantees and Self-Regulation. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(3):587–604. <https://doi.org/10.18334/et.9.3.114438> (In Russ.)
17. Tonkikh N.V., Babintseva A.V. Research of Population's Self-Employment in The Russian Federation: General and Private Problems. *Vestnik Omskogo universiteta: Ekonomika=Bulletin of Omsk University. Economics*. 2020;18(1):172-183. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).172-183](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183) (In Russ.)
18. Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. Dynamics and Quality of Platform Employment in The Era of Coronavirus: Challenges for Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020;16(4):80–95. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.7> (In Russ.)
19. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital Platforms in Economics: Essence, Models, Development Trends. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskkiye nauki=St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2018;11(6):22–36. <https://doi.org/10.18721/JE.11602> (In Russ.)
20. Makoev S.R. Platform Economy in The Financial Market. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Surgut State University*. 2019;26(4):53-57. [https://doi.org/10.34822/2312-3419-2019;\(4\):53-57](https://doi.org/10.34822/2312-3419-2019;(4):53-57) (In Russ.)
21. Zipperer B., McNicholas C., Poydock M., et al. National Survey of Gig Workers Paints a Picture of Poor Working Conditions, Low Pay. Report. The Economic Policy Institute. Washington: The Economic Policy Institute; 2022 June. 13 p. Available from: <https://files.epi.org/uploads/250647.pdf> (access date: 22.05.2024).
22. Realizing Decent Work in the Platform Economy. International Labour Office. Geneva: ILO; 2024. 124 p. Available from: <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/realizing-decent-work-platform-economy> (access date: 22.05.2024).
23. Self-employment in the EU: Job Quality and Developments in Social Protection. Research Report. Publications Office of the European Union. Luxembourg; 2024. 86 p. ISBN 978-92-897-2371-8 <https://doi.org/10.2806/350964>
24. Handbook on the Extension of Social Security Coverage to the Self-employed. Geneva: International Social Security Association; 2012. 64 p. ISBN 978-92-843-0186-7

Information about the authors:

Dmitrii G. Bychkov – PhD in Sociology, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute (SPIN-code: 8644-1181) (РИНЦ AuthorID: 284052)

Elena E. Grishina – PhD in Economics, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute (SPIN-code: 6414-7957) (РИНЦ AuthorID: 3547472)

Olesya A. Feoktistova – PhD in Economics, Director of Center of Social Sphere Finance, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute (SPIN-code: 9663-6080) (РИНЦ AuthorID: 547493)

Natal'ya V. Loktyukhina – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution Scientific and Research Financial Institute; Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Academy of Labor and Social Relations (SPIN-code: 3056-0453) (РИНЦ AuthorID: 369938) (ResearcherID U-7444-2019)

Authors' declared contribution:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Natal'ya V. Loktyukhina

The article was submitted 26.05.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 331.1, 331.5

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370

EDN SFUVUG

Влияние удалённой работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин

Наталья Владимировна Тонких¹, Татьяна Александровна Камарова², Екатерина Алексеевна Черных^{3,4}

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ (tonkih@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2957-7607>)

² (kta@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0087-9310>)

³ Институт экономики РАН, Москва, Россия

(chernykh.ekaterina108@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

⁴ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация

Исследование фокусировалось на оценке трудовых и семейно-личностных параметров жизни у мужчин, перешедших на удалённую работу во время пандемии COVID-19. Для этого был проведён опрос по авторской методике, результаты которого сравнивались с аналогичными данными по женщинам, получившим первый опыт дистанционной работы в пандемию. Согласно полученным результатам, переход на удалённую работу не оказал существенного влияния на производительность и доход респондентов. Среди положительных изменений выделяются экономия времени на дорогу, возможность совмещать работу с домашними делами и гибкое планирование рабочего времени. Однако выявлены и негативные аспекты, такие как сложности в разграничении рабочего и личного времени, трудности с мотивацией и концентрацией, а также отсутствие общения с коллегами и проблемы с организацией рабочего пространства дома. Особенно заметны различия в ответах респондентов в зависимости от наличия детей и принадлежности к разным должностным категориям работников. Мужчины, имеющие детей младше 14 лет, чаще позитивно относились к возможности больше проводить время с детьми, но имели сложности с концентрацией внимания на рабочих задачах. Можно отметить, что успешность адаптации к новому формату работы зависит от навыков самоорганизации работника, а также психосоциальных факторов. Для кого-то работа вне офиса – это возможность проводить больше времени с семьёй, а для кого-то – возможность для сосредоточения и уединения; в отдельных случаях отмечалась нехватка социальной составляющей. Тем не менее, нивелировать недостатки и ограничения возможно, и это зависит от усилий как самих работников, так и от активной позиции работодателя.

Ключевые слова: удалённая занятость, дистанционная занятость, мужская занятость, трудовая, семейная и личная жизнь, гендерное равенство, пандемия, домашние обязанности

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00614 «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие». URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

Для цитирования: Тонких Н.В., Камарова Т.А., Черных Е.А. Влияние удалённой работы на параметры трудовой, семейной и личной жизни российских мужчин // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 356–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370
EDN SFUVUG



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370

The Impact of Remote Work on the Parameters of Work, Family and Personal Life of Russian Men

Natal'ya Vladimirovna Tonkikh¹, Tat'yana Aleksandrovna Kamarova², Ekaterina Alekseevna Chernykh^{3,4}

^{1,2} Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

¹ (tonkih@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2957-7607>)

² (kta@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0087-9310>)

³ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow Russia

(chernykh.ekaterina108@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

⁴ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow Russia

Abstract

The study focused on assessing the work, family and personal life parameters of men who switched to remote work during the COVID-19 pandemic. For this purpose, a survey was conducted using the author's methodology, the results of which were compared with similar data for women also working remotely. According to the results, the transition to remote work did not have a significant impact on the productivity and income of respondents. Among the positive changes are savings in travel time, the ability to combine work with household chores and flexible planning of working hours. However, negative aspects have also been identified, such as difficulties in separating work and personal time, difficulties with motivation and concentration, as well as lack of communication with colleagues and problems with organizing the work space at home. Particularly noticeable are the differences in respondents' answers depending on the presence of children and belonging to different job categories of employees. Men with children under 14 were more likely to have positive attitudes toward spending more time with their children, but had difficulty concentrating on work tasks. It can be noted that the success of adaptation to a new work format depends on the employee's self-organization skills, as well as psychosocial factors. For some, working outside the office is an opportunity to spend more time with family, and for others it is an opportunity for concentration and solitude; in some cases there was a lack of social component. However, it is possible to level out the shortcomings and limitations, and this depends on the efforts of both the employees themselves, including those aimed at reducing gender stereotypes, and on the active position of the employer.

Keywords: remote employment, remote employment, men's employment, work, family and personal life, gender equality, pandemic, household responsibilities

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 22-18-00614 "Study of the impact of digital employment on fertility and parental well-being." URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

For citation: Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Chernykh E.A. The Impact of Remote Work on the Parameters of Work, Family and Personal Life of Russian Men. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):356–370. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_3_356_370 (In Russ.)

Введение

Дестандартизация занятости, под которой обычно понимают расширение использования различных форм неполной, гибкой, краткосрочной, удалённой, самостоятельной, агентской, платформенной и неформальной занятости и которая отражает изменение как предложения труда, так и спроса на труд — это глобальный тренд, о котором говорят в последние годы. Для современного работника расширяется спектр вариантов совмещения работы с другими сферами жизни. Смещение акцентов со стандартной занятости на новые формы удалённой работы с использованием цифровых технологий можно рассматривать как инструмент сохранения и создания рабочих мест [1].

Существующий на сегодняшний день общественный договор всё ещё ориентирован на традиционную модель карьеры и работы, состоящую из трёх последовательных, не пересекающихся сегментов: получения образования, трудовой деятельности в рамках стандартного графика и выхода на пенсию. Однако эта стратегия устарела в условиях увеличения продолжительности жизни и трудовой активности, кадрового дефицита, а также растущего охвата цифровыми технологиями. Компаниям требуется гибкость в формировании рабочей силы для стимулирования инноваций и новых гибридных форм работы. У работников должна быть возможность делать перерывы в карьере и получать дополнительное образование, помогающее им успешно адаптироваться к меняющемуся миру.

С развитием информационных технологий за последние два десятилетия дистанционный (удалённый) формат работы нашёл активное распространение как среди мужчин, так и среди женщин. Пандемия коронавируса способствовала ещё более широкому распространению этой формы нестандартной занятости. Компаниям в срочном порядке приходилось развивать процессы удалённого найма, налаживать взаимодействие с удалёнными сотрудниками. Одновременно возникла необходимость во внесении изменений в нормативно-правовое поле. Многие аспекты трудовых отношений с дистан-

ционными работниками были оперативно отрегулированы законодательно, однако остаётся актуальным вопрос о дальнейших корректировках и дополнениях по мере развития данной формы занятости.

В настоящее время исследователями в целом отмечается перспективность удалённого формата работы [2-4]. Однако существует и ряд проблемных аспектов, которые за годы, прошедшие после начала пандемии, выявили работодатели и сами сотрудники: невозможность для руководителя видеть, как работает конкретный сотрудник; несформированные управленческие компетенции, связанные с работой в цифровой среде; сложность обучения сотрудников использованию современных цифровых инструментов; вероятность срыва сроков, денежных потерь; несоответствие качества выполненной работы и трудность в полноценной оценке работоспособности сотрудника до начала выполнения рабочих задач; работодатель может экономить средства предприятия путем уменьшения пакета социальных гарантий, предоставляемых сотруднику в связи с тем, что он находится на удалённой занятости.

Разнообразие форм занятости позволяет учитывать индивидуальные потребности работника, снижать стресс, улучшать ментальное здоровье¹, но одновременно имеет свои нюансы [5-8]. Данное обстоятельство послужило поводом для исследования влияния удалённой занятости на трудовую, личную и семейную жизнь.

Согласно опросу Gallup², более 40% руководителей и более 50% менеджеров и рядовых работников считают, что продуктивность у работающих удалённо выше, чем у офисных сотрудников (рисунок 1). Аналогичный вывод, что эффективность сотрудников при удалённой занятости может оставаться высокой и даже расти делается в [8; 9].

¹ Как удалённая работа влияет на психику: 4 вывода исследователей // Journal.tinkoff: [сайт]. URL: <https://journal.tinkoff.ru/list/remote-workers/> (дата обращения: 15.06.2024).

² Кому не подходит удалёнка // GURU: [сайт]. URL: <https://guru.nes.ru/komu-ne-podxodit-udalenska.html> (дата обращения: 15.05.2024).

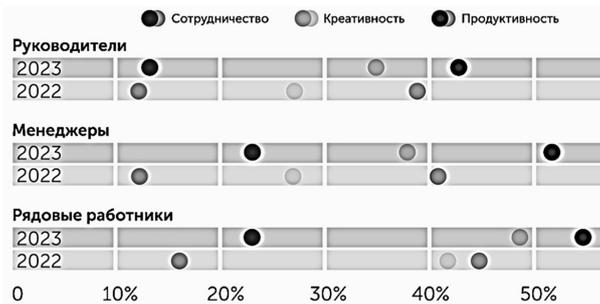


Рисунок 1. Оценка эффективности удалённой работы
 Figure 1. Assessing the Effectiveness of Remote Work

Источник: опрос Gallup в США в мае 2023 г.

В настоящее время среди экспертов заметно мнение, что дефицит рабочих рук, то есть углубляющийся разрыв предложения и спроса на рабочую силу и в России, и во всём мире, свидетельствует о том, что ждать массовой демократизации рабочего времени, в том числе перехода на четырехдневную рабочую неделю или полного перехода на удалённую работу, не стоит; практики говорят, что «массовой дестандартизации мы не видим»³, происходит некоторый «откат в использовании нестандартных форм занятости». Как показал онлайн-опрос гендиректоров 1325 крупных компаний в 11 странах, проведённый в 2023 году аудиторской фирмой KPMG, почти две трети респондентов надеются, что в ближайшие три года большинство сотрудников будут проводить в офисе полный день⁴.

Развитие удалённых форм занятости может отразиться на зарплатах, потому что при удалённом найме появляется возможность платить сотрудникам меньше, с учётом того, что стоимость жизни в регионах меньше, чем в Москве. Но в комплексе с проблемой дефицита рабочей силы и конкуренции за неё, зарплаты не падают, а уверенно растут.

Дистанционная занятость остаётся главной причиной значительного разрыва в потреблении товаров и услуг, который сохраняется, несмотря на завершение пандемии. Если потребление товаров в большинстве стран мира даже превысило допандемийные значения, то потребление услуг так и не вернулось на докризисный уровень: занимающиеся удалённой работой люди меньше тратят на транспорт, обеды, посещение магазинов, и больше – на товары для дома (в том числе для домашнего офиса) и продукцию для отдыха и

развлечения⁵. В коммерческом секторе сложности испытывают компании, связанные с офисным бизнесом (кафе и рестораны, рассчитанные на офисных служащих, архитектурные бюро, клининговые компании, а также сектор аренды и продажи площадей)⁶.

Плюсы и минусы удалённой занятости подробно рассмотрены в большом количестве работ [3; 4; 7–9]. Отметим, что минусы наиболее ярко проявились, когда работники выбирали дистанционный формат не по желанию, а вынужденно [10].

Основной «долгосрочный» и неочевидный минус удалённой работы был выяснен путём опросов и исследований уже после окончания пандемии. Он касается важнейшего аспекта карьеры – повышения в должности. Согласно исследованию, проведённому Live Data Technologies среди 2 млн офисных служащих США, за последний год те, кто работает дистанционно пять дней в неделю, получали повышение на 31% реже, чем приходящие в офис (на полный день или несколько дней в неделю). По данным Бюро трудовой статистики, почти 20% американцев со степенью выпускника колледжа и выше продолжают работать удалённо 5 дней в неделю. Согласно анализу Live Data Technologies, 3,9% таких людей получили повышение в 2023 г. Однако среди тех, кто хотя бы часть недели проводит на рабочем месте, таких оказалось 5,6%⁷. Об этом же свидетельствуют и результаты опроса генеральных директоров: почти 90% из них сказали, что, когда дело касается выгодных заданий, повышения зарплат или в должности, они с большей вероят-

⁵ Кому не подходит удалёнка // GURU: [сайт]. URL: <https://guru.nes.ru/komu-ne-podxodit-udalenka.html> (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ Industries Reliant on Thriving Downtowns Suffer From Remote Work // WSJ: [сайт]. URL: <https://www.wsj.com/articles/woe-in-office-market-from-remote-work-spreads-to-multibillion-dollar-ecosystem-d195809e> (дата обращения: 15.02.2024).

⁷ Кому не подходит удалёнка // GURU: [сайт]. URL: <https://guru.nes.ru/komu-ne-podxodit-udalenka.html> (дата обращения: 15.02.2024).

ностью вознаградят сотрудников, которые пришли в офис⁸.

Можно выделить ряд причин такой ситуации:

- С удалёнными работниками меньше работают коучи, наставники, что сказывается на продвижении по карьерной лестнице, особенно женщин и молодых сотрудников.
- Существует вероятность предвзятого отношения к сотруднику, которого никто не видит.
- Возникают проблемы во взаимодействии сотрудников и нехватка личного участия.

В [8] отмечается, что с точки зрения продвижения по службе разницы между посещением офиса пять дней в неделю или меньше нет. Но из-за работы из дома страдают отношения между сотрудниками, в результате их шансы на повышение снижаются. Удалённая работа больше подходит тем, кто уже поднялся по карьерной лестнице и занимает устойчивое положение в профессии, располагает опытом и связями, которые помогают в продвижении по службе. Молодым людям нужно проводить больше времени на работе, чтобы побыстрее получить повышение: работа лицом к лицу очень важна и гораздо лучше развивает навыки сотрудника⁹.

Есть ряд зарубежных публикаций, где исследователи делают вывод, что женщины с меньшей вероятностью будут удалёнными сотрудниками: удалённая работа – это форма занятости, в которой в основном доминируют мужчины [11; 12]. Кроме того, важную роль в использовании дистанционной занятости играет уровень образования сотрудников: чем он выше, тем эффективнее для сотрудника использование такого формата трудовой деятельности [13; 14].

Ещё очень важный фактор, влияющий на то, будет ли для конкретного работника эффективной дистанционная занятость – это особенности характера и типа личности работника. Удалённая работа усиливает свои преимущества для работника-интроверта, предпочитающего всё делать в одиночку и избегающего общения и усугубляет недостатки для экстраверта, страдающего без коллектива и социального взаимодействия¹⁰.

Трудовая, семейная и личная жизнь мужчин редко попадает в фокус исследователей. В ген-

дерных исследованиях акцент делается на анализе особенностей женской занятости, гендерного неравенства и асимметрии в доходах и возможностях. Мужчины если и попадают в объектив исследователей, то в основном в качестве референтной (сравнительной) группы [1; 5; 6]. Среди последних публикаций, посвящённых аспектам трудовой жизни непосредственно мужчин, можно отметить работу [15] с акцентом на специфику трудовой жизни мужчин старшего возраста, живущих в небольших населённых пунктах, где низкие доходы сопутствуют росту напряжённости труда, развитию вторичной и неформальной занятости, а также работе не по призванию.

Что касается дистанционной занятости, то в [16] рассматривается один из её видов – фриланс, и на основе анкетного онлайн-опроса показано, что для мужчин главными мотивами участия во фрилансе являются свобода действия, самореализация, более высокая заработная плата, а для женщин – возможность работать дома и иметь удобный график работы, а также выделяются наиболее востребованные виды услуг, выполняемые мужчинами и женщинами-фрилансерами.

Анализ исследований по теме показал наличие публикаций, посвящённых дистанционной женской занятости, в том числе у авторов данной статьи [17; 18], однако вопрос относительно влияния удалённой работы на жизнь мужчин целостно ещё не разработан, чем обоснована актуальность анализа их аналогичного опыта.

Объектом исследования в статье являются параметры трудовой, семейной и личной жизни. **Предмет** исследования – параметры трудовой, семейной и личной жизни мужчин, впервые начавших работать удалённо в пандемию COVID-19, в том числе в сравнении с работниками-женщинами.

Целью исследования является определение положительных и негативных аспектов совмещения удалённой занятости с личными, семейными и родительскими обязанностями.

Методы исследования и выборка

Информационной базой исследования стали данные опроса, проведённого в 2023 году научной лабораторией кафедры Экономики труда и управления персоналом УрГЭУ.

Опрос проводился путем онлайн-анкетирования с использованием структурированного опросника с помощью сервиса Яндекс Формы. Большинство вопросов закрытого типа. Целевой группой выступили мужчины в возрасте 15–59 лет, которые в период первой волны пандемии (2020 г.) были переведены на дистанционную работу, и данный

⁸ Remote Workers Are Losing Out on Promotions, New Data Shows // The Wall Street Journal: [сайт]. URL: <https://www.wsj.com/lifestyle/careers/remote-workers-are-losing-out-on-promotions-8219ec63> (дата обращения: 15.02.2024).

⁹ Young Staff Need to Be in the Office Because of AI, Says PwC's UK Boss // Bloomberg: [сайт]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-15/ai-means-young-staff-should-work-in-the-office-says-pwc-uk-boss-kevin-ellis> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁰ Какая удалённая работа вам подойдет согласно типу личности по MBTI // Dzen: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/Yw4OKe4MbAVJTd1T> (дата обращения: 15.06.2024).

опыт являлся для них новым. Опрос проводился методом снежного кома через рассылку на внутренних корпоративных информационно-коммуникационных сервисах крупных организаций Уральского федерального округа через службы управления персоналом. Были задействованы металлургические и машиностроительные предприятия, ритейл, финансовые и телекоммуникационные организации. В преамбуле анкеты содержалась просьба о распространении её среди знакомых. Опросом охвачены практически все федеральные округа РФ, преобладают респонденты Свердловской области. Территория проживания не контролировалась, поскольку в предыдущих исследованиях авторами не была выявлена тесная связь ответов респондентов и региона проживания [17].

Заметим, что данное исследование является продолжением изучения влияния дистанционной занятости на родительство. Предыдущие исследования были посвящены результатам серии опросов женщин, направленных на оценку влияния дистанционной женской занятости на различные аспекты их жизни. Опросы проводились в 2018, 2019 и 2022 гг., размер выборки составил 1922, 601 и 589 человек соответственно [17].

В настоящем исследовании в качестве респондентов выступили мужчины. Так как исследование носит мониторинговый характер, анкета максимально дублирует инструментарий «женского» проекта с поправкой на специфику мужской аудитории, что позволило провести гендерную аналитику. В выборке были выделены следующие возрастные группы: 1) мужчины до 35 лет; 2) мужчины старше 35 лет. Относительно наличия детей мы отдельно рассматривали следующие группы: 1) мужчины, имеющие детей до 14 лет; 2) мужчины, имеющие детей старше 14 лет; 3) мужчины, не имеющие детей. Пороговое значение в 14 лет выбрано не случайно: в большинстве ситуаций в этом возрасте дети уже способны самостоятельно ходить/ездить в школу и на кружки, то есть основной акцент в воспитании смещается на непосредственное общение с детьми, а не на обеспечение ухода и логистики. Оптимальный размер выборки с учётом того, что в каждой из четырёх групп нужно опросить не менее 100 чел., составил 400 чел. ($4 \times 100 = 400$). Всего в ходе исследования фактически опрошено 556 чел. Помимо вопросов о возможном влиянии удалённого формата занятости на родительство, в анкете учтены вопросы о влиянии дистанционного формата на различные аспекты жизни мужчин, а именно, какое влияние оказала удалённая работа на трудовую, семейную и личную жизнь респондентов.

Отметим, что информантами были именно те мужчины, которые начали работать из дома не по собственному желанию, а вследствие карантинных ограничений в пандемию. Таким образом, переход на удалённую работу был для них не только вынужденным, но и для большинства респондентов временным. Тем не менее, полученный опыт периода пандемии, несомненно, оказал влияние на текущий формат социально-трудовых отношений и подтверждает наличие преимуществ нестандартной занятости: на момент опроса 16% респондентов работали дистанционно (возможно, на других работодателей) и 21% - находились в гибридном формате занятости.

Описание выборки:

1) все мужчины-респонденты приступили к дистанционной работе вынужденно с началом первой волны пандемии;

2) преобладают мужчины в возрасте до 35 лет (63,1%), старше 35 лет – 32,8%, часть не указали возраст;

3) по признаку наличия детей: 38,2% мужчин проживают с детьми в возрасте до 14 лет включительно; 9,2% – мужчины, проживающие с детьми старше 14 лет; 54,8% – не имеют детей/ или не проживают с ними;

4) половина прошедших анкетирование проживает в городах (50%), из них 84,1% – жители областных центров; 3,8% – жители сельской местности; 4,5% не указали место жительства;

5) по профессиональному статусу: 19,7% – руководители; 23,6% занимают должности ведущих специалистов; 33,1% – специалисты/служащие; 5,4% не указали категорию должности; 18,2% выбрали вариант «Другое».

Была сформулирована следующая гипотеза: оценки влияния дистанционной занятости на параметры трудовой, семейной и личной жизни будут различаться в зависимости от профессионального статуса мужчин и наличия детей младше 14 лет.

Основные результаты исследования

53,1% опрошенных мужчин (48,1% в младшей возрастной группе и 58,8% в старшей) умолчали (то есть либо затруднились ответить, либо не дали ответа) про изменения доходов при переходе на дистанционные условия труда (таблица 1). Среди женщин при ответе на аналогичный вопрос не дали ответа либо затруднились с ответом 11% и 6,6% женщин соответственно. Высокая доля отсутствия ответов мужчин на вопрос связана с известной в социологии проблемой сензитивности. Технология сбора ответов на вопрос предусматривала для респондентов возможность «ухода от ответа» с целью получения искренних оценок.

Важных различий в оценках мужчинами «изменений в доходах» в зависимости от наличия и возраста детей не обнаружено, что говорит о ре-

левантности полученных результатов. Трудовые доходы априори не связаны с наличием семейных обязанностей.

Таблица 1

Структура ответов респондентов на вопрос «Когда Вы работаете дистанционно, то Ваш доход?»

Table 1

The Structure of Respondents' Answers to the Question «When You Work Remotely, What Is Your Income?»

Варианты ответа	В среднем по выборке		Ответы мужчин, воспитывающих детей младше 14 лет		Ответы мужчин, не имеющих детей и мужчин, у которых дети старше 14 лет	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Увеличивается	58	10,4	29	11,7	29	9,4
Снижается	23	4,1	11	4,4	12	3,9
Не меняется	180	32,4	68	27,5	112	36,4
Затрудняюсь ответить	40	7,2	11	4,4	29	9,4
Нет ответа	255	45,9	129	52,0	126	40,9
Итого	556	100,0	248	100,0	308	100,0

Источник: рассчитано авторами на основании данных опроса.

Пересчёт пропорций полученных оценок от количества ответивших на вопрос (в расчёт брали только тех, кто ответил «увеличивается», «снижается» и «не меняется») показывает, что у большинства мужчин (69%) переход на дистант не привёл к изменениям трудового дохода, в разбивке по возрастным группам эти значения составляют 66,5% для мужчин до 35 лет и 73,5% для мужчин старше 35 лет. Среди ответивших, доходы увеличились у 22% мужчин. В предыдущем исследовании (в 2022 г.) при подобном опросе женщин со схожими параметрами выборки, доход не изменился у 70% ответивших на вопрос [17].

Отметим, что по направленности изменений дохода выявлены различия во мнениях у респондентов разных возрастных групп: мужчины младшей возрастной группы почти в 2 раза чаще отмечали увеличение доходов, чем респонденты старше 35 лет. Более молодые женщины также несколько чаще говорили о возросших доходах (рисунок 2). Возможно, это объясняется тем, что более молодые сотрудники лучше владеют цифровыми технологиями, в том числе необходимыми для ведения удалённой работы, что позволило им работать эффективнее и продуктивнее. Кроме того, возможно они использовали освободившееся время для подработок.

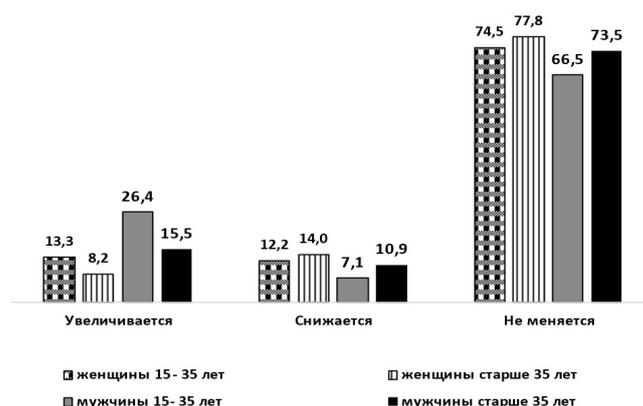


Рисунок 2. Повозрастная структура ответов респондентов на вопрос о влиянии дистанционной формы занятости на уровень трудового дохода, %

Figure 2. Age Structure of Respondents' Answers to the Question About the Impact of Distance Employment on the Level of Labor Income, %

Источник: построено авторами на основании данных опроса. Здесь и далее по женщинам использованы данные из опроса 2022 года.

В целом мужские и женские оценки изменений трудовых доходов показывают схожую динамику, существенной гендерной специфики не выявлено.

Исходя из группировки ответов респондентов в зависимости от их профессионального

статуса, можно заметить, что мужчины с более высоким статусом должности чаще отмечали отсутствие изменений в доходах при переходе на работу из дома либо вовсе не отвечали на этот вопрос (таблица 2).

Таблица 2

Структура ответов респондентов на вопрос «Когда Вы работаете дистанционно, то Ваш доход?»

Table 2

The Structure of Respondents' Answers to the Question «When You Work Remotely, What Is Your Income?»

Категории респондентов	Варианты ответов на вопрос					
	Нет ответа	Увеличивается	Снижается	Не меняется	Затрудняюсь ответить	Итого
Руководитель, чел.	58	9	9	36	7	119
%	48,7	7,6	7,6	30,2	5,9	100,0
Ведущий специалист, чел.	43	15	1	54	4	117
%	36,8	12,8	0,9	46,1	3,4	100,0
Специалист/служащий, чел.	54	21	9	57	16	157
%	34,4	13,4	5,7	36,3	10,2	100,0
Категория должности не указана, чел.	28	2	1	3	0	34

Источник: построено авторами на основании данных опроса.

Таким образом, переход на удалённую работу не оказывает значительного влияния на трудовую жизнь в контексте системы стимулирования/зароботной платы. Действительно, законодательно компании не имели права снижать работникам зарплату из-за перевода их на удалёнку. Если речь идёт про офисные специальности, подразумевающие работу за компьютером, с бумагами, данными и т.п. и не подразумевающие непосредственное оказание физи-

ческих услуг, то после определённого периода адаптации, связанного с технической настройкой удалённого доступа, систем безопасности, систем видеосвязи и др., многие работники могли полноценно продолжать выполнять свои обязанности из дома.

Следующие аспекты, которым был посвящён опрос, – преимущества и недостатки дистанционной занятости, которые также оказывают влияние на трудовую, семейную и личную жизнь.

Таблица 3

Структура ответов респондентов на вопрос: «В чём Вы видите преимущества дистанционной работы для себя? (укажите 1–3 наиболее значимых)»*

Table 3

The Structure of Respondents' Answers to the Question: «What Do You See as the Advantages of Remote Work for Yourself? (Indicate 1–3 Most Significant)»*

Варианты ответов на поставленный вопрос/положительные изменения в качестве жизни	В среднем по выборке		Группировка ответов по признаку наличия детей, %			Группировка ответов по возрасту, %		Группировка ответов по категориям персонала, %		
	кол-во ответов, ед.	%	дети младше 14 лет	дети старше 14 лет	без детей	до 35 лет	старше 35 лет	руководитель	ведущий специалист	специалист/служащий
Итого:	985	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Экономия времени на транспорт	230	23,4	21,9	19,5	25,0	23,2	23,5	22,8	25,0	24,1
Возможность совмещать выполнение работы и домашних дел	141	14,3	14,8	11,7	14,4	14,9	13,4	12,7	15,3	14,7

Варианты ответов на поставленный вопрос/положительные изменения в качестве жизни	В среднем по выборке		Группировка ответов по признаку наличия детей, %			Группировка ответов по возрасту, %		Группировка ответов по категориям персонала, %		
	кол-во ответов, ед.	%	дети младше 14 лет	дети старше 14 лет	без детей	до 35 лет	старше 35 лет	руководитель	ведущий специалист	специалист/служащий
Возможность самостоятельно планировать время работы, свободный график	140	14,2	12,8	13,0	15,3	15,5	11,4	12,7	13,6	12,6
Экономия средств на питание вне дома	119	12,1	9,6	18,2	12,9	12,6	10,5	12,7	12,3	12,4
Возможность совмещать работу и путешествия	93	9,4	8,6	9,1	10,0	9,4	9,8	9,0	7,6	10,3
Возможность больше уделять времени детям	85	8,6	13,9	9,1	4,9	7,4	11,1	10,1	8,5	8,8
Возможность не подстраиваться под дресс-код и другие корпоративные правила	79	8,0	6,1	13,0	8,5	7,0	10,5	10,1	7,6	7,1
Моя производительность повышается	68	7,0	7,2	3,9	7,2	7,6	5,6	4,8	7,2	7,6
Не вижу преимуществ	27	2,7	4,8	1,3	1,5	2,2	3,9	5,3	2,5	2,1
Другое (что именно, напишите):	3	0,3	0,3	1,3	0,2	0,3	0,3	0	0,4	0,3

*Структура рассчитана от суммарного количества ответов/выборов: количество отмеченных мужчинами пунктов в предложенном меню вопроса.

Источник: рассчитано авторами на основании данных опроса.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что основным положительным воздействием на семейную и личную жизнь является возможность самостоятельного управления временем за счёт сокращения времени на транспорт и способности сочетать выполнение рабочих обязанностей с домашними делами (см. таблицу 3). Наиболее значимыми факторами оказались: сокращение времени на транспорт (23,4%), возможность совмещать работу и домашние дела (14,3%), самостоятельное планирование рабочего времени (14,2%), а также экономия на питании вне дома (12,1%).

В перерасчёте удельного веса ответов в зависимости от общего числа респондентов в порядке ранжирования преимуществ прослеживаются примерно те же приоритеты (рисунок 3). В качестве ключевого преимущества респонденты отмечают экономию времени на транспорт (41,4% для мужчин и 65,2% для женщин).

Изменение формата работы не всегда приводит к более активному участию в семейной

жизни, поскольку время, которое ранее тратилось на дорогу до места работы, не всегда перераспределяется в пользу времени, проведённого с семьей: данный параметр указали лишь 8,6% в среднем по выборке, когда сэкономленное время выделяют как возможность проводить больше времени с детьми. Однако среди мужчин, воспитывающих детей младше 14 лет, по ранжированию этот параметр выходит на третье место. Схожая ситуация наблюдалась и ранее при опросе женщин [17].

Возможность совмещать работу и домашние дела является преимуществом для более чем половины опрошенных женщин, и всего для четверти опрошенных мужчин.

Также среди весомого преимущества работы дома мужчины отметили экономию средств на питание вне дома. Это может быть связано с тем, что среди всех опрошенных 35,1% не женаты, и вероятно, склонны чаще покупать готовую еду, работая в офисе.

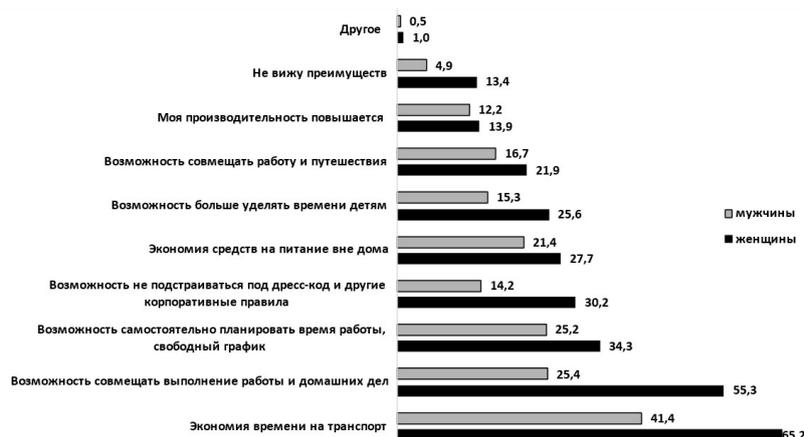


Рисунок 3. Ранжирование частоты ответов респондентов на вопрос: «В чём Вы видите преимущества дистанционной работы для себя? (укажите 1–3 наиболее значимых)» в расчёте от количества респондентов, в %

Figure 3. Ranking the Frequency of Respondents' Answers to the Question: «What Do You See as the Advantages of Remote Work for Yourself? (Indicate 1-3 Most Significant Ones)» Based on the Number of Respondents, in %

Источник: рассчитано авторами на основании данных опроса.

Можно отметить, что изменение формата работы не существенно повлияло на производительность труда – лишь 7% участников опроса выделили этот аспект. Ещё меньше, всего 2,7% участников (или 4,9% от общего числа опрошенных, см. рисунок 3), не увидели никаких преимуществ в удалённой работе. В общей сложности, лишь 1,8% участников опроса акцентировались на выборе конкретных преимуществ дистанционной работы., т. е. в среднем каждый опрошенный мужчина отметил по 1,8 преимущества (985 ответов / 556 чел.; среди 975 ответов лишь 27 ответов «не вижу преимуществ»).

Среди прочих преимуществ опрошенные выделили в графе «Другое» следующие: «Возможность иметь достаточное количество социаль-

ных контактов и в то же время возможность уединения и концентрации».

«Если есть самодисциплина, или заработок сдельный (т.е. зависит от меня) то в дистанционной работе одни плюсы».

Если проанализировать выбор позитивных аспектов удалённой работы в разрезе категорий работников, то можно заметить, что в числе плюсов руководители чаще работников прочих категорий отмечали возможности совмещения работы и путешествий, а также – отсутствие необходимости носить костюм, офисную одежду и соблюдать иные корпоративные правила.

Результаты обработки ответов на вопрос о недостатках вынужденной удалённой работы обобщены в таблице 4.

Таблица 4
Структура ответов респондентов на вопрос: «В чём Вы увидели недостатки (минусы) у дистанционной работы? (укажите 1–3 самых значимых)»*

Table 4
The Structure of Respondents' Answers to the Question: «What Did You See as Disadvantages of Remote Work? (Indicate 1–3 Most Significant)»*

Варианты ответов на поставленный вопрос/положительные изменения в качестве жизни	В среднем по выборке		Группировка ответов по признаку наличия детей, %			Группировка ответов по возрасту, %		Группировка ответов по категориям персонала, %		
	кол-во ответов, ед.	%	дети младше 14 лет	дети старше 14 лет	без детей	до 35 лет	старше 35 лет	Руководитель	Ведущий специалист	Специалист/служащий
Итого:	755	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Нарушены границы между работой и домом, переработки, нет полноценного отключения и отдыха от работы	106	14,0	14,5	12,7	13,9	14,5	13,3	15,8	18,0	13,0

Окончание таблицы 4

Варианты ответов на поставленный вопрос/положительные изменения в качестве жизни	В среднем по выборке		Группировка ответов по признаку наличия детей, %			Группировка ответов по возрасту, %		Группировка ответов по категориям персонала, %		
	кол-во ответов, ед.	%	дети младше 14 лет	дети старше 14 лет	без детей	до 35 лет	старше 35 лет	Руководитель	Ведущий специалист	Специалист/служащий
Сложно мотивировать себя начать работать, сложно сосредоточиться	106	14,0	12,5	5,5	16,2	16,4	9,4	10,8	13,0	15,7
Не хватает общения с коллегами	104	13,8	12,2	14,5	14,9	13,3	14,8	12,7	15,2	12,6
Мешают, отвлекают дети, жена, другие родственники	97	12,9	17,2	16,4	8,9	10,7	16,8	17,0	12,0	12,3
Сложно организовать рабочее место дома (нет отдельной комнаты, своего компьютера и другие сложности)	77	10,2	11,6	14,5	8,6	9,8	10,9	9,5	11,4	10,0
Для меня минусов нет	69	9,1	7,9	12,7	9,6	9,1	9,0	9,5	6,0	9,6
Плохая коммуникация с руководством и коллегами по рабочим моментам	56	7,4	6,3	5,5	8,6	7,5	7,4	11,4	7,6	5,0
Не надо следить за внешним видом, хожу в домашней одежде	27	3,6	4,0	0	3,8	3,4	3,9	1,9	3,8	3,4
Сложно продемонстрировать свои достижения, продвинуться в карьере	51	6,8	6,9	7,3	6,6	7,1	6,3	6,3	5,4	7,7
Моя производительность снижается	34	4,5	3,3	3,6	5,6	4,6	4,3	3,8	4,3	6,1
Приходится осваивать новые цифровые и другие рабочие навыки	25	3,3	3,3	7,3	2,8	3,2	3,5	1,3	2,8	3,8
Другое (что именно, напишите):	3	0,4	0,3	0	0,5	0,4	0,4	0	0,5	0,8

*Структура рассчитана от суммарного количества ответов/выборов: количество отмеченных мужчинами пунктов в предложенном меню вопроса.

Источник: рассчитано авторами на основании данных опроса.

Анализируя минусы работы на дистанте, каждый мужчина в среднем выделил 1,2 недостатка (686 ответов/556 чел.; из 755 ответов вариант «Для меня минусов нет» выбрало 69 опрошенных). Для сравнения – при аналогичном опросе женщин частота выбора недостатков выше – 2,5 ответа на одну опрошенную женщину. Что касается частоты выбора позитивных аспектов удалённой работы картина схожая: в среднем каждая женщина отмечала по 2,8 преимуществ, причём число опрошенных было примерно равным (556 мужчин и 589 женщин). Женщины отмечали в среднем

больше недостатков, но и больше преимуществ, чем мужчины.

Среди выявленных отрицательных аспектов было отмечено следующее: нарушение границ между работой и домом, переработки, отсутствие полноценного отключения и отдыха от работы (14,0%); трудности с мотивацией и концентрацией на работе (14,0%); нехватка общения с коллегами (13,8%); проблемы с отвлечениями со стороны детей, супругов и других родственников (12,9%); сложности с организацией рабочего места дома (например, отсутствие отдельной комнаты или компьютера) (10,2%).

Наибольшее различие в оценках было замечено в зависимости от наличия детей и профессионального статуса опрошенных. Например, мужчины с детьми до 14 лет чаще всего указывали на проблему «мешают дети, жена, другие родственники» как основной недостаток удалённой работы. Частота выбора данного параметра мужчинами, имеющими детей младше 14 лет, выше, чем у бездетных в 1,9 раз. Схожая ситуация у мужчин, воспитывающих детей старше 14 лет. Вследствие наличия отвлекающих факторов становится труднее выдерживать границы между работой и домом, этот минус является вторым по частоте выбора и также сказывается на качестве труда и отдыха. В таком

случае, стоит обратить внимание на поиски альтернативных вариантов организации своего рабочего места, более оптимального распределения времени и внимания на работу и потребности близких. В то же время указанный недостаток компенсируется таким преимуществом, как «возможность больше уделять времени детям».

Отсутствие минусов в дистанционной работе чаще всего отмечали мужчины, воспитывающие детей старшего возраста и мужчины, не имеющие детей. В перерасчёте структуры ответов к количеству опрошенных доля мужчин, не выделившие минусов в удалённой работе, составила 12,4%, среди женщин таких 13,4% (рисунок 4).

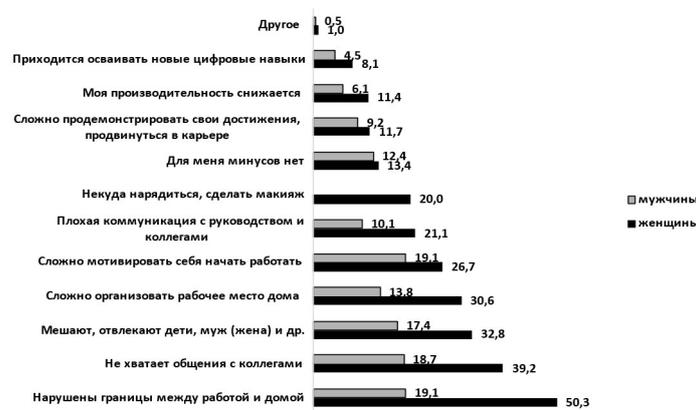


Рисунок 4. Ранжирование частоты ответов респондентов на вопрос: «В чём Вы увидели недостатки (минусы) у дистанционной работы? (укажите 1–3 самых значимых)» в расчёте от количества респондентов, в %

Figure 4. Ranking the Frequency of Respondents' Answers to the Question: «What Did You See as Disadvantages (Minuses) of Remote Work? (Indicate 1–3 Most Significant Ones)» in Terms of the Number of Respondents, in %

Источник: рассчитано авторами на основании данных опроса.

Когда мы сравниваем ответы мужчин и женщин, то прежде всего в глаза бросается высокая активность женщин в выборе вариантов ответа. Больше половины женщин отметили стирание границ между профессиональной и частной жизнью, а среди мужчин таковых всего 19,1%. Мужчин гораздо в меньшей степени отвлекают другие члены семьи, они не испытывают проблем с организацией рабочего места, и они практически не страдают от отсутствия общения с коллегами. Вероятно, это можно объяснить тем, что в пандемию именно на женщин легла дополнительная нагрузка по организации питания для всей семьи, проверки уроков у детей и чаще именно женщины «жертвовали» рабочим местом, отвлекали и успокаивали детей, чтобы супруг мог спокойно работать. Мужчины если и включались в домашние дела, то в качестве помощников («вместе с женой»), а не самостоятельно («вместо жены») [19].

В этом же исследовании отмечается, что основной сферой, где отмечалось увеличение вовлечённости мужчин была забота о детях.

Анализ зависимости частоты выбора недостатков от профессионального статуса показал, что мужчинам-руководителям труднее соблюдать баланс между рабочими и домашними делами. Также опрошенные отмечали в числе минусов плохую коммуникацию с руководством и коллегами по рабочим моментам, испытывали затруднения с организацией рабочего места. Мужчинам-специалистам при работе на дистанте сложнее всего было мотивировать себя к труду и сконцентрироваться на рабочих вопросах. В отличие от руководителей и ведущих специалистов, их чаще волновало ухудшение возможностей показать свои достижения и добиться карьерного роста, необходимость освоения новых цифровых и других рабочих навыков, а также снижение про-

изводительности. В остальных аспектах в рамках профессиональных групп серьёзных отклонений в ответах не было выявлено.

Если обратиться к распределению частоты ответов респондентов в расчёте от их количества (рисунок 4), большая часть мужчин указала в качестве недостатков социально-психологические аспекты. Это сложность мотивировать себя начать работать (19,1%), нарушение границ между работой и домом (19,1%), нехватка общения с коллегами (18,7%), мешают, отвлекают дети, жена и другие родственники (17,4%). Влияние подобных психосоциальных факторов на трудовую жизнь подтверждается исследованиями [20; 21; 22]. Таким образом, улучшение качества трудовой жизни возможно за счёт смены обстановки, например, работа в кафе либо выбор в пользу гибридной занятости.

Среди прочих отрицательных моментов мужчины отметили следующие:

«Дичаю».

«Сложно организовать такое же удобное как в офисе рабочее место».

«Есть соблазн отвлечься на что-то другое во время работы, не связанное с работой».

Среди указанных недостатков опрошенные отмечали как аспекты, связанные с организационной стороной, так и социальные, связанные с недостатком социальных взаимодействий, привычных при работе в офисе.

Выводы

Результаты нашего опроса свидетельствуют о том, что удалённая работа значительно улучшает трудовую и семейную жизнь мужчин и женщин, сокращая время на поездки до офиса и позволяя гибко планировать рабочее время, что даёт возможность эффективно сочетать работу с личными и семейными обязанностями. Правда, такое совмещение, по оценкам опрошенных, не всегда даётся легко и имеет свои нюансы.

Влияние параметра «система стимулирования/заработная плата» в случае с мужской аудиторией не так однозначно, как с женской, поскольку больше половины (53,1%) опрошенных об изменении в доходах предпочли умолчать. Среди ответивших, у 69% изменение формата работы не повлияло на доходы, и у 22% они увеличились.

Из результатов опросов мужчин вытекают важные позитивные аспекты удалённой работы, влияющие на их трудовую, личную и семейную жизнь: сокращение времени, затрачиваемого на дорогу до офиса; возможность эффективно сочетать работу и домашние обязанности; свобода в планировании рабочего времени; экономия средств на питание вне дома. Большинство оп-

рошенных не отметили увеличение производительности труда при удалённой работе. Однако, интенсивность выбора положительных аспектов дистанционной работы оказалась выше, чем негативных: респонденты склонны больше акцентироваться на преимуществах данного формата, чем на его недостатках.

Гипотеза исследования подтвердилась. Сопоставляя ответы мужчин, имеющих разные профессиональные статусы, можно отметить, что мужчины-руководители ценят возможность совмещать работу и пребывание дома. Это можно объяснить тем, что в основном работа руководителей связана с большими нагрузками, переработками, вследствие чего остаётся меньше личного времени, которое можно провести с семьёй, что позволяет компенсировать работа из дома. В то же время это сопровождается и определёнными сложностями в выстраивании границ между рабочими и домашними задачами, необходимостью сконцентрироваться дома на рабочих моментах. Также в числе плюсов руководители чаще работников прочих категорий отмечали возможности совмещения работы и путешествия, а также – отсутствие необходимости носить костюм, офисную одежду и соблюдать иные корпоративные правила. Это заставляет задуматься о совпадении ценностей работников и компании.

Специалистам среднего звена в домашних условиях становится сложнее сконцентрироваться; их волнуют вопросы самомотивации и повышения производительности труда, необходимость освоения новых навыков для работы, в том числе цифровых. При работе на дистанте им сложнее продемонстрировать свои профессиональные качества и достижения для карьерного роста, что также отмечается в других исследованиях¹¹.

Среди значимых негативных моментов можно выделить следующие: нарушение границ между профессиональной и личной жизнью, чрезмерная загруженность, отсутствие возможности полноценно отдохнуть и отключиться от работы; трудности с мотивацией и концентрацией; дефицит общения с коллегами; проблемы с отвлечениями со стороны детей, супруга и других родственников; сложности с организацией рабочего места дома из-за отсутствия отдельного кабинета, личного компьютера и других проблем. Вопросы организации гибкого графика и регулирования интенсивности работы, соблюдение баланса меж-

¹¹ Young Staff Need to Be in the Office Because of AI, Says PwC's UK Boss // Bloomberg: [сайт]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-15/ai-means-young-staff-should-work-in-the-office-says-pwc-uk-boss-kevin-ellis> (дата обращения: 15.02.2024); Remote Workers Are Losing Out on Promotions, New Data Shows // The Wall Street Journal: [сайт]. URL: <https://www.wsj.com/lifestyle/careers/remote-workers-are-losing-out-on-promotions-8219ec63> (дата обращения: 15.02.2024).

ду работой и личной жизнью были актуальны и ранее, но при удалённой работе трансформировались: поскольку теперь работник большую часть времени проводит дома, рабочее и личное время смешиваются, и становится трудно их разграничить, эта проблема по-прежнему актуальна во всём мире [23; 24; 25].

Наибольшая дифференциация в частоте ответов респондентов была выявлена по признаку наличия или отсутствия детей. Мужчины, имеющие детей, почти в 2 раза чаще выбирали фактор «мешают, отвлекают дети, жена, другие родственники», чем бездетные. Однако это компенсируется возможностью больше проводить времени с детьми, что повышает качество личной и семейной жизни. Отцы, воспитывающие детей младше 14 лет, чаще отмечали «возможность больше уделять времени детям» в качестве преимущества, чем те, у кого дети старше 14 лет или не имеют детей.

В целом и женщины, и мужчины выделяли схожие наиболее значимые положительные и от-

рицательные факторы. При этом женщины чаще мужчин отмечали как преимущества, так и недостатки работы на дистанте. Анализируя ответы мужчин, можно отметить, что для них, как и для женщин такой формат позволяет совмещать работу и проводить больше времени с семьёй, а также появляется больше возможностей для совмещения работы и путешествий.

Можно заключить: улучшение качества дистанционной трудовой жизни возможно за счёт самоорганизации, развития умения отделять бытовые и профессиональные вопросы со стороны работника; внедрения новейших научных подходов и использования современных цифровых инструментов для организации трудового процесса; организации обучения персонала навыкам тайм-менеджмента со стороны работодателя. Для достижения лучшего баланса между домашним и рабочим, снижения влияния отвлекающих факторов возможна смена обстановки: работа в кафе, коворкинге либо рассмотрение гибридного формата занятости с частичным нахождением в офисе.

Список литературы

1. Камарова Т.А., Тонких Н.В. Цифровая занятость: классификация и гендерная специфика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3(67). С. 22–30. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_3_22 EDN NOXSAY
2. Battisti E., Alfiero S., Leonidou E. Remote working and digital transformation during the COVID-19 pandemic: Economic-financial impacts and psychological drivers for employees // Journal of Business Research. 2022. Vol. 150. P. 38–50. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.06.010>
3. Колесникова О.А., Стребков А.А. Расширение практики применения дистанционной занятости: проблемы, решения, перспективы // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4(41). С. 57–67. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67> EDN DBQZXXI
4. Brueckner J.K., Sayantani S. Intercity impacts of work-from-home with both remote and non-remote workers // Journal of Housing Economics. 2023. Vol. 59. P. 101910. ISSN 1051-1377 <https://doi.org/10.1016/j.jhe.2022.101910>
5. Черных Е.А. Качество трудовой жизни и удовлетворенность работой российских женщин и мужчин: сравнительный анализ // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 87–103. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-87-103> EDN GATTPJ
6. Хоткина З.А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народонаселение. 2020. Том 23. № 2. С. 136–148. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.12> EDN NKILNA
7. Фролова И.И. Проблемы управления персоналом в условиях удалённой занятости // Журнал прикладных исследований. 2022. Том 4. № 11. С. 319–322. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_11_4_319 EDN LVIFKE
8. Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. The Evolution of Work from Home. Journal of Economic Perspectives. 2023. No. 37(4). P. 23–50. <https://doi.org/10.1257/jep.37.4.23>
9. Носырева И.Г. Белобородова Н.А. Исследование компетенций сотрудников, находящихся на удалённой занятости // Экономика труда. 2022. Том 9. № 3. С. 605–622. <https://doi.org/10.18334/et.9.3.114442> EDN VBYSUS
10. Нагапетян К.В., Озерникова Т.Г. Удаленная работа в условиях пандемии: проблемы и возможности для бизнеса и персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. № 1. С. 70–79. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2021-10-1-70-79> EDN RBWOFU
11. Llorens J.J., Klingner D.E., Nalbandian J. Public personnel management: Contexts and strategies. Routledge, 2018. 372 p. ISBN 9781138281202
12. Beno M. Home-based Telework and the Role of Gender—Results of a Study in Austria // Journal of Applied Research. 2019. Vol. 4. No. 11. P. 319–322.
13. Walls M., Safirova E., Jiang Y. What drives telecommuting? Relative impact of worker demographics, employer characteristics, and job types // Transportation Research Record. 2007. Vol. 2010. No. 1. P. 111–120. <https://doi.org/10.3141/2010-13>
14. Marasigan D.P. The Effectiveness of «Work from Home» in a Private Service Company // International Journal of Academic and Industry Research. 2020. Vol. 1. Issue 2. P. 1–25. ISSN 2719-0617 <https://doi.org/10.53378/34559>
15. Попов А.В. Трудовая жизнь российских мужчин в годы нестабильности (на материалах крупных городов и районов Вологодской области) // Социальное пространство. 2023. Том 9. № 1. <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.8> EDN FFYJVV

16. Василенко И.В. Фриланс в гендерном измерении: опыт социологического исследования // Социологические чтения: социальные тренды современности: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, Россия, 01 апреля 2023 года / С.А. Ильиных, С.В. Ровбель, И.И. Шемелева (отв. ред.). Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», 2023. С. 82–87. EDN D1HNP
17. Тонких Н.В., Черных Е.А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удалённой работе: мнения российских женщин // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 477–490. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.5> EDN COCEXY
18. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Качество трудовой жизни удалённых работников: методологические подходы и первые оценки по ЕС и России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 1. С. 42–56. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.4> EDN LVZFLZ
19. Калабихина И.Е., Ребрей С.М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65–77. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6> EDN UPXYZS
20. Чесалина О.В. Психосоциальные риски и психическое здоровье работников в условиях постковидного цифрового мира труда // За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении: материалы седьмой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, Россия, 16–17 декабря 2021 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 192–196. EDN OAFFXT
21. Копорцев О.А., Османов Р.Ш. Управление психосоциальными рисками в условиях дистанционной работы // Актуальные вопросы управления персоналом в условиях постпандемической экономики: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, Россия, 08 апреля 2021 года. Екатеринбург: Уральский государственный университет путей сообщения, 2021. С. 146–149. EDN LXNPLD
22. Гуриева С.Д. Удалённая работа в виртуальном офисе: благо или проклятие для сотрудника и организации // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды XIV Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, Россия, 17–18 ноября 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2022. С. 172–176. EDN BVMKQH
23. Shirmohammadi M., Au W.C., Beigi M. Remote work and work-life balance: Lessons learned from the covid-19 pandemic and suggestions for HRD practitioners // Human Resource Development International. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 163–181. <https://doi.org/10.1080/13678868.2022.2047380>
24. Quality of work life and work–life balance / P. Bhende, N. Mekoth, V. Ingalhalli, Y. V. Reddy // Journal of Human Values. 2020. Vol. 26. No. 3. С. 256–265. <https://doi.org/10.1177/0971685820939380>
25. Vyas L. “New normal” at work in a post-COVID world: work–life balance and labor markets // Policy and Society. 2022. Vol. 41. No. 1. С. 155–167. <https://doi.org/10.1093/polsoc/puab011>

Информация об авторах:

Наталья Владимировна Тонких – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией цифровой занятости и организации труда кафедры Экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (SPIN-код: 7756-5209) (РИНЦ AuthorID: 291009) (ResearcherID: O-9705-2018)

Татьяна Александровна Камарова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (SPIN-код: 4255-7664) (РИНЦ AuthorID: 624022) (ResearcherID: ABC-9312-2021)

Екатерина Алексеевна Черных – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (SPIN-код: 7693-1149) (РИНЦ AuthorID: 473083) (ResearcherID: AAF-7310-2021)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Черных Е.А.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

- Kamarova T.A., Tonkikh N.V. Digital Employment: Classification and Gender Specificity. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki=Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences.* 2022;(3(67)):22–30. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_3_22 (In Russ.)
- Battisti E., Alfiero S., Leonidou E. Remote Working and Digital Transformation During the COVID-19 Pandemic: Economic-financial Impacts and Psychological Drivers for Employees. *Journal of Business Research.* 2022;150:38–50. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.06.010>
- Kolesnikova O.A., Strebkov A.A. Advanced Distance Employment as a Trend: Problems, Solutions, Prospects. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya=Social and Labor Research.* 2020;(4(41)):57–67. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67> (In Russ.)
- Brueckner J.K., Sayantani S. Intercity Impacts of Work-From-Home with Both Remote and Non-Remote Workers. *Journal of Housing Economics.* 2023;(59):101910. ISSN 1051-1377 <https://doi.org/10.1016/j.jhe.2022.101910>
- Chernykh E.A. Quality of Working Life and Job Satisfaction of Russian Women and Men: A Comparative Analysis. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya=Social and Labor Research.* 2023;(3(52)):87–103. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-87-103> (In Russ.)
- Khotkina Z.A. Actual Challenges of Labor Market and Their Gender Implications for Employment. *Narodonaselenie=Population.* 2020;23(2):136–148. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.12> (In Russ.)

7. Frolova I.I. Problems of Personnel Management in Conditions of Remote Employment. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy=Journal of Applied Research*. 2022;4(11):319-322. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_11_4_319 (In Russ.)
8. Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. The Evolution of Work from Home. *Journal of Economic Perspectives*. 2023;(37(4)):23-50. <https://doi.org/10.1257/jep.37.4.23>
9. Nosyreva I.G. Beloborodova N.A. Study of Digital Competencies Required for Remote Employment. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(3):605-622. <https://doi.org/10.18334/et.9.3.114442> (In Russ.)
10. Nagapetyan K.V., Ozernikova T.G. Remote Work in A Pandemic: Challenges and Opportunities for Business and Personnel. *Upravlenie Personalom I Intellektual'nymi Resursami V Rossii=Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia*. 2021;10(1):70-79. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2021-10-1-70-79> (In Russ.)
11. Llorens J.J., Klingner D.E., Nalbandian J. *Public Personnel Management: Contexts and strategies*. Routledge; 2018. 372 p. ISBN 9781138281202
12. Beno M. Home-based Telework and the Role of Gender—Results of a Study in Austria. *Journal of Applied Research*. 2019;4(11):319-322.
13. Walls M., Safirova E., Jiang Y. What Drives Telecommuting? Relative Impact of Worker Demographics, Employer Characteristics, And Job Types. *Transportation Research Record*. 2007;2010(1):111-120. <https://doi.org/10.3141/2010-13>
14. Marasigan D.P. The Effectiveness of 'Work from Home' In a Private Service Company. *International Journal of Academe and Industry Research*. 2020;1(2):1-25. ISSN 2719-0617 <https://doi.org/10.53378/34559>
15. Popov A.V. Working Life of Russian Men During the Years of Instability (on the Materials of Large Cities and Districts of the Vologda Oblast). *Sotsial'noye prostranstvo=Social Area*. 2023;9(1): <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.8> (In Russ.)
16. Vasilenko I.V. Freelancing in the Gender Dimension: the Experience of Sociological Research. In: Ilinykh S.A., Rovbel S.V., Shchemeleva I.I. (ex. eds.) *Sociological Readings: Social Trends of our Time. V All-Russian Scientific and Practical Conference Proceedings; April 01, 2023; Novosibirsk, Russia*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINKh" Publishing House. 2023:82-87.
17. Tonkikh N.V., Chernykh E.A. The Quality of Work, Family and Personal Life During Remote Work: Opinions of Russian Women. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):477-490. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.5> (In Russ.)
18. Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. Quality of Working Life of Remote Workers: Methodological Approaches and First Estimates for the EU and Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population of Russian Regions*. 2021;17(1):42-56. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.4> (In Russ.)
19. Kalabikhina I.E., Rebrey S.M. Domestic Work During a Pandemic: Russian Experience. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve=Woman in Russian Society*. 2020;(3):65-77. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6> (In Russ.)
20. Chesalina O.V. Psychosocial Risks and Mental Health of Workers in a post-COVID Digital World of Work. For Workers' Rights! Priority Directions of Development of Legislation on Labor and Social Security. Conference Proceedings; December 16-17, 2021; Ekaterinburg, Russia. Ekaterinburg: Ural State Law University Publishing House. 2021:192-196.
21. Koropets O.A., Osmanov R.S. Management of Psychosocial Risks in Teleworking. In: *Current Human Management Issues in Conditions post-Pandemic Economy. All-Russian Scientific and Practical Conference Proceedings; April 8, 2021; Ekaterinburg, Russia*. Ekaterinburg: Ural State University of Railway Transport. 2021:146-149. (In Russ.)
22. Gurieva S. Working Remotely in a Virtual Office: a Boon or a Curse for the Employee and the Organization. In: *Communication Strategies of the Information Society. XIV International Scientific and Theoretical Conference Proceedings; November 17-18, 2022; Saint-Petersburg, Russia*. Saint-Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 2022:172-176. (In Russ.)
23. Shirmohammadi M., Au W.C., Beigi M. Remote Work and Work-life Balance: Lessons Learned from the Covid-19 Pandemic and Suggestions for HRD Practitioners. *Human Resource Development International*. 2022;25(2):163-181. <https://doi.org/10.1080/13678868.2022.2047380>
24. Bhende P, Mekoth N., Ingalhalli V., et. al. Quality of Work Life and Work-life Balance. *Journal of Human Values*. 2020;26(3):256-265. <https://doi.org/10.1177/0971685820939380>
25. Vyas L. "New normal" at Work in a Post-COVID World: Work-life Balance and Labor Markets. *Policy and Society*. 2022;41(1):155-167. <https://doi.org/10.1093/polsoc/pub011>

Information about the authors:

Natal'ya V. Tonkikh – PhD in Economics, Associate Professor, Head of The Laboratory of Digital Employment and Organization of Labour of The Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics

(SPIN-code: 7756-5209) (PIИЦ AuthorID: 291009) (ResearcherID: O-9705-2018)

Tat'yana A. Kamarova – PhD in Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics

(SPIN-code: 4255-7664) (PIИЦ AuthorID: 624022) (ResearcherID ABC-9312-2021)

Ekaterina A. Chernykh – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

(SPIN-code: 7693-1149) (PIИЦ AuthorID: 473083) (ResearcherID: AAF-7310-2021)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Ekaterina A. Chernykh.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 331.1

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_4_371_384

EDN TXTDDK

Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 2¹

Руслан Алексеевич Долженко¹, Светлана Борисовна Долженко², Владимир Семенович Половинко^{1,3}

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

³ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹ (Rad@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>)

² (ginsb@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2575-9588>)

³ (polovinkovs@omsu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6858-045X>)

Аннотация:

Президент России В.В. Путин в своем послании к Федеральному собранию призвал кардинально повысить производительность труда для преодоления кадрового дефицита, повышения эффективности отечественной промышленности и социальной сферы. В планах – продление Нацпроекта «Производительность труда» с охватом к 2030 году не менее 40 процентов средних и крупных предприятий базовых и сырьевых отраслей экономики, включением в проект также учреждений социальной сферы. Вместе с тем, по оценке экспертов, требуется уточнение целей Нацпроекта, подходов по их достижению, привлечение экспертного сообщества в области экономики труда с целью формирования универсальной методологии повышения организационной эффективности и производительности труда через развитие прикладной экономики труда на предприятиях страны.

Кто реализует задачи по повышению производительности труда на современных предприятиях, насколько развита в текущих условиях функция экономики труда, какие ключевые показатели эффективности в части реализации данной функции присутствуют на предприятиях и насколько учёт данных показателей используется на предприятиях? Ответ на эти вопросы, а также в целом, оценка представленности и значения функции экономики труда в крупных производственных предприятиях РФ для определения направлений её развития в условиях двойного дефицита персонала являются целью настоящего исследования. Методы исследования: экспертные интервью с учёными (проведены 9 интервью с учёными, имеющими опыт научных и прикладных исследований в области экономики труда), а также руководителями направлений на промышленных предприятиях (проведены 7 интервью с директорами по персоналу, руководителями подразделений труда и заработной платы, центров повышения организационной эффективности), анализ документов и опыта крупнейших предприятий страны (изучен опыт 11 предприятий).

Результаты анализа могут быть полезны учёным в области управления персоналом, экономики труда и организационной эффективности для актуализации исследовательской повестки, а также предприятиям, которые заинтересованы в повышении производительности труда и эффективности работы персонала.

Ключевые слова: экономика труда, прикладная экономика труда, эффективность труда, производительность труда, тренды, развитие бизнеса, управление персоналом

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда № 24-28-20469, <https://rscf.ru/project/24-28-20469/>

Для цитирования: Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 2 // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 371–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_4_371_384 EDN TXTDDK



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_4_371_384

Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 2

Ruslan A. Dolzhenko¹, Svetlana B. Dolzhenko², Vladimir S. Polovinko^{1,3}

^{1,2} Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

³ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

¹ (Rad@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-3524-3005>)

² (ginsb@usue.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-2575-9588>)

³ (polovinkovs@omsu.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6858-045X>)

Abstract

Russian President V.V. Putin in his message to the Federal Assembly, he called for a radical increase in labor productivity to overcome the personnel shortage, increase the efficiency of domestic industry and the social sphere. The plans include the extension of the National Project “Labor Productivity” to cover at least 40 percent of medium and large enterprises in basic and primary sectors of the economy by 2030, and also include social sector institutions in the project. At the same time, according to experts, it is necessary to clarify the goals of the Project, approaches to achieve them, and involve the expert community in the field of labor economics in order to form a universal methodology for increasing organizational efficiency and labor productivity through the development of applied labor economics at the country's enterprises.

¹ Окончание. Первую часть статьи см.: Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 1 // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 EDN DBRIAR



Who implements the tasks of increasing labor productivity in modern enterprises, how developed is the labor economics function in current conditions, what key performance indicators regarding the implementation of this function are present in enterprises and how developed is their assessment in enterprises? The answer to these questions, as well as in general, assessment of the representation and importance of the labor economics function in large manufacturing enterprises of the Russian Federation in order to determine the directions of its development in conditions of a double personnel shortage are the purpose of this study. Research methods: expert interviews with scientists (9 interviews were conducted with scientists with experience in scientific and applied research in the field of labor economics), as well as heads of departments at industrial enterprises (7 interviews were conducted with personnel directors, heads of labor and wages departments, centers increasing organizational efficiency), analysis of documents and experience of the country's largest enterprises (the experience of 11 enterprises was studied).

The results of the analysis can be useful to scientists in the field of personnel management, labor economics and organizational effectiveness to update the research agenda, as well as to enterprises that are interested in increasing labor productivity and personnel efficiency.

Keywords: labor economics, applied labor economics, labor efficiency, labor productivity, trends, business development, personnel management

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20469, <https://rscf.ru/project/24-28-20469/>

For citation: Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S. Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 2. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):371–384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_4_371_384 (In Russ.)

Введение

В первой части статьи мы рассмотрели процесс возникновения и развития прикладной экономики труда, начиная с возникновения в 1921 г. Центрального института труда под руководством А.К. Гастева, развития идей научной организации труда в исследованиях таких учёных, как С.Г. Струмилин [1], А.К. Гастев [2], Б.М. Теплов, И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн, А.П. Болтунов, А.Ф. Журавский, Н.А. Берштейн и др. [3], расширения в 50-60-е гг. предметного поля экономики труда с выходом на макроуровень, рассмотрением механизмов рынка труда через призму экономической теории труда (Labor Economics) [4; 5], привлечением экспертизы зарубежных исследователей [6; 7; 8]. И завершая оценкой текущего состояния, для которого характерен новый импульс к актуализации подходов в экономике труда [9], особенно в части поиска резервов производительности труда на макро-, мезо- и микроуровне [10; 11; 12].

Оценка трендов и вынужденных мер, которые используют субъекты труда в текущих условиях, представленная ранее, показала, что преодоление системного кризиса, обусловленного тотальным дефицитом кадров [13], условия мобилизационной экономики, требуют развития функции экономики труда, как с позиции системы образования, так и на уровне бизнеса.

В настоящее время в нашей стране реализуется два ключевых начинания в области развития методологии экономики труда: система профессиональных квалификаций, в частности разработка и использование профессионального стандарта «Специалист по экономике труда»² и Национальный проект «Производительность труда

и содействие занятости»³ в части развития методологии бережливого производства в крупных компаниях-участниках проекта. Для того чтобы понять текущую диспозицию национальных институтов в области экономики труда (локальные в рамках текущей работы охватить не представляется возможным), нами было проведено соответствующее исследование в виде интервью с руководителями подразделений, реализующими функции в области экономики труда, директорами по персоналу, членами Совета по профессиональным квалификациям в области управления персоналом, экспертами, принимавшими участие в разработке профессионального стандарта «Специалист по экономике труда», кураторами проектов повышения организационной эффективности на предприятиях.

Как было отмечено ранее, ключевой целью исследования выступает анализ представленности и значения функции экономики труда в крупных производственных предприятиях РФ для определения направлений её развития в условиях двойного дефицита персонала и мобилизационной экономики в общей системе управления бизнесом.

Объект исследования – 11 крупных производственных предприятий Российской Федерации (общая численность работников – не менее 400.000 человек – 0,50 % от трудоспособного населения РФ), в которых представлена функция экономики труда.

Методы исследования – глубинные интервью (опросник глубинного интервью экспертов представлен в таблице 1), анализ документов, изучение опыта компаний.

³ Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам) (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

² Приказ Минтруда России от 17.11.2020 N 795н «Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по экономике труда"».

Предметом исследования выступили организационная структура, место и значение подразделения реализующего функции в области экономики труда, ключевые бизнес-процессы подразделения, ключевые показатели эффективности (КПЭ) его руководителя и подразделения, ключевые факторы устойчивости функции, характер взаимосвя-

зи с функцией управления персоналом, наиболее актуальные тематики проектов и задач подразделения, методология, которая используется для реализации проектов по повышению организационной эффективности/производительности труда.

Период проведения интервью – с сентября по декабрь 2023 года.

Таблица 1

Опросник глубинного интервью экспертов по экономике труда

Table 1

Questionnaire for in-depth interviews with experts in labor economics

N	Тема	N	Вопрос	Ответ
1.	Общие вопросы	1	Какова среднесписочная численность персонала вашей компании?	
		2	Какова среднесписочная численность вашего подразделения?	
2.	Место и роль функции экономики труда в организационной структуре компаний	1	Опишите, как реализована функция экономики труда (внутренняя структура, отделы, их целевая аудитория, люди). Экономика труда реализуется на предприятии самостоятельной функцией? Если нет, то в какую функцию она включается /в каком подразделении реализуется? Финансы, планово-экономический отдел, управление персоналом, бухгалтерия, что-то другое? В какой структуре (в чьём подчинении) находится подразделение по труду и заработной плате в вашей компании?	
		2	Какие предметные области в вашей компании входят в контур экономики труда? <ul style="list-style-type: none"> • Планирование численности; • Планирование расходов на персонал; • Организация труда; • Нормирование труда; • Оплата труда и расчёты по заработной плате; • Повышение квалификации и её эффективность; • Высвобождение персонала; • Аудит и контроллинг персонала; • Производительность труда; • Другое 	
		3	Каково, на ваш взгляд, должно быть место функции экономики труда в общей структуре компании? В чьём подчинении она должна находиться? Как она должна соотноситься с функцией управления персоналом?	
3.	Компетенции носителей функции экономики труда	1	Какое образование является базовым у ваших сотрудников (самым распространённым, необходимым для реализации функции)?	
		2	Учитываются ли в вашем подразделении требования профессионального стандарта «специалист по экономике труда»? Если да, то насколько сотрудники подразделения соответствуют требованиям профессионального стандарта?	
4.	Ресурсы и результаты функции экономики труда	1	Назовите 3 ключевых проекта, которые были реализованы вашим подразделением за последние несколько лет? Какие у вас есть рабочие практики (проекты, процессы, инициативы, решения и т.п.), которыми вы гордитесь и могли бы ими поделиться?	
		2	Назовите 3 ключевых показателя эффективности (КПЭ) вашего подразделения.	
		3	Есть ли у вашей функции выделенный бюджет на реализацию конкретных функций в области экономики труда? Расходы на что в нём отражены?	
		4	Участвует ли ваше предприятие в национальном проекте «Производительность труда»? Если да, то опишите подробнее участие в проекте (роль вашего подразделения, результаты, оценка эффективности проекта). Если нет, то оцените готовность вхождения в данный проект.	
5	Технические, инновационные решения в области экономики труда	1	Какие инновационные решения были внедрены в вашем подразделении за последние годы, касающиеся непосредственно функции экономики труда?	
		2	Какие ИТ-платформы и ПО используется в вашем подразделении для выполнения основных функций?	
		3	Внедрены ли в вашей организации информационные панели (дашборды)? Какие показатели на них являются ключевыми и универсальными?	

N	Тема	N	Вопрос	Ответ
6.	Методология	1	<p>Какая методология организации труда используется в вашем подразделении/компании? <i>Методология – совокупность методов, принципов, подходов, теоретических конструктов, которые используются в деятельности. Методология в организации труда – это совокупность технологий, позволяющая решать задачи бизнеса через организацию труда сотрудников на основе системы: идеологических выборов (философия), знаний (законов, логики, принципов), практических методов их применения (методика).</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Классическая научная организация труда (НОТ); • LEAN (Бережливое производство); • 5S⁴; • 6 SIGMA (Шесть сигм)⁵; • ТОС (Теория ограничения систем)⁶; • Собственная методология; • Другое 	

Анализ деятельности в области экономики труда в отражении мнений экспертов-респондентов из крупных компаний РФ, выступающих в качестве объекта исследования, а также сопоставление с рабочими материалами и результатами разработки профессионального стандарта «Специалист по экономике труда» показал, что функция не развивается за счёт действия противоположных факторов: возросший спрос на повышение эффективности труда со стороны бизнеса, снижение значения функции со стороны кураторов из числа подразделений по персоналу, в которой как правило реализуется базовый функционал в области экономики труда, на фоне актуализации тем подбора и удержания работников. Результаты интервью показывают, что место и роль функции экономики труда в организационной структуре компаний определяется традициями («всегда так было», «по остаточному принципу оставили часть функционала в кадрах»), а также влиянием директора по персоналу на собственника и топ-менеджмент компании. В ряде случаев вопросы повышения производительности труда за счёт реализации проектов трансформации, внедрения собственной производственной системы, участия в национальном проекте «Производительность труда» передаются в отдельное структурное подразделение, подчиняющееся напрямую генеральному или техническому директору, очень редко – директору по персоналу, при этом, во всех случа-

ях перед последним ставится задача обеспечить сокращение численности и провести оптимизацию расходов на персонал в рамках реализуемых проектов. Другими словами, неопределённость с местом, ролью и назначением функции экономики труда, а также ответственностью за реализацию проектов повышения производительности труда, негативно сказывается на директоре по персоналу – основные положительные эффекты подобных проектов забирают себе другие подразделения, а самая «больная» тема сопутствующего сокращения работников ложится на плечи службы по работе с персоналом. Эта ситуация оказалась характерна для 30 % изученных компаний и описанных случаев.

Самый правильный по мнению большинства интервьюируемых (67 %) вариант иерархии функций, связанных с экономикой труда, – закрепить в компании все проекты организационной трансформации и повышения производительности труда, нормирования, расходов на персонал – за отдельным структурным подразделением с прямым подчинением директору компании, мнение трети респондентов (33 %) разделилось поровну – за директором по персоналу («потому что у нас так принято») и техническим директором («потому что все эти проекты во многом связаны с изменением производственных процессов»). Для большинства опрошенных директоров по персоналу этот функционал, как и ответственность за численность и расходы на персонал являются непрофильными, связанными с рисками и негативными последствиями для репутации подразделения. По их мнению, ключевая задача подразделения – это обеспечение комфортных отношений работодателя с работниками, а оптимизация всегда связана с сокращением численности, ростом нагрузки, изменением функционала и привычного характера работы, что подразумевает существенное противоречие в деятельности и её результатах.

⁴ 5S – пять японских слов, описывающих цикл, состоящий из последовательных шагов (five steps) по совершенствованию рабочего места. Мероприятия, лежащие в основе 5S (шаг 1 – сортировка (*сэири*), шаг 2 – Соблюдение порядка (*сэитон*), шаг 3 – содержание в чистоте (*сэйсо*), шаг 4 – стандартизация (*сэйкэцу*), шаг 5 – Совершенствование (*сикукэ*).

⁵ Шесть сигм – технология, разработанная корпорацией Motorola, в основе которой лежит стремление сделать процессы качественными, устойчивыми, измеримыми.

⁶ Теория ограничения систем – технология, разработанная Э. Голдраттом, которая нацелена на поиск и устранение узких мест в процессах.

Вместе с тем, все респонденты считают, что функция экономики труда является важной в текущих условиях, в то время как несколько лет назад в период разработки профессионального стандарта «Специалист по экономике труда» эксперты столкнулись с мнением о низкой актуальности функции в силу того, что в западной практике вся связанная с ней деятельность реализовывалась частично в подразделении по работе с персоналом (benefits), частично в бухгалтерии, в большей части в проектно-офисе компании (в части оценки эффективности изменений).

В большинстве изученных компаний функция экономики труда представлена во многом экономистами по труду и нормировщиками. У нескольких дополнительно выделяется внутренняя функция, связанная с оценкой и управлением ключевыми показателями эффективности, например: система управления результативностью (СУР), система управления эффективностью деятельности (СУЭД) и др. По мнению директоров по персоналу в их структурных подразделениях обычно на 1 экономиста по труду приходится 5 специалистов по управлению персоналом, в свою очередь 1 специалист по управлению персоналом курирует в среднем 400–500 работников. Анализ показателей численности и штатных расписаний показал, что единого норматива, как такового нет, численность персонала компании и численность функции управления персоналом, а также функции экономики труда слабо связаны между собой, кроме того, они не связаны с показателями производительности труда. Определяющим фактором в обеспеченности функции ресурсами (финансовыми и трудовыми), а также её структуре, являются исторические подходы («у нас так давно сложилось, уже никто не знает почему»).

Почти на всех предприятиях в качестве методологического ядра экономики труда используется система бережливого производства, некоторые называли систему 5S, собственная разработка была представлена только в одной крупной промышленной компании, её разработкой несколько лет назад занималась крупная консалтинговая компания. Несколько компаний являются участниками национального проекта «Производительность труда» и очень осторожно оценивают его результаты, отмечая, что используемая в этой программе методология является по сути «переборкой» бережливых технологий, не учитывает отраслевую специфику бизнеса, сопряжена со сложными входными фильтрами и невысокой эффективностью, особенно для компаний, которые уже давно внедрили производственные системы. В качестве возможных вариантов развития методологии проекта были названы: уменьшение

входных требований для потенциальных участников проектов, более глубокое погружение экспертов в специфику деятельности, сосредоточение на возможностях развития бизнес-моделей с отказом от лишней численности и функций, а не на внешне ярких атрибутах перемещений, уборки офисов, стандартов в обслуживании и других базовых бережливых технологий.

Так, например, 20 % изученных компаний имеют методологическое ядро в структуре функции экономика труда (собственные разработки, в том числе оформленные в результаты интеллектуальной деятельности (РИД), научные исследования, подтвержденные публикациями, группы экспертов, представляющих авторскую школу), 50 % затруднились его определить и идентифицировать.

Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу о том, что экономика труда не является приоритетным направлением в системе работы с персоналом. Это подтверждается и результатом опроса в части ключевых показателей эффективности (КПЭ) директоров по персоналу, руководителей HR-служб. В Топ-3 КПЭ вошли такие показатели, как: укомплектованность штата (92 % респондентов отметили наличие данного показателя в числе ключевых), текучесть персонала (по оценке, 63 % респондентов), вовлечённость или лояльность персонала (по оценке, 58 % респондентов). Производительность труда (или коэффициент соотношения темпов роста производительности труда и среднемесячной заработной платы) в качестве ключевого отметило меньше трети респондентов (28 %). Вместе с тем, 50 % руководителей, не выделивших данный показатель в качестве ключевого, отметили планы руководства по включению показателя производительности труда в число КПЭ директоров по персоналу и линейных руководителей на 2024–2025 гг.

Вместе с тем, на текущий момент в большинстве случаев функция экономики труда выступает в роли обслуживающей, которая обеспечивает расчёты по труду и заработной плате в соответствии с текущими задачами дирекции по персоналу и других профильных служб. При этом, у 90 % исследуемых компаний функция экономики труда входит в структуру HR-подразделения.

На наш взгляд, это связано с историческими предпосылками и «перекосом» в сторону эффективных, а не неэффективных мероприятий для персонала, которые вошли в обиход в начале 21 века. Как отметил один из респондентов: «Из-за хорошей обеспеченности деньгами бизнес мог позволить себе не экономить, не считать эффективность, а излишки тратить на развлечение персонала (корпоративные мероприятия и пр.)». Это и привело к закреплению сервисной, второстепенной роли

функции экономики труда в структуре функций HR-подразделения. Можно надеяться, что новые условия мобилизационной экономики позволят вывести функцию экономики труда и связанные с ней проекты по повышению производительности труда, организационной эффективности в ключевые приоритеты отечественного бизнеса.

Интервью показало, что в большинстве компаний функция экономики труда является сервисной, её горизонт планирования – не более 1 года в рамках работы с планами операционной работы на 1 год. Эта ситуация характерна для всех исследуемых компаний, кроме того, ни одной из систем не предусмотрены принципы и механизмы стратегирования функции на срок от 3 лет и выше. Коллеги не знают, чем они будут заниматься через 5 лет, у большинства мнение, что их функция также будет оптимизирована в рамках планов по сокращению численности. Большинство руководителей подразделений экономики труда получают дополнительное смежное образование в том числе в направлении бизнес-подразделений компании, MBA, общего менеджмента и даже инженерных специальностей, у всех есть профильное образование по экономике труда, полученное более 5 лет назад в рамках обеспечения требований системы профессиональных квалификаций, но лишь несколько человек сознательно инвестируют в обучение в профильной сфере. Что касается профильности образования директоров по персоналу и руководителей HR-служб, то, с одной стороны, 70 % отметили соответствие образования требованиям профстандарта «Специалист по экономике труда»⁷, согласно которому профильность образования для руководителя подразделения (7 квалификационный уровень) определяется укрупнённой группой «Экономика и управление». Вместе с тем большинство респондентов согласилось с мнением, что даже при наличии высшего образования по направлению «Экономика и управление» требуется дополнительное профессиональное образование в области экономики труда, которое есть лишь у 20 % опрошенных. Отсутствие базовых знаний в предметной области, на наш взгляд, даёт нам один из ответов на вопрос – почему на сегодняшний день функция экономики труда является сервисной и не востребована в полной мере на уровне HR-служб.

У бизнес-процесса функции экономики труда два входа: собственная стратегия функции и запросы на анализ показателей по труду от производственных активов, головного офиса, директора по персоналу и т.п. В ряде компаний сформировался ещё один вход: целевая установка

генерального директора либо директора по развитию на повышение эффективности. Этот вход может стать доминирующим после того, как будет решена наиболее актуальная на сегодня задача – обеспеченности кадрами. При этом руководство не всегда в полной мере понимает, что одним из самых эффективных способов решить проблему кадрового голода является оптимизация бизнеса, обновление технологий, автоматизация и интенсификация труда. Получается, что на текущий момент из-за ряда причин функция экономики труда в основном реактивная и не работает на стратегию компании, обслуживая задачи HR-службы. Лишь в 10 % исследуемых компаний в качестве входа в бизнес-процесс функции является собственное видение, поддерживаемое руководством, носителем которой является руководитель функции с большим опытом реализации проектов повышения организационной эффективности.

Ключевая и приоритетная задача функции экономики труда – изыскание резервов снижения численности, роста производительности труда, прогнозирования потребности в персонале на ближайшие годы. Один из интервьюируемых отметил, что в текущих условиях «Людей не хватает, при этом заказов и денег становится всё больше, их так-то можно использовать на автоматизацию, но что-то сдерживает». Во всех исследуемых компаниях есть подразделения, реализующие функции в сфере экономики труда, в большинстве из них – в составе внутреннего структурного подразделения в службе по работе с персоналом, в том числе в формате представительств в производственных цехах. В 30 % изученных компаний – действуют полноценные самостоятельные структурные подразделения. В 17 % компаний привлекаются внешние консалтинговые агентства, но эта практика уменьшилась в разы за последние 2 года: вначале из-за ухода зарубежных представительств, после из-за запуска проектов собственными силами и приобретения необходимого опыта.

Функция экономики труда в первую очередь считает сотрудников, но при этом не забывает и оценивать стоимостные параметры, в том числе соизмеряя расходы и результаты труда, оценивая производительность труда и окупаемость работников. По оценкам 80 % интервьюируемых на их предприятиях показатель «производительность труда» в последние годы стал одним из ключевых и входит в топ-3 показателей генерального директора. Более глубокая оценка организационных структур подразделений, функционала, должностных инструкций и других документов показала, что эти утверждения подтверждаются.

Запрос на повышение производительности труда подталкивает крупный бизнес к вхождению

⁷ Приказ Минтруда России от 17.11.2020 N 795н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по экономике труда».

в соответствующий национальный проект. 40 % исследуемых компаний активно участвуют в нём со своим опытом реализации трансформаций. Отметим, что мнению трети респондентов, предприятия предпочли бы выйти из проекта, но их сдерживают административные причины. 20 % экспертов задумываются о возможности войти в проект с учётом планируемого ослабления входных параметров для участников; но 40 % считают не целесообразным вхождение в проект, предпочитая собственные подходы к повышению производительности труда и развития бизнеса в целом.

На наш взгляд деятельность, которая осуществляется в функции экономики труда, находит своё выражение в метриках, которые в ней отслеживаются. Если в целом по компании ключевым показателем деятельности является объём произведённой продукции, прибыль, производительность труда и другие, а у директора по персоналу: вовлечённость, eNPS (лояльность персонала), текучесть персонала, абсентеизм, укомплектованность персонала и др., то в подразделении по экономике труда либо вообще не используются специфические метрики и сотрудники оценивают по показателям материнской структуры – службы по работе с персоналом, либо применяются внутренние метрики по отдельным направлениям работы (эффективность реализации планов по повышению производительности труда в части скорости реализации – % от планируемого эффекта; выполнение плана по сокращению численности/снижению расходов на персонал), либо – очень редко метрики, связанные с деятельностью бизнеса (оценка производительности труда, оценка эффективности через соотношение затрат и результатов и др.). Лишь 10 % исследуемых организаций при оценке деятельности подразделения по экономике труда используют метрики, которые позволяют связать эффективность и бизнес-показатели всей компании, а не функции.

Из числа новых технических решений в области экономики труда были названы: цифровые сервисы для проведения фотографии рабочего времени и хронометража, в том числе с удалённым наблюдением и автоматической фиксацией изменения параметров [14]; использование носимых гаджетов для оценки эффективности работы и фиксации действий; инструменты HR-аналитики в части прогностических моделей; цифровые дашборды, оперативно отражающие изменения ключевых показателей эффективности; единая система управления результативностью, позволяющая в автоматическом режиме отражать изменения выполнения КПЭ и др. При этом, большая часть экспертов не смогла подтвердить эффек-

тивность использования новых технологических решений (ввиду неразвитости данного инструментария на текущий момент, либо неготовности афишировать конкретные цифры экономического эффекта). Только один эксперт назвал цифры, подтверждающие целесообразность использования системы носимых гаджетов для анализа действий работников в цехе, а также оцениваемый срок окупаемости решения, внедрение которого оказалось очень затратным. Данный кейс авторами статьи ранее рассматривался [15] на одном из предприятий, представитель которого вошёл в группу респондентов. Ранее сформулированная гипотеза об эффективности применения новых технологий для совершенствования процессов нормирования труда подтвердилась. Результаты проекта по мониторингу деятельности работников с применением носимых гаджетов, а также инструментов машинного обучения для нормирования трудовых действий, апробация которого проводилась с 2021 по 2023 гг., на одном из предприятий респондентов, участвующих в нашем интервью, подтвердили большой потенциал и экономическую эффективность проекта. В частности, по итогам реализации проекта, на исследуемых участках были выявлены потери рабочего времени (в среднем, в размере 15 %), разработаны рекомендации по их устранению (в том числе, изменение логистических процессов ремонта оборудования, оптимизация численности рабочих в бригадах, совершенствование других элементов организации труда). Несмотря на высокую стоимость применения новых технологий (например, более 40 млн руб. – единовременные затраты на лицензии, датчики, создание инфраструктуры, дополнительное серверное оборудование; более 6 млн руб. – текущие ежемесячные затраты на содержание дополнительного персонала, сопровождающего проект), при масштабировании проекта на весь производственный блок предприятия подтвердилась его экономическая эффективность – прирост выработки (в среднем на 13–17 % по отдельным производственным участкам, где использовалась данная технология) превысил затраты на внедрение и реализацию проекта.

С точки зрения используемых в подразделении ИТ-решений, самый распространённый вариант – собственная разработка (70 % изученных компаний использует собственные решения), 30 % – продолжают использовать покупные решения сторонних провайдеров, в том числе зарубежных, последние находятся в поиске вариантов импортозамещения.

Оценка используемых технологических инструментов при реализации функции экономики труда отражает, с одной стороны, низкую осна-

щённость и небольшой портфель кейсов, с другой стороны, высокую заинтересованность бизнеса в очень быстром внедрении и использовании новых решений. В частности, в сфере микроэлементного нормирования труда эксперты отмечают высокий потенциал использования нейронных сетей, которые позволяют не только снизить трудозатраты на установление норм труда, но и в целом повысить эффективность технологии микроэлементного нормирования при исследовании технологических процессов с большой продолжительностью. Успешные кейсы, в которых обученная нейронная сеть эффективно разделяет видеоизображение на комплексы движений, что позволяет значительно снизить трудоёмкость работы специалиста по нормированию труда, в задачах которого в данном случае остаётся лишь определение оптимального набора движений и расчёт нормы времени с помощью программного обеспечения, уже есть и представлены, например, экспертами нефтегазовой отрасли [16].

Это далеко неполный перечень выводов, т.к. исследование показало неопределённость представлений экспертов по ряду вопросов, наличие локальных вариантов развития функции экономики труда, которые в той или иной мере позволяют говорить об уникальности выбранного пути. Представители ряда отечественных компаний делают акцент на сохранении численности коллектива и заинтересованы в увеличении объёмов производства и прибыли, другие – видят минимум 20 % резервов роста эффективности за счёт снижения численности и отказа от ряда функций в пользу внешних провайдеров и автоматизированных или цифровых решений. На нескольких заводах функция экономики труда последовательно редуцировалась в угоду западным управленческим технологиям, внедряемым в последние годы. Представители почти половины изученных компаний видят перспективу в развитии функции бизнес-партнёров в сфере управления персоналом, по мнению некоторых из них именно в неё рано или поздно трансформируется кадровая служба. Почти во всех предприятиях остро стоит вопрос эффективности системы оплаты труда, ключевых показателей деятельности, во многом из-за отсутствия необходимой экспертизы. При этом, по мнению респондентов больше всего дефицит экспертизы в сфере экономики труда проявляет себя на уровне линейных менеджеров, которые не умеют мыслить стратегически, экономически, с оценкой всех возможных последствий. Поэтому интересным было предложение развивать функцию экономики труда в том числе за счёт консолидации её методологического ядра на уровне отдельной функции и последую-

щей трансляции линейным менеджерам через обучение, совместную реализацию проектов.

Отдельно следует отметить, что современный бизнес «устал» от консалтинговых услуг и предпочитает обходиться собственными силами, во многом из-за низкого доверия к результатам, а также слабой проработки специфики отрасли, территории, самого предприятия и его интеграции в социально-экономическую жизнь города.

По мнению руководителей развитие функции экономики труда сдерживается во многом социальными причинами, многие предприятия являются градообразующими. Любые оптимизационные решения, связанные с сокращением численности, либо расходов на персонал могут негативно сказаться на восприятии работников, жителей, администрации города и региона. Эта особенность очень тормозит использование самых современных технологических решений, предполагающих кратное увеличение производительности труда с ещё большим снижением необходимого числа рабочих мест. При этом ситуация с дефицитом персонала приводит к пониманию, что рано или поздно, но руководство вынуждено будет принять непопулярные меры, просто потому что людей на рынке труда катастрофически мало. Текущая сложная ситуация является потенциальным ускорителем развития направлений экономики труда, она позволит обойтись «малой кровью» – перестроить все процессы, обновить оборудование, отказаться от неэффективных задач, без потерь персонала. Что точно показал экспертный опрос – это чёткое понимание профессионального сообщества в сфере эффективности и производительности труда, что именно сейчас необходима актуализация внимания к вопросам экономики труда, научной организации труда, в том числе, через повышение квалификации в данной области, как представителей служб по персоналу, так и руководителей линейных подразделений: новые цели, пересмотр стратегий работы с персоналом, уход от исключительно психологических аспектов работы с людьми, к их сочетанию с экономическими. Тогда будет возможным кратный рост производительности труда до уровня «продвинутых» зарубежных компаний и даже выше, но для этого необходимо системное осмысление целей, полный аудит используемых подходов и методик, создание отечественной методологии экономики труда и повсеместное её внедрение в практику всех компаний с учётом специфики их деятельности.

Представленный анализ позволяет заключить следующее:

1. Искусственное разделение областей профессиональной деятельности предметного поля

управлением трудом на «управление персоналом» и «экономику труда» на уровне организаций, привело к снижению внимания к проблемам экономической эффективности труда. Собственники бизнеса, руководители бизнеса (более 70 %) отмечают в качестве дефицита в системах управления персоналом вопросы производительности (результативности) труда, экономическое обоснование мероприятий по управлению персоналом. Разделение этих функциональных областей считают нецелесообразным более 65 % респондентов. Те единичные случаи, когда изолированные процессы экономики труда и управления персоналом всё же сосуществуют в удовлетворительном для бизнеса состоянии, основываются на высоком профессионализме и командной работе субъектов, отвечающих за эти функции. Это демонстрирует, скорее, традиции крупных промышленных предприятий, нежели деятельность на общей методологической основе.

2. С точки зрения предметной области остаются актуальными и требуют теоретико-методологической проработки вопросы экономики труда на уровне организаций с учётом современного состояния и трендов: производительность труда, численность персонала, оплата труда, организация труда, нормирование труда. Эксперты-руководители бизнесов выделили эти направления деятельности в качестве приоритетных. Обратим внимание, что это ровно те направления, которые традиционно в советский период входили в пред-

метное поле экономики труда, хотя среди респондентов было подавляющее большинство тех, кто не имел опыта работы в советский период. Это ещё раз подтверждает объективную востребованность отмеченных направлений, их интеграцию в систему управления персоналом.

3. С организационной точки зрения вопросы подчинённости структур, занимающихся непосредственно вопросами экономики труда, представляются вторичными. На наш взгляд, принципиально важным является возрождение самих функций экономики труда. Практика изобилует достаточно широким разнообразием вариантов включения функций экономики труда в организационные структуры. Выделяются отдельно службы труда и заработной платы с подчинением в вектор экономической деятельности, служб трудовых отношений в структуре департаментов управления персоналом, служб производительности труда и организационного развития и др. На наш взгляд, что на данном этапе принципиально важным является не столько организационное закрепление, сколько вопрос возрождения экономики труда в системе управления в принципе.

Учёные и практики в области управления персоналом используют различные подходы к выделению функциональных подсистем, в том числе и экономики труда. На наш взгляд актуальное представление о системе экономики труда на предприятии выглядит следующим образом (Рисунок 1).



Рисунок 1. Система экономики труда и её структура
Figure 1. Labor Economics System and Its Structure

Источник: авторская работа.

Обратим внимание, что в центре находятся системообразующие подсистемы (функции) экономики труда, к которым отнесены: организация труда, нормирование труда, оплата труда. Системообразующие функции имеют не только самостоятельное значение, но важно понять, что они проявляются в частных элементах экономики труда: производительность труда, планирование численности и использования рабочего времени, подбор и адаптация персонала, формы и системы оплаты труда, обучение и развитие персонала, высвобождение.

Остановимся коротко на элементах представленной системы, не претендуя при этом на исчерпывающее описание каждого из элементов. Здесь важно обозначить принципиальное наличие элемента в системе экономики труда и показать системную природу рассматриваемой сущности.

Организация труда как системообразующий элемент экономики труда включает вопросы, связанные с организацией рабочего места (функции, показатели результативности выполнения функций, орудия и средства труда, система отношений и коммуникаций, условия труда и охрана труда и пр.), бизнес-процессы, в которые включены функции рабочего места, профессиональное и квалификационное разделение труда, требуемые компетенции к работнику и пр. Кроме того организация труда включает организацию рабочего времени и определяет эффективность его использования. Российский (в том числе советский) опыт имеет большой опыт в рамках этой подсистемы экономики труда. Оставим за рамками рассмотрения составляющую термина «научная», обозначив лишь предметную область. Заметим лишь, что «научная» обозначает больше необходимость использования научных достижений и принципов в процессе организации труда, чем имеет содержательный смысл.

Нормирование труда в системе экономики труда проявляется часто в неявном виде, особенно для предприятий малого и среднего бизнеса. Между тем, актуальность этого элемента растет особенно в связи с развитием промышленных отраслей народного хозяйства, повышением технологизации процессов, как реакция на дефицит на рынке труда, что предопределяет необходимость экономии живого труда. Поэтому остро стоит вопрос о разработке и внедрении норм труда, их постоянной корректировке и пр. Современные условия предопределяют новые методы и инструменты нормирования труда, в том числе с использованием инструментов цифровизации. Качественные нормы труда служат основой для определения численности персонала, повышения эффективности оплаты труда и др.

Оплата труда является элементом, который направлен на активизацию человеческого потенциала и определение эффективности стимулирующих мероприятий. В рамках этой подсистемы находятся вопросы заработной платы (величина, конкурентоспособность, формы и системы, структура её элементов, организационные аспекты её применения и пр.), расчёта фонда оплаты труда, бюджетирования затрат на оплату труда, популярных сейчас методик КПЭ и др. Особенно внимательно следует относиться к вопросам организационного отнесения функции оплаты труда (в сфере управления персоналом или в сфере экономического направления).

Производительность (результативность) труда как ключевой элемент системы демонстрирует показатели, факторы и условия повышения/изменения результатов труда сотрудника, коллектива, подразделения, процессов, проектов и организации в целом. Значимость этой подсистемы повышается в связи с обозначенными выше трендами и проектами развития. Немаловажными являются аспекты измерения и оценки эффективности труда, отдачи от инвестиций. Современные методы и методологии существенно расширяют содержание этой подсистемы, ориентируя на использование технологических факторов роста производительности труда, инновационных подходов, использования цифровых методик и инструментов. Управление производительностью труда базируется на вопросах, обозначенных в элементах «организация труда» и «нормирование труда».

Планирование численности персонала традиционно значимая часть системы экономики труда, которая признана ответить на вопросы количественного и качественного состава, является базовой для расчёта затрат на персонал, показателей обеспеченности персоналом по разным основаниям. Планирование численности основывается на функциях «организация труда» и «нормирование труда», которые являются основой для определения количества и качества рабочих мест, определяет – для каких задач и какого качества персонал требуется в соответствии с планами развития организации. Специальные методики расчёта численности хорошо описаны в литературе, требуют ревизии в соответствии с новыми реалиями и информационными технологиями. Большой потенциал, по нашему мнению, имеет в этом плане HR-аналитика и использование современных информационных систем, что позволит оптимизировать выполнение этой функции.

Подбор и адаптация персонала без вопросов экономики труда превращается в тривиальный процесс набора персонала. Между тем важно осознавать, что именно через эту функцию

включается человеческий ресурс в организацию, поэтому именно она обеспечивает организацию требуемыми компетенциями. Подбор персонала должен базироваться на элементе «организация труда», что предопределяет требования к привлекаемому персоналу. При подборе персонала следует учитывать, достигнет ли новый сотрудник требуемых параметров результативности труда, способен ли он выполнять функции в соответствии с нормами труда, поэтому прогнозирование результативности труда нового сотрудника должна стать важной частью процесса подбора персонала и его адаптации.

Отдельным направлением экономики труда, который мы предлагаем выделить как часть более общей компоненты – оплаты труда, являются формы и системы оплаты труда. Именно они обеспечивают в первую очередь эффективный труд работников по выполнению должностных обязанностей и реализации показателей работы. Этими вопросами всегда занимались экономисты по труду, подобная практика должна быть продолжена, а система оплаты труда должна быть важнейшим элементом повышения производительности труда на предприятии.

Обучение и развитие персонала традиционно востребованная функция практически во всех организациях. Особую актуальность она приобретает в связи с обновлением и использованием уникальных технологий, а также в связи с дефицитом подготовленных сотрудников на рынке труда. Функционирование этого элемента экономики труда должно основываться на требованиях рабочего места, планируемых затрат рабочего времени, производительности и результативности, иметь экономическое обоснование и осязаемую результативность.

Высвобождение персонала как элемент экономики труда связано с объективной необходимостью постоянной оптимизации численности. Здесь речь идёт не столько о банальном увольнении, сколько о принятии решений сколько и какого персонала следует высвободить в связи с изменениями в технологиях, рыночных условиях производственной деятельности и пр. Будучи составной частью показателя производительности труда, этот элемент направлен также на оптимизацию структуры персонала (основной, вспомогательный, управленческий...), отражает изменения в бизнес-процессах, в структуре рабочих мест, в оптимизации процессов разделения и кооперации труда.

Для функционирования содержательной системы экономики труда следует учесть необходимость и таких обеспечивающих подсистем как информационное обеспечение (как, с помощью ка-

кой информационной базы будут реализовываться описанные выше элементы), аналитическое обеспечение (мониторинг и анализ трудовых показателей, их взаимосвязь), кадровое обеспечение (компетенции субъектов, участвующих в системе экономики труда), методическое сопровождение.

Следует также отметить, что сформулированные на рисунке 1 системообразующие подсистемы (функции) экономики труда (организация труда, нормирование труда, оплата труда) нашли своё отражение и в ключевых обобщённых трудовых функциях профессионального стандарта «Специалист по экономике труда», среди которых: организация и нормирование труда (включающая в себя набор таких трудовых функций как: разработка системы организации труда, разработка режимов труда и отдыха, разработка тарифно-квалификационной системы, проведение исследований трудовых процессов, разработка норм труда, разработка организационно-штатной структуры, обеспечение применения норм труда); оплата труда и материальное стимулирование (включая набор трудовых функций по мониторингу рынка труда в части, касающейся оплаты труда и материального стимулирования, разработке системы оплаты и материального стимулирования труда, администрированию и контролю реализации системы оплаты и материального стимулирования труда); планирование численности персонала и расходов на персонал (включая разработку системы планирования численности, разработку системы бюджетирования расходов на персонал, планирование, корректировку и контроль исполнения бюджета расходов на персонал, планирование и контроль выполнения показателей по труду).

Заключение

В завершении следует отметить, что в целом, наша гипотеза подтвердилась: экономика труда, несмотря на встроенность в структуру подразделений по персоналу (HR-подразделений) исследуемых предприятий, в текущих условиях не является приоритетным направлением в системе работы с персоналом, выступая в роли сервисной, аналитической функции, связанной, как правило, с расчётами заработной платы. Данная ситуация обусловлена, с одной стороны, недостаточным уровнем развития компетенций руководителей HR-подразделений в области экономики труда, с другой, отсутствием в числе приоритетных КПЭ (ключевых показателей эффективности) у руководителей HR-подразделений – экономических показателей по труду (например, производительность труда). Это в свою очередь сдерживает развитие данной функции на уровне HR-подразделений и предприятий, а также является факто-

ром, тормозящим развитие прикладной экономики труда в целом.

Наше исследование оставляет несколько вопросов без ответов:

Почему несмотря на очень сильный запрос со стороны бизнеса так и не была сформирована отечественная методология экономики труда и научной организации труда, способная реально удовлетворять задачи отечественных предприятий в условиях дефицита эффективности?

Эти вопросы уже актуализировались в ряде работ авторов статьи [17, 18]. Но сама их постановка и другие результаты исследования дают однозначный вывод о том, что необходим целый комплекс очень быстрых и результативных действий по выведению функции экономики труда в фокус внимания каждого предприятия вне зависимости от размеров, отрасли, территории присутствия. В этой части, определённую надежду вызывает появление профессионального стандарта «Специалиста по экономике труда», который призван обозначить границы и перспективы профессиональной деятельности, обострить внимание к прикладной экономике труда, дать возможность синхронизировать потребности предприятий в обеспечении рабочих мест ква-

лифицированными кадрами, а учебным заведениям – ориентир для разработки учебных программ.

Не менее важным в условиях мобилизационной экономики становятся действия профессионального и научного сообщества по формированию актуальной методологии повышения организационной эффективности, определению оценочных показателей производственной эффективности (производительности) труда [19] и включению их в перечень ключевых КПЭ подразделений по персоналу и производственных подразделений; актуализации ориентиров деятельности функции управления персоналом с их сменой от вовлечения к повышению эффективности; развития нового корпуса директоров по персоналу, которые специализируются на экономике труда, эффективности, производительности труда; реализации системных проектов повышения организационной эффективности на предприятиях под эгидой новой роли функции управления персоналом, которая сегодня немыслима без функции экономики труда, например, через институт бизнес-партнёрства в сфере управления персоналом. Все компоненты для реализации этих действий есть, они локально разбросаны по территории страны, поддерживаются в отдельных компаниях, живут в сердцах работников и руководителей.

Список литературы

1. Струмилини С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Издательство «Наука», 1982. 377 с.
2. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. Изд. 2-е. М.: «Экономика», 1972. 478 с.
3. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Бабынина Л.С. Экономика труда: учебник в 2 т. Том 1. М.: Издательство «Альфа-Пресс», 2007. 760 с. ISBN 5-94280-242-4
4. Колосницына М.Г. Экономика труда: Учебное пособие для студентов бакалавриата экономических вузов. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1998. 240 с. ISBN 5-89317-072-5
5. Рощин С.Ю., Разумова Т.О. Экономика труда (экономическая теория труда): Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. 400 с. ISBN 5-16-000146-8
6. Borjas G.J. Labor Economics. 3d ed. New York: McGraw-Hill, 2005. 576 p. ISBN 978-0-07-352320-0
7. Gronau R.L. Home Production and Work – The Theory of the Allocation of Time Revisited // Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85. No. 6. P. 1099–1123. <http://dx.doi.org/10.1086/260629>
8. Lazear E.P. Personnel Economics: Past Lessons and Future Directions // Journal of Labor Economics. 1998. Vol. 17. No. 2. P. 199–236. <https://doi.org/10.1086/209918>
9. Авдеев М.Ю. Теоретический обзор современных подходов к управлению производительностью труда // Теория и практика общественного развития. 2019. № 5(135). С. 38–41. <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.5.5> EDN FGZLYM
10. Краснопецева И.В. Анализ факторов макро-, мезо- и микроуровня, определяющих динамику производительности труда на промышленных предприятиях // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 1(36). С. 12–18. <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2019-1-12-18> EDN VXMHEW
11. Голованов А.И. Производительность труда как фундамент роста экономики России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 4(16). С. 89–96. EDN OORLXP
12. Кучина Е.В., Тащев А.К. Методологические подходы к оценке производительности труда на микроуровне // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2017. Том 11. № 2. С. 42–47. <https://doi.org/10.14529/em170206> EDN YUADNJ
13. Александрова О.А. Проблема дефицита кадров в промышленном секторе экономики: причины и направления решения // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 150–162. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162 EDN BGVYET

14. Долженко Р.А., Малышев Д.С. Цифровизация подходов к организации и нормированию труда на промышленном предприятии // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2021. Том 19. № 4. С. 54–66. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19\(4\).54-66](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19(4).54-66) EDN WOJYRX
15. Долженко Р.А., Малышев Д.С. Развитие подходов к производительности труда и её оценке // Экономика труда. 2021. Том 8. № 12. С. 1577–1590. <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113989> EDN SLPHAS
16. Демидов В.В., Кашапов Р.З. Микроэлементное нормирование технологических процессов с использованием нейронных сетей // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 11(179). С. 46–52. [https://doi.org/10.33285/1999-6942-2019-11\(179\)-46-52](https://doi.org/10.33285/1999-6942-2019-11(179)-46-52) EDN QUSHYH
17. Долженко Р.А. Контуры предметной области экономики труда в современных условиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. Том 12. № 3. С. 59–69. <https://doi.org/10.14529/em180306> EDN YBJWLB
18. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Половинко В.С. Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 1 // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 2. С. 163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 EDN DBRIAR
19. Эффективность труда в мобилизационной экономике / Г. П. Ермаков, Й. Н. Ганиева, С. Н. Петряков, Д. С. Петряков // Экономика труда. 2023. Том 10. № 5. С. 635–652. <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117711> EDN KNEXFV

Информация об авторах:

Руслан Алексеевич Долженко – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (SPIN-код:8576-4140) (РИНЦ AuthorID: 617562) (ResearcherID: J-2847-2015)

Светлана Борисовна Долженко – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (SPIN-код: 8557-7373) (РИНЦ AuthorID: 148831) (ResearcherID: B-5311-2018)

Владимир Семенович Половинко – доктор экономических наук, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (SPIN-код: 8454-2897) (РИНЦ AuthorID: 155877) (ResearcherID: A-4317-2017)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Светлана Борисовна Долженко.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Strumilin S.G. Problemy Ehkonomiki Truda. Moscow: Publishing House «Nauka»; 1982. 377 p. (In Russ.)
2. Gastev A.K. Kak Nado Rabotat'. Prakticheskoe Vvedenie v Nauku Organizatsii Truda. 2nd ed. Moscow: Publishing House «Ehkonomika»; 1972. 478 p. (In Russ.)
3. Odegov Yu.G., Rudenko G.G., Babynina L.S. Ehkonomika Truda. Textbook. In 2 Vol. Vol. 1. Moscow: Publishing House «Al'fa-Press»; 2007. 760 p. ISBN 5-94280-242-4 (In Russ.)
4. Kolosnitsyna M.G. Ehkonomika Truda. Textbook for undergraduate students of economic universities. Moscow: ICHP Publishing House «MagistR»; 1998. 240 p. ISBN 5-89317-072-5 (In Russ.)
5. Roshchin S.Yu., Razumova T.O. Ehkonomika Truda (Ehkonomicheskaya Teoriya Truda). Textbook. Moscow: Publishing House «INFRA-M»; 2000. 400 p. ISBN 5-16-000146-8 (In Russ.)
6. Borjas G.J. Labor Economics. 3d ed. New York: McGraw-Hill; 2005. 576 p. ISBN 978-0-07-352320-0
7. Gronau R.L. Home Production and Work – The Theory of the Allocation of Time Revisited. *Journal of Political Economy*. 1977;85(6):1099-1123. <http://dx.doi.org/10.1086/260629>
8. Lazear E.P. Personnel Economics: Past Lessons and Future Directions. *Journal of Labor Economics*. 1998;17(2):199-236. <https://doi.org/10.1086/209918>
9. Avdeev M.Yu. A Theoretical Review of Modern Approaches to Labor Productivity Management. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*. 2019;(5(135)):38-41. <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.5.5> (In Russ.)
10. Krasnopenvtseva I.V. The Analysis of Macro-, Meso - And Micro-Level Factors Determining the Dynamics of Labour Productivity at The Production Enterprises. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i upravlenie=Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2019;(1(36)):12-18. <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2019-1-12-18> (In Russ.)
11. Golovanov A.I. Labor Productivity as the Base of Economical Growth of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal. Ehkonomika*. 2011;(4(16)):89-96. (In Russ.)

12. Kuchina E.V., Tashchev A.K. Methodological Approaches to The Estimation of Labor Productivity at The Micro Level. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i menedzhment=Bulletin of the South Ural state university. Series: Economics and Management*. 2017;11(2):42–47. <https://doi.org/10.14529/em170206> (In Russ.)
13. Aleksandrova O.A. The Problem of Personnel Shortage in the Industrial Sector of the Economy: Reasons and Directions for Solution. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):150–162. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162 (In Russ.)
14. Dolzhenko R.A., Malyshev D.S. Digitalization of Approaches to Labor Organization and Rationing in The Industrial Enterprise. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika=Herald of Omsk University. Series: Economics*. 2021;19(4):54–66. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19\(4\).54-66](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19(4).54-66) (In Russ.)
15. Dolzhenko R.A., Malyshev D.S. Development of Approaches to Labour Productivity and its Assessment. *Ehkonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2021;8(12):1577–1590. <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113989> (In Russ.)
16. Demidov V.V., Kashapov R.Z. The Microelement Rationing of Technological Processes Using Neural Networks. *Problemy ehkonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom=Problems of Economics and Management of Oil and Gas Complex*. 2019;(11(179)):46–52. [https://doi.org/10.33285/1999-6942-2019-11\(179\)-46-52](https://doi.org/10.33285/1999-6942-2019-11(179)-46-52) (In Russ.)
17. Dolzhenko R.A. Outlines of The Subject Field of Labor Economy Under Modern Conditions. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ehkonomika i menedzhment=Bulletin of The South Ural State University. Series: Economics and Management*. 2018;12(3):59–69. <https://doi.org/10.14529/em180306> (In Russ.)
18. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S. Applied Labor Economics in Conditions of Double Personnel Shortage: Revival and New Challenges. Part 1. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(2):163–171. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 (In Russ.)
19. Ermakov G.P., Ganieva I.N., Petryakov S.N., et al. Labor Efficiency in the Mobilization Economy. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(5):635–652. <https://doi.org/10.18334/et.10.5.117711> (In Russ.)

Information about the authors:

Ruslan A. Dolzhenko – Doctor of Economics, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics

(SPIN-code:8576-4140) (РИНЦ AuthorID: 617562) (ResearcherID: J-2847-2015)

Svetlana B. Dolzhenko – PhD in Economics, Head of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics

(SPIN-code: 8557-7373) (РИНЦ AuthorID: 148831) (ResearcherID: B-5311-2018)

Vladimir S. Polovinko – Doctor of Economics, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University

(SPIN-code: 8454-2897) (РИНЦ AuthorID: 155877) (ResearcherID: A-4317-2017)

Authors' declared contribution: all authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Svetlana B. Dolzhenko.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 369.011.4; 369.5

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396

EDN VEFVSD

Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход

Екатерина Андреевна Смирнова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия
(Smirnova.EA@rea.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4703-3171>)

Аннотация

Статья посвящена исследованию постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и возможности имплементации в неё такого элемента как универсальный базовый пенсионный доход. Данными для анализа послужили отечественные и зарубежные научные публикации, законодательство, а также статистические данные в области пенсионного обеспечения. Выявлено, что вопрос установления минимальных гарантий для пенсионеров на уровне не ниже прожиточного минимума пенсионера остаётся до сих пор актуальным. В связи с чем в статье проверялась гипотеза о том, что введение универсального базового пенсионного дохода, который по сути заменит собой базовую часть трудовой пенсии по старости (фиксированную выплату к страховой пенсии) и социальные доплаты к пенсии, в структуру пенсий позволит установить минимальный уровень пенсии для всех пенсионеров путем одной выплаты (универсального базового пенсионного дохода), что сделает российскую систему пенсионного обеспечения более прозрачной, открытой, понятной и позволяющей иметь пенсионеру доход на уровне не ниже прожиточного минимума пенсионера. Для проверки гипотезы был проведён анализ видов пенсий, их структуры, определены критерии установления границ минимальной пенсии в России и за рубежом. Одним из результатов исследования стал примерный расчёт дополнительных средств, необходимых для доведения базовой части трудовой пенсии (универсального базового пенсионного дохода) до прожиточного минимума пенсионера (по состоянию на 2023 год). Сделан вывод, что при дополнительной финансовой поддержке государства и внесении изменений в структуру расходов Социального фонда России введение базового пенсионного дохода для получателей трудовых пенсий по старости, пенсий по инвалидности и по потере кормильца, было бы вполне осуществимо.

Ключевые слова: пенсия, пенсионер, пенсионная система, обязательное пенсионное страхование, базовая часть трудовой пенсии, фиксированная выплата к страховой пенсии, социальная доплата к пенсии, универсальный базовый доход, универсальный базовый пенсионный доход

Для цитирования: Смирнова Е.А. Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. №3. С. 385–396. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396
EDN VEFVSD



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396

Dynamics of the Post-Soviet Mandatory Pension Insurance System and Basic Pension Income

Ekaterina A. Smirnova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
(Smirnova.EA@rea.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-4703-3171>)

Abstract

The paper is devoted to the study of the post-Soviet mandatory pension insurance system and the possibility of implementing such an element as a universal basic pension income into it. Domestic and foreign scientific publications, legislation, as well as statistical data in the field of pension provision served as sources for the analysis. The paper found out that the issue of setting of minimum guarantees for pensioners at a level not lower than the pensioner's subsistence minimum level remains relevant to this day. In this connection the paper tested the hypothesis that the introduction of a universal basic pension income, which in fact will replace the basic part of the old-age labour pension (fixed payment to the insurance pension) and social supplements to the pension, in the pension structure will allow to establish a minimum pension level for all pensioners by a single payment (universal basic pension income), which will make the Russian pension system more transparent, open, understandable and allowing a pensioner to have an income at least below the pensioner's subsistence minimum level. To test the hypothesis an analysis of the types of pensions and their structure was carried out, and criteria for setting the boundaries of the minimum pension were determined. One of the results of the study was an approximate calculation of the additional funds needed to bring the basic part of the labour pension (universal basic pension income) to the subsistence minimum level of a pensioner (as of 2023). It is concluded that with additional financial support from the state and changes to the structure of expenditures of the Social Fund of Russia, the introduction of a universal basic pension income for recipients of old-age pensions, disability pensions and survivor's pensions would be quite achievable.

Keywords: pension, retired person, pension system, mandatory pension insurance, the basic part of the old-age labour pension, fixed payment to an insurance pension, social supplement to the old-age pension, universal basic income, universal basic pension income

For citation: Smirnova E.A. Dynamics of the Post-Soviet Mandatory Pension Insurance System and Basic Pension Income. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):385–396. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396
(In Russ.)



Введение

Вопросы материального обеспечения такой социально уязвимой группы населения, как пенсионеры, являются актуальными на протяжении многих лет. В публикации Международной организации труда «Доклад о социальной защите в мире 2014/15: обеспечение экономического восстановления, инклюзивного развития и социальной справедливости»¹ содержится отдельная глава, посвящённая проблемам социальной защиты пожилых мужчин и женщин, в которой в том числе перечислены международные нормы в области пенсий по старости. Рекомендация МОТ «О минимальных уровнях социальной защиты» № 202² от 14.06.2012 призывает к обеспечению базового гарантированного дохода (по крайней мере на минимальном уровне, определённом на национальном уровне) для всех лиц пожилого возраста, особенно выделяя нуждающихся и не охваченных существующими механизмами.

В развитых капиталистических странах Америки и Западной Европы минимальный уровень пенсионного обеспечения регулируется законодательством. Системы минимального пенсионного обеспечения обычно рассматриваются как неотъемлемая часть европейской социальной модели [1]. Более того, пожилые люди являются группой, для которой социальные выплаты имеют особое значение [2]. Так, в Англии с 2016 года реализуется новая система пенсионного обеспечения лиц пожилого возраста³. Пенсионеры могут претендовать на получение минимальной государственной пенсии (около 63,20 фунтов стерлингов в неделю⁴), если соответствуют следующим требованиям: достигли пенсионного возраста после 6 апреля 2016 года; отчисляли взносы социального страхования не менее 10 лет⁵. Решение о повышении государственной пенсии принимается в соответствии с гарантией так называемого

«тройного замка» («triple lock»), то есть повышение пенсии производится ежегодно в соответствии с самым высоким показателем из следующих трёх величин: процентного увеличения среднего заработка в Великобритании, процентного роста цен, измеряемого с помощью индекса потребительских цен, или же на 2,5%⁶. При этом при достижении пенсионного возраста гражданин Англии (с учётом соответствия определённым требованиям: гражданство, нахождение на территории государства и др.) имеет право на получение пенсионного пособия, которое обеспечит минимальный гарантированный уровень дохода⁷. Максимальная сумма гарантированного дохода на 2024–2025 г. для одиноко проживающих пенсионеров в Англии составляет 218,15 фунтов стерлингов в неделю, имеются также дополнительные гарантии (дополнительная сумма в случае тяжёлой инвалидности составляет 81,50 фунтов стерлингов и др.)⁸.

Системы пенсионного обеспечения стран ОЭСР разнообразны, имеют различную структуру, однако можно говорить о том, что все они содержат первый уровень (компонент), направленный на предотвращение бедности в пожилом возрасте и обеспечение достаточного пенсионного дохода, гарантирующего минимальный уровень дохода в стране для пожилых граждан⁹.

В соответствии с зарубежным исследованием [3, с. 5–7] можно выделить четыре способа гарантировать минимальный доход пожилым гражданам: 1) выплата минимальной пенсии гражданам, которые имеют достаточные пенсионные права и уплачивали страховые взносы; 2) надбавка к пенсии для лиц с низкой пенсией; 3) выплата гарантированного минимального дохода, на который пожилые люди имеют право с определённого возраста; 4) отсутствие минимальной пенсии для лиц, не заработавших права на пенсию, источником дохода для пенсионеров в таком случае являются программы социальной помощи. При этом часть пенсионных реформ в странах Евросоюза направлены на снижение пенсионных выплат, когда пенсии индексируются по уровню инфляции, а не в соответствии с ростом средней заработной платы [4].

¹ Доклад о социальной защите в мире 2014/15: обеспечение экономического восстановления, инклюзивного развития и социальной справедливости / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2015. 436 р.

² R202 – Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202). // Information System on International Labour Standards: [сайт]. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:3065524 (дата обращения: 26.07.2024).

³ Thurley D. State Pension uprating. Briefing paper. Number CBP-5649. 2 February 2021. The House of Commons Library // parliament.uk: [сайт]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05649/SN05649.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).

⁴ State pension // Interactive Investor: [сайт]. URL: <https://www.ii.co.uk/pensions/state-pension> (дата обращения: 30.07.2024).

⁵ The new State Pension // gov.uk: [сайт]. URL: <https://www.gov.uk/new-state-pension> (дата обращения: 30.07.2024).

⁶ Hobson F., Harker R., Kirk-Wade E. State Pension triple lock. Commons Library Research Briefing, 6 November 2023 // commonslibrary.parliament.uk: [сайт]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7812/CBP-7812.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).

⁷ Factsheet 48. Pension Credit. Age UK. April 2024 // ageuk.org: [сайт]. URL: <https://www.ageuk.org.uk/globalassets/age-uk/documents/factsheets/large-print-factsheets/fs48-lp-pension-credit.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).

⁸ Там же

⁹ OECD (2009), Pensions at a Glance 2009: Retirement-Income Systems in OECD Countries, OECD Publishing, Paris // OECDiLibrary: [сайт]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/pensions-at-a-glance-2009_pension-glance-2009-en (дата обращения: 30.07.2024).

Согласно зарубежным исследованиям причинами переориентации на внедрение базового дохода для уязвимых пожилых людей являются следующие: разочарование сторонников пенсионных реформ масштабом охвата населения пенсионными реформами и изменениями; реформы пенсионной системы, связанные с установлением более тесной связи между взносами и выплатами, ограничили возможности перераспределения доходов в пользу групп с низким уровнем дохода в рамках этих схем и др. [5, с. 4–5]. Самым несложным видом пенсии, выплачиваемой за счёт взносов, называют пенсию, которая предусматривает в своей структуре базовую сумму пособия независимо от количества лет, в течение которых работодатель (или также работник) вносили взносы, при условии соблюдения критерия минимального пенсионного возраста [6].

В 90-е годы XX столетия, после распада Советского Союза, в Российской Федерации положение о достижении размера пенсии уровня прожиточного минимума пенсионера было зафиксировано в нормативно-правовых актах советской России¹⁰, однако выполнение данной нормы не было реализовано [7]. В Закон РСФСР от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в РСФСР» неоднократно вносились поправки по вопросу уровня минимальной пенсии. Так, если в первой редакции (1991 г.) Закона в ст. 17 определялось, что минимальный размер пенсии при необходимом общем трудовом стаже устанавливается на уровне прожиточного минимума, то во второй редакции Закона (1992 г.) уже было указано, что минимальный размер пенсии устанавливается на уровне минимального размера оплаты труда, в 1995 году – не ниже минимального размера оплаты труда. Далее в 1997 году была осуществлена ещё одна попытка увязать размер пенсии с прожиточным минимумом. Так, Указом Президента РФ от 14.06.1997 № 573 «О мерах по поддержанию материального положения пенсионеров» устанавливалось, что начиная с 01.01.1998 г. минимальный размер пенсии по старости с учётом компенсационной выплаты не может быть менее 80 процентов прожиточного минимума пенсионера. Однако в 2002 году прекратилось действие данного указа. С 1 февраля 1998 г. был введён в действие Федеральный закон № 113-ФЗ «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий» от 21.07.1997 г., который внёс существенные изменения в ФЗ № 340-I «О государственных пенсиях в РСФСР» от 20 ноября 1990 г. по вопросу исчисления минимального размера пенсии. В частности, новый минимальный размер пенсии

определялся путём умножения действующего минимального размера пенсии на индекс роста среднемесячной заработной платы в стране за соответствующий квартал при этом не мог быть ниже минимального размера оплаты труда. В период реформ 90-х годов (с 1991 г. по 1999 г.) среднемесячная пенсия была ниже среднемесячного прожиточного минимума населения России, так размер среднегодовых пенсий в 1999 г. составил лишь 38 % от уровня 1991 г., то есть социально-экономическое положение пенсионеров ухудшилось [8].

Как итог, можно констатировать, что доведение минимального размера пенсии до уровня прожиточного минимума оказалось трудновыполнимой задачей, скорее всего, в связи с отсутствием чётких, прозрачных механизмов расчёта и перерасчёта минимальных пенсий. В связи с этим остро назрел вопрос о пенсионной реформе 2002 года, на всех этапах которой также сохранялась ориентация реформы на приоритет социальной цели – повышение уровня жизни пенсионеров [9, с. 84].

В зарубежной и российской научной среде идут активные дискуссии о необходимости и методах поддержки лиц пенсионного возраста [9–11]. Одним из предлагаемых путей развития пенсионных систем является введение базового дохода в качестве одного из элементов пенсионной системы [12–14]. В настоящий момент исследования, касающиеся данной инициативы, встречаются достаточно редко и в большей мере затрагивают вопросы организации, источников финансирования, положительных и отрицательных последствий введения базового дохода в пенсионную систему России¹¹. В новых условиях социально-экономического развития России стоит задача повышения уровня и качества жизни населения, особенно социально уязвимых групп населения, включая пенсионеров. В связи с чем требуют более глубокого изучения, разработки и обоснования вопросы введения универсального базового пенсионного дохода в пенсионную систему Российской Федерации, а именно конкретизация формы и механизма применения, нормативно-правовое регулирование, определение источников финансирования и расчёт необходимых средств.

Целью настоящего исследования является аналитический обзор изменений постсоветской системы обязательного пенсионного страхования, включая изучение нормативно-правового

¹⁰ Закон РСФСР от 20 ноября 1990 г. № 340-I «О государственных пенсиях в РСФСР» // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/3961704/> (дата обращения: 26.07.2024).

¹¹ Стенограмма Международной научно-практической конференции «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?». Институт социальной политики Высшей школы экономики, 2018. 86 с. // Высшая школа экономики: [сайт]. URL: https://isp.hse.ru/data/2019/01/09/1143757431/Конференция%20БД_14-11-2018_стенограмма.pdf (дата обращения: 17.07.2024).

регулирования, определение видов и структуры пенсий, выявление имеющихся противоречий и обоснование возможности трансформации пенсионной системы Российской Федерации путем введения в неё такого элемента как универсальный базовый пенсионный доход. Среди основных задач исследования стоит отметить следующие: изучение нормативно-правовых основ формирования и регулирования пенсионной системы в постсоветское время; определение видов и структурных элементов пенсий в российской пенсионной системе; выявление существующих проблем и противоречий в организации пенсионной системы России; исследование возможностей введения универсального базового пенсионного дохода в пенсионную систему Российской Федерации с теоретико-практической точки зрения.

Объектом исследования являются различные виды пенсий и их структурные элементы, составляющие пенсионную систему Российской Федерации, предметом исследования – противоречия и возможности трансформации пенсионной системы Российской Федерации с учётом внедрения универсального базового пенсионного дохода.

Гипотеза исследования состоит в том, что преобразование системы обязательного пенсионного страхования Российской Федерации путем введения универсального базового пенсионного дохода позволит, во-первых, обеспечить уровень материального обеспечения пенсионера не ниже прожиточного минимума пенсионера без необходимости дополнительных компенсационных (социальных) доплат и, во-вторых, фактически сформировать понятный, прозрачный государственный механизм установления минимального уровня пенсии в Российской Федерации.

Материалы и методы

Информационную основу исследования составили нормативные правовые акты, регламентирующие сферу пенсионного обеспечения в Российской Федерации, а также документы Международной организации труда, посвящённые международным нормам в области пенсий по старости. В качестве расчётных материалов использовались данные российской статистики в области пенсионного обеспечения, уровня жизни населения, социальной поддержки пенсионеров. Теоретическую основу исследования составили научные статьи, книги, монографии отечественных и зарубежных учёных по вопросам проведения пенсионных реформ, оценки эффективности пенсионной системы в России и за рубежом.

В качестве методов использованы следующие: анализ нормативно-правовых актов в сфере пенсионного законодательства и научной литературы

по изучаемой проблеме; систематизация и сравнительный анализ видов и структуры пенсий; расчётно-аналитический метод; метод исторического и логического обоснования изложенных подходов, а также их научный синтез. Данные методы научного исследования позволили выработать возможные решения по формированию минимального уровня пенсии в России.

Результаты исследования

В пенсионном законодательстве Российской Федерации, начиная с 2001 г. и до настоящего времени, реализованы следующие элементы современной российской пенсионной системы.

Так, в 2001 году был принят основополагающий Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» № 173-ФЗ от 17.12.2001, который создавал предпосылки для системного обеспечения минимальных страховых гарантий на уровне не ниже прожиточного минимума пенсионера (таблица 1).

Период 2002–2010 гг. характеризовался определением трудовых пенсий различных видов: по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца (таблица 1). При этом все эти виды пенсий объединила базовая часть, размер которой варьировался от 225 руб. до 1350 руб. в месяц в зависимости от соответствия различным условиям (инвалидность, наличие иждивенцев и др.)¹². Так, размер базовой части трудовой пенсии по старости составлял 450 руб. в месяц¹³.

Введение в пенсионную систему в качестве её элемента базовой части трудовой пенсии и фиксация необходимости её приближения к прожиточному минимуму пенсионера стало одной из принципиальных новаций пенсионной реформы 2002 года. Однако эту идею не удалось воплотить в жизнь. Так, в 2009 году размер базовой части трудовой пенсии по старости составлял (с 01.12.2009 г.) 2562 руб.¹⁴, а прожиточный минимум пенсионе-

¹² Федеральный закон от 17.12.2001 №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (редакция от 17.12.2001). Ст. 14. Размеры трудовых пенсий по старости.; Ст. 15. Размеры трудовой пенсии по инвалидности.; Ст. 16. Размеры трудовых пенсий по случаю потери кормильца. // КонсультантПлюс: [электронная корпоративная версия]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&id=34443&dst=100100> (дата обращения: 30.07.2024).

¹³ Федеральный закон от 17.12.2001 №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (редакция от 17.12.2001). Ст. 14. Размеры трудовых пенсий по старости. // КонсультантПлюс: [электронная корпоративная версия]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&id=34443&dst=100100> (дата обращения: 30.07.2024).

¹⁴ Федеральный закон от 17.12.2001 №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (редакция №19 от 30.06.2009). Статья 14. Размеры трудовых пенсий по старости. // КонсультантПлюс: [электронная корпоративная версия]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&id=87265&dst=100100,3> (дата обращения: 30.07.2024).

ра в целом по Российской Федерации равнялся 4100 руб.¹⁵.

Возможно, в связи с тем, что не удалось воплотить в реальность решение данной задачи, в 2010 году базовая часть трудовой пенсии, как один из элементов в структуре пенсии по старости, была упразднена. Взамен в 2010 году структура трудовой пенсии по старости сократилась до двух компонентов (страховой и накопительной частей), при этом страховая часть включала в себя фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости, что, по сути, представляло собой упразднённую базовую часть пенсии.

Однако, это не решало задачу обеспечения минимальных социальных гарантий пенсионерам на собственной стабильной основе. В связи с чем Федеральным законом от 24.07.2009 № 213-ФЗ для пенсионеров, у которых размер пенсии (с учётом всех дополнительных выплат) не достигал величины прожиточного минимума пенсионера в регионе их проживания, с 01.01.2010 г. была

введена социальная доплата к пенсии, которая продолжает существовать по настоящее время¹⁶. Такой способ социальной защиты пенсионеров был выбран для того, чтобы уровень материального обеспечения неработающего пенсионера не был ниже прожиточного минимума пенсионера в регионе проживания (ч. 1 ст. 12.1 Закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ).

В 2015 году по результатам пенсионной реформы 2014 года взамен базовой части в структуре страховой пенсии по старости появилась фиксированная выплата к страховой пенсии по старости, то есть теперь пенсия стала состоять из двух частей (страховой части и фиксированной выплаты к данной части). Так как проблема минимального уровня пенсий не была решена, то было решено продолжить использование социальной доплаты к пенсии. В текущий момент пенсия сохранила структуру 2015 года. В таблице 1 подробно отражена хронология изменения видов и структуры различных видов пенсий.

Таблица 1

Хронология изменения структуры видов трудовых и страховых пенсий в Российской Федерации (2002 г.–н. вр.)

Table 1

The Chronology of Changes in the Structure of Types of Labour and Insurance Pensions in the Russian Federation (2002–present)

Период, законодательный акт	Вид пенсии	Структура пенсии
С 01.01.2002 г. по 31.12.2009 г.; ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» № 173-ФЗ от 17.12.2001 (редакция № 1 от 17.12.2001 г.)	Вид трудовой пенсии, в т.ч.	В Законе № 173-ФЗ от 17.12.2001 (редакция № 1 от 17.12.2001 г.), ст. 5. «Виды трудовых пенсий и их структура», определена структура всех видов трудовой пенсии.
	1) трудовая пенсия по старости;	1) базовая часть: – индексируется с учётом темпов роста инфляции; – размеры базовых частей трудовой пенсии по старости, трудовой пенсии по инвалидности и трудовой пенсии по случаю потери кормильца <i>могут в целях поэтапного приближения к величине прожиточного минимума пенсионера устанавливаться отдельными федеральными законами;</i>
	2) трудовая пенсия по инвалидности;	2) страховая часть; 3) накопительная часть ¹⁷ .
	3) трудовая пенсия по случаю потери кормильца.	1) базовая часть; 2) страховая часть.

¹⁵ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Стат.сб. / Росстат. М., 2011. С.133.

¹⁶ Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О государственной социальной помощи». // Консультант-Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 29.07.2024); Федеральный закон от 24.07.2009 № 213-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования". // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/99229/> (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁷ Формирование накопительной части трудовой пенсии (с 01.01.2015 г. - накопительной пенсии) приостановлено с 01.01.2014 г. Основание: Федеральный закон от 04.12.2013 № 351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения». // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155248/ (дата обращения: 29.07.2024).

Период, законодательный акт	Вид пенсии	Структура пенсии
С 01.01.2010 г. по 2014 г. (включительно); ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» № 173-ФЗ от 17.12.2001 (редакция № 20 от 27.12.2009 г.); ФЗ № 213-ФЗ от 24.07.2009 г.	Вид трудовой пенсии, в т.ч.:	В Законе № 173-ФЗ от 17.12.2001 (редакция № 20 от 27.12.2009 г.), ст. 5. «Виды трудовых пенсий», определена структура трудовой пенсии по старости, при этом отсутствует информация по структуре трудовой пенсии по инвалидности и трудовой пенсии по случаю потери кормильца. Структуру двух последних видов пенсий можно определить исходя из формул расчёта размеров пенсии.
	1) трудовая пенсия по старости;	1) страховая часть (включая фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости (с 01.01.2010 г. базовая часть заменена на фиксированный базовый размер страховой части трудовой пенсии по старости ¹⁸); 2) накопительная часть.
	2) трудовая пенсия по инвалидности;	Согласно формуле расчёта трудовой пенсии по инвалидности (ст. 15 Закона) этот вид пенсии содержит в своей структуре <i>фиксированный базовый размер трудовой пенсии по инвалидности</i> .
	3) трудовая пенсия по случаю потери кормильца.	Согласно формуле расчёта трудовой пенсии по случаю потери кормильца (ст. 16 Закона) этот вид пенсии содержит в своей структуре <i>фиксированный базовый размер трудовой пенсии по случаю потери кормильца</i> .
С 01.01.2015 г. по н.вр. / Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»; Федеральный закон от 21.07.2014 № 216-ФЗ.	Виды страховых пенсий, в т.ч.:	В Законе № 400-ФЗ от 28.12.2013 г. отсутствует определение структуры всех видов страховых пенсий. Структуру пенсий можно определить исходя из формул расчёта размеров пенсии.
	1) страховая пенсия по старости ^{19,20} ;	1) Страховая пенсия по старости; 2) Фиксированная выплата к страховой пенсии по старости.
	2) страховая пенсия по инвалидности;	1) Страховая пенсия по инвалидности; 2) Фиксированная выплата к страховой пенсии по инвалидности.
	3) страховая пенсия по случаю потери кормильца.	1) Страховая пенсия по случаю потери кормильца; 2) Фиксированная выплата к страховой пенсии по случаю потери кормильца.
С 01.01.2015 г. по н.вр. / ФЗ от 28.12.2013 № 424-ФЗ «О накопительной пенсии»	Накопительная пенсия	Накопительная пенсия

Источник: составлено автором на основе анализа нормативно-правовых документов российского пенсионного законодательства.

Таким образом, отказ от выплаты базовой трудовой пенсии по старости с перспективой ее

¹⁸ Объединение базовой и страховой части пенсии с 1 января 2010 года // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/tyumen/news~2010/01/22/71687> (дата обращения: 04.06.2024).

¹⁹ Страховые и государственные пенсии – в чём отличие? // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/chechnya/news~2018/01/23/151553> (дата обращения: 04.06.2024).

²⁰ Гражданам о новой пенсионной формуле // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/kaliningrad/info~2023/12/05/3944> (дата обращения: 04.06.2024).

повышения до прожиточного минимума пенсионера и привёл к тому, что социальную доплату к пенсии в настоящее время получают не только те лица, которым жизненные обстоятельства не позволили заработать страховую пенсию, но и те, кто соответствует всем требованиям законодательства об обязательном пенсионном страховании. Так, по состоянию на 2023 год социальную доплату к пенсии получали около 15 % всех пенсионеров России, то есть более 6 млн человек, из них 45 % получали федеральную со-

циальную доплату (2,8 млн чел.), 55 % – региональную социальную доплату (3,4 млн чел.)²¹.

В рамках данной информации встаёт вопрос о значении и роли в структуре пенсии фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости. Фиксированная выплата к страховой пенсии по старости, которая является элементом страховой пенсии по старости с 2015 года, фактически заменила собой базовую часть пенсии. Её сумма устанавливается в твердом размере, законодательно математическая формула и порядок расчёта фиксированной выплаты, в том числе её повышенного размера, не определены. С 01.01.2024 фиксированная выплата к страховой пенсии установлена в размере 8134,88 руб.²², что в 1,6 раза меньше, чем размер федерального прожиточного минимума пенсионера в России (на 2024 год – 13290 руб.)²³.

Здесь же стоит отметить, что корректировка размера страховой пенсии по старости включает в себя ежегодную индексацию фиксированной выплаты к страховой пенсии и увеличение стоимости пенсионного коэффициента (балла). Факти-

чески темпы роста страховой пенсии с 01.01.2024 составили 7,5 %²⁴, при этом минимальная пенсия (без учёта социальной доплаты) пенсионера (без иждивенца), который заработал минимальное количество индивидуальных пенсионных баллов, не достигает уровня федерального прожиточного минимума пенсионера (в 2024 году разница между рассчитанным минимальным размером страховой пенсии по старости и размером федерального прожиточного минимума пенсионера составила 11,8 %, в 2023 году – 14,9 %) (таблица 2). То есть остаётся неясной сущность значения показателя фиксированной выплаты, так и её роль в составе страховой пенсии по старости с учётом необходимости делать дополнительные выплаты (социальная доплата к пенсии, другие доплаты и надбавки). К примеру, недавно Государственной Думой было принято решение о введении ежемесячной надбавки к пенсии (надбавка на уход) в размере 1200 руб. с ежегодной индексацией для пенсионеров старше 80 лет и инвалидов I группы²⁵.

Таблица 2

Соотношение размеров страховой пенсии по старости и федерального прожиточного минимума пенсионера (без иждивенцев)

Table 2

The Ratio of the Size of the Old-Age Insurance Pension and the Federal Subsistence Minimum Level of a Pensioner (without Dependents)

Показатель / Год	2023	2024
Стоимость пенсионного коэффициента (балла), руб.	123,77	133,05
Минимальная сумма индивидуальных пенсионных коэффициентов (баллов), необходимая для получения страховой пенсии по старости	25,8	28,2
Размер фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости, руб.	7567,33	8134,88
Итого размер страховой пенсии по старости (при минимальной сумме индивидуальных пенсионных баллов) ²⁶ , руб.	$123,77 \times 25,8 + 7567,33 = 10760,6$	$133,05 \times 28,2 + 8134,88 = 11886,9$
Размер федерального прожиточного минимума пенсионера, руб.	12363	13290

Источник: составлено автором на основе данных о пенсионной системе Российской Федерации²⁷.

²¹ Старшее поколение. Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии в целях доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума пенсионера в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 20.07.2024).

²² Справка о стоимости одного пенсионного коэффициента и размере фиксированной выплаты к страховой пенсии // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/57503442/> (дата обращения: 20.07.2024).

²³ Величина прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/soc_doplata/~10041 (дата обращения: 20.07.2024).

²⁴ Индексация пенсий // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/index_pens/ (дата обращения: 01.08.2024).

²⁵ Законопроект № 594960-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о совершенствовании мер социальной поддержки семей, имеющих детей, и пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/594960-8> (дата обращения: 26.07.2024).

²⁶ Размер страховой пенсии по старости рассчитывается по формуле СП = ИПК * СИПК + ФВ, где: СП – страховая пенсия; ИПК – это сумма всех пенсионных коэффициентов, начисленных на дату назначения гражданину страховой пенсии; СИПК – стоимость пенсионного коэффициента на дату назначения страховой пенсии.

²⁷ Справка о стоимости одного пенсионного коэффициента и размере фиксированной выплаты к страховой пенсии // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/57503442/> (дата обращения: 20.07.2024); Как формируется и рассчитывается будущая пенсия // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/workers/kak_form_bud_pens/ (дата обращения: 01.08.2024); Величина прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации 2024 // Социальный Фонд

Кроме того, стоимость пенсионного балла и минимальное количество баллов, которые нужно набрать для получения страховой пенсии по старости, являющейся основным видом страховых пенсий в системе обязательного пенсионного страхования, ежегодно меняются, устанавливаются государством. Получается, что гражданин, готовый выйти на пенсию в следующем году, не знает будущую стоимость пенсионного балла²⁸.

Как результат, важно отметить, что многократное реформирование пенсионной системы в России направлено на реализацию одной из основных задач: достижение приемлемого уровня пенсионного обеспечения населения [11, с. 1593]. При этом нельзя не согласиться, что процесс реформирования пенсионной системы требует стратегического подхода с учётом постановки конкретных задач на долгосрочную перспективу [10, с. 613].

Обсуждение и предложения

Ещё в 2018 году Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации по вопросам социальной политики Голикова Т.А.²⁹ сообщила о планах Правительства РФ по уходу от балльной пенсионной системы на индивидуальный расчёт пенсии в целях большей прозрачности и понятности системы, когда взносы на трудовую пенсию фиксируются не в баллах, а в рублях (такая формула уже работала в России с 2002 по 2014 год)³⁰.

Публикации подтверждают, что механизм индексации страховых пенсий через процедуру увеличения стоимости одного пенсионного коэффициента (балла), не универсален и иногда показывает свою неработоспособность [15]. Предлагается использовать для оценки уровня страховых пенсий по старости в качестве основного показателя – коэффициент замещения³¹ в сочетании

с дополнительным показателем – прожиточным минимумом пенсионера [15]. Отмечается, что коэффициент замещения не всегда стоит рассматривать как ключевой индикатор адекватности пенсионных доходов граждан, так как высокий коэффициент замещения может быть получен в случае получаемой ранее более низкой заработной платы, чем предоставленная пенсия с социальной доплатой до прожиточного минимума пенсионера [16].

Дискутируется оптимизация механизма пенсионных прав в части изменения структуры пенсии в трёхуровневую (1-й уровень – обязательная солидарно-страховая; 2-й уровень – обязательная накопительно-страховая; 3-й уровень – добровольно-накопительная) и необходимости учёта при организации 1-го уровня защиты пенсионных прав минимальных международных норм социального обеспечения (социальных стандартов) [17].

Экспертами [18] также отмечается, что только путём реформ внутри пенсионной системы невозможно создать эффективную пенсионную систему в связи с сильным влиянием на неё демографических и макроэкономических факторов.

Формирование минимальных пенсионных гарантий не ниже прожиточного минимума пенсионера, исключающее всевозможные доплаты до этой величины, может быть реализовано введением в пенсионную систему нашей страны элементов универсального базового дохода³². Ряд исследований российских учёных обосновывает возможности и пути введения этого нового инструмента государственной социальной политики в пенсионную систему [12–14]. Отмечается, что в государственном обязательном пенсионном страховании в качестве элемента базового дохода представлена фиксированная выплата (ранее – базовая часть пенсии)³³, а в государственном пенсионном обеспечении – социальная пенсия по старости³⁴.

вида дохода, получаемого обеспечиваемыми лицами до установления им соответствующих страховых выплат.

³² Универсальный базовый доход (Universal Basic Income (UBI) – регулярная денежная выплата, выплачиваемая лично каждому, без необходимости соответствовать каким-либо условиям, в том числе требованиям, связанным с работой или желанием работать, а также доказывать соответствие. Основными критериями являются универсальность, персональный характер выплат, монетарная форма, регулярность, отсутствие необходимости доказывать соответствие критериям для получения выплаты. About basic income // Basic Income Earth Network: [сайт]. URL: <https://basicincome.org/about-basic-income/> (дата обращения: 28.07.2024). BIEN (Basic Income Earth Network) – сеть исследователей и активистов в области базового дохода. Существует с 1986 года и занимает центральное место в методологических вопросах, связанных с базовым доходом, а также формирует курс, по которому развивается наука о базовом доходе.

³³ Гонтмахер Е.Ш. Лекция о пенсионных системах. // YouTube: [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=iQcTW_noSCg (дата обращения: 07.05.2024).

³⁴ Захаров И.Н. Совершенствование обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации: дисс.канд.

России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/soc_doplata/~10041 (дата обращения: 20.07.2024); Величина прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации 2023 // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/soc_doplata/~8414 (дата обращения: 20.07.2024).

²⁸ На 27.07.2024 стоимость пенсионного балла на 2025 год не опубликована. См. Стоимость одного пенсионного коэффициента (балла) // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/57503442/> (дата обращения: 26.07.2024).

²⁹ Голикова Т.А. Биография. // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/gov/persons/12/bio/> (дата обращения: 29.07.2024).

³⁰ Степанова А. Зачем нужно отказываться от балльной пенсионной системы? 18.08.2018. // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5300263> (дата обращения: 28.07.2024).

³¹ Коэффициент замещения определяется процентным соотношением размеров выплат в системе обязательного социального страхования (пенсии, пособия) с размером заработка, денежного содержания (довольствия) или другого

Подчёркивается, что формирование базовой части пенсии позволит проводить индексацию по единым правилам, а не посредством введения надбавок [19, с. 266], а возможность поглощения базовой частью трудовой пенсии всех надбавок, компенсаций и прочих добавок к пенсии является важным концептуальным прорывом и новацией пенсионной реформы [19, с. 272]. С другой стороны, существует мнение о том, что разделение трудовой пенсии на несколько частей (базовую, страховую и накопительную) является уязвимостью пенсионной системы [19, с. 325–326]. Это обосновывается тем, что утрачивается предназначение социальной пенсии, то есть, другими словами, должно быть 2 составляющие в пенсии: страховая и накопительная части, а в случае, если гражданин не заработал на страховую пенсию, то у него есть право на получение социальной пенсии [7].

Согласно Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (последняя редакция от 2018 г.) одним из ожидаемых результатов к 2030 году является обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости на уровне 2,5–3,0 прожиточного минимума пенсионера³⁵. Между тем, в 2023 году средний размер трудовой пенсии по старости составил только 1,7 прожиточного минимума пенсионера³⁶, и не достиг уровня 2014 г. Соотношение среднего размера назначенной пенсии и заработной платы в 2023 г. продолжало снижаться. Оно составило относительно заработной платы работников организаций 26,0 % (27,3 % в 2022 г.; 29,1 % в 2021 г.), всех наёмных работников 34,1 % (35,2 % в 2022 г.; 36,2 % в 2021 г.)³⁷. Без кардинальных изменений составных частей российской пенсии и пенсионной динамики реализация намеченных рубежей к 2030 г. представляется проблемной.

Считаем необходимым установить универсальный базовый пенсионный доход в размере прожиточного минимума пенсионера в регионе проживания. Примерный расчёт дополнительных средств, необходимых для доведения базовой части трудовой пенсии (базового пенсионного

эконом. наук: 08.00.05 / науч. рук. д-р эконом. наук Локтюхина Н.В.; Шульга М.В.; Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва. 2022. 228 с.

³⁵ Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 N 2524-р (ред. от 24.10.2018) «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации» // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: <https://sfr.gov.ru/order/sofinansirovanie/~2327> (дата обращения: 07.07.2024).

³⁶ Величина ПМ пенсионера, определённая по методологии-2014–2020, в 2023 г. составила 12548 руб.

³⁷ Мониторинг доходов и уровня жизни населения России–2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с.

дохода) до прожиточного минимума (по состоянию на 2023 г.) показывает следующее:

Необходимые средства = ПМ пенсионера (12 363 руб.) * численность получателей трудовой пенсии по старости, инвалидности и по потере кормильца (37 829 000 чел.) * 12 мес. = 5 612 159 124,0 тыс. руб.

Уже выплачиваемые средства = Фиксированная выплата к страховой пенсии (в среднем) (7 567,33 руб./мес.) * численность получателей (37 829 000 чел.) * 12 мес. + денежные выплаты социальной доплаты к пенсии до прожиточного минимума пенсионера (4 907 руб./мес. * [общее число получателей социальной доплаты к пенсии до прожиточного минимума - получатели социальной пенсии] * 12 мес.) = 3 435 174 318 840,0 + (4 907 руб./мес. * [6 246 917 чел. (все получатели) - 3 361 000 чел. (получатели социальной пенсии)] * 12 мес.) = 3 435 174 318 840,0 + 169 934 336 628,0 = 3 605 108 655, 468 тыс. руб. **Итого, дополнительно в 2023 году потребовалось бы выплатить:** 5 612 159 124, 0 - 3 605 108 655, 468 = 2 007 050 468, 532 тыс. руб. ≈ 2,0 трлн руб.³⁸

Приблизительные расчёты показывают, что на обеспечение базового пенсионного дохода потребуются дополнительные средства в размере около 2,0 трлн руб. Представленные результаты могут быть ориентировочными, что связано с тем, что при расчёте необходимых средств используется величина федерального прожиточного минимума пенсионера, при этом известно, что в регионах страны установлены разные величины прожиточного минимума пенсионера, в большинстве из них они ниже, чем величина федерального прожиточного минимума. Так, например, в 2023 году в 58 регионах России производилась федеральная социальная доплата до регионального прожиточного минимума пенсионера, который ниже величины федерального прожиточного минимума³⁹. Данный факт

³⁸ Расчёты проведены с использованием следующих источников: Социальное положение и уровень жизни населения России. Ст.сб. / Росстат. М., 2023. 284 с.; Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: [Ежегодник]. Вып. 2(203) / В. Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова [и др.]; отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 182 с.; Статистический бюллетень «Реализация мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в 2023 году». Росстат, Москва, 2024. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13291> (дата обращения: 27.07.2024). При расчёте сделаны следующие допущения: не учтены расходы на выплаты по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также принят одинаковый средний размер регулярной федеральной и региональной денежной выплаты пенсионерам, получающим социальную доплату к пенсии, до размера прожиточного минимума, руб. в месяц на 1 получателя.

³⁹ Величина прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации 2023 // Социальный Фонд

также подтверждается результатами исследования [20] по вопросу прогнозирования доходов обязательного уровня пенсионной системы Российской Федерации, в котором отмечается, что моделирование объёмов поступления взносов в обязательный уровень пенсионной системы без учёта территориальных различий приводит к завышению прогнозных оценок. Для повышения точности расчётов необходимо учитывать различия в размере прожиточного минимума пенсионера в региональном разрезе.

Здесь также стоит отметить, что в расчётах не учтены затраты Социального фонда России на возмещение страховой части пенсии, сумма которой также учитывается при подсчёте общей суммы материального обеспечения пенсионера в целях доведения уровня материального обеспечения до величины прожиточного минимума пенсионера, и, соответственно, для расчёта размера социальной доплаты. Для более детального расчёта также требуется тщательный анализ основных характеристик бюджета Социального Фонда России, сведений о средних размерах страховой пенсии (без учёта фиксированной выплаты), социальной доплаты к пенсии с учётом регионального признака.

Фактические расходы Социального фонда России в 2023 году составили 13 858 333 858,7 тыс. руб., в том числе по обязательному социальному страхованию – 9 227 520 272, тыс. руб.⁴⁰. Из сопоставления фактических и гипотетических дополнительных расходов Социального фонда России вытекает, что при дополнительной финансовой поддержке государства и внесении изменений в структуру расходов Социального фонда России введение базового пенсионного дохода для получателей трудовых пенсий по старости, пенсий по инвалидности и по потере кормильца, было бы вполне осуществимо. В свою очередь, установление базового дохода позволит установить минимальный порог пенсии на всей территории Российской Федерации.

Заключение

На основании вышесказанного предлагаем принять меры, которые позволят сформировать в России базовый уровень пенсионного обеспечения по старости, инвалидности и по потере кормильца. В качестве такого инструмента социальной политики, который повысит уровень социальных гарантий получателей страховой

пенсии и гарантирует базовую выплату всем этим без исключения категориям пенсионеров на уровне не ниже прожиточного минимума пенсионера, предлагаем ввести в пенсионную систему Российской Федерации универсальный базовый пенсионный доход. Универсальным базовым пенсионным доходом предлагаем считать базовую часть трудовой пенсии по старости, так как это было предусмотрено в пенсионной реформе 2002 г.⁴¹, с включением в неё федеральной и региональной социальной доплаты к пенсии.

По итогам проведённого исследования подтверждена его гипотеза о том, что введение универсального базового пенсионного дохода как элемента пенсионной системы для получателей пенсии по старости, инвалидности и потере кормильца позволит установить уровень материального обеспечения пенсионера не ниже уровня прожиточного минимума пенсионера в регионе проживания одной выплатой и, фактически сформирует понятный, прозрачный государственный механизм установления минимального уровня пенсии в Российской Федерации.

При этом расчёты гипотетических дополнительных расходов на выплату пенсий на уровне федерального прожиточного минимума показали, что реализация данной инициативы возможна. В дальнейшем целесообразно провести более детальные расчёты расходов на выплату пенсий с учётом введения базового дохода в разрезе видов пенсий (по старости, по инвалидности, по потере кормильца) с учётом региональных размеров прожиточного минимума пенсионера.

При проведении таких преобразований российская система обязательного социального страхования будет включать базовый пенсионный доход и страховые выплаты, увязанные с размерами заработной платы. Для отдельных категорий лиц, например, инвалидов I группы, у которых фиксированная выплата к страховой пенсии по инвалидности превышает размер федерального или регионального прожиточного минимума, предлагается оставить её без изменений. В условиях проведения специальной военной операции обеспечение достойного уровня жизни и повышение уровня гарантий ветеранов специальной военной операции, получивших увечья и ставших инвалидами, станет важным политическим решением.

России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/pensionres/soc_doplata/~8414 (дата обращения: 20.07.2024).

⁴⁰ Показатели отчёта о финансовых результатах деятельности СФР за 2023 год. // Социальный Фонд России: [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/about/budget_reporting/~8593 (дата обращения 28.07.2024).

⁴¹ Федеральный закон от 17.12.2001 №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (редакция №1 от 17.12.2001). // КонсультантПлюс: [электронная корпоративная версия]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=34443&dst=100100> (дата обращения: 30.07.2024).

Список литературы

1. Figari F, Matsaganis M., Sutherland H. The financial well-being of older people in Europe and the redistributive effects of minimum pension schemes. EUROMOD Working Paper. No. EM7/11. Colchester: University of Essex, Institute for Social and Economic Research, 2011. 29 p.
2. Microsimulation of Social Policy in the European Union: Case Study of a European Minimum Pension / T. Atkinson, F. Bourguignon, C. O'Donoghue, H. Sutherland, & F. Uti // *Economica*. 2002. Vol. 69(274). P. 229–243. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.00281>
3. Goedemé T., Wim V. L. A Universal Basic Pension for Europe's Elderly: Options and Pitfalls // *Basic Income Studies*. 2009. Vol. 4(1). P. 1–26. <https://doi.org/10.2202/1932-0183.1119>
4. Hinrichs K. Recent pension reforms in Europe: More challenges, new directions. An overview // *Social Policy and Administration*. 2021. Vol. 55(3). P. 409–422. <https://doi.org/10.1111/spol.12712>
5. Holzmann R. Global pension systems and their reform: Worldwide drivers, trends, and challenges, IZA Discussion Papers. No. 6800. Bonn: Institute for the Study of Labor, 2012. 25 p.
6. Jiménez-Martín S. The incentive effects of minimum pensions // *IZA World of Labor*. 2014. Vol. 84. <https://doi.org/10.15185/izawol.84>
7. Дегтярев Г.П. Концептуальные неувязки пенсионной реформы // *Уровень жизни населения регионов России*. 2008. № 8(126). С. 18–28. EDN MBWHVB
8. Егоршин А.П., Гуськова И.В. Трансформация экономики России в 90-е годы и ее влияние на пенсионную систему // *Социально-трудовые исследования*. 2022. № 47(2). С. 132–140. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-47-2-132-140> EDN TVUMBT
9. Соловьев А.К. Страховая пенсионная реформа: стратегические вызовы и тактические риски // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 4(175). С. 82–94. EDN SZBVVT
10. Чичканов В.П., Чистова Е.В. Реформирование пенсионной системы России: направления развития и критерии оценки // *Журнал экономической теории*. 2019. Том 16. № 4. С. 606–616. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.1> EDN YKJVNR
11. Блохина О.С. Пенсионная реформа: оценка основных показателей развития пенсионной системы России // *Экономика труда*. 2023. Том 10. № 10. С. 1585–1598. <https://doi.org/10.18334/et.10.10.119272>
12. Бобков В.Н., Пилюс А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // *Российский экономический журнал*. 2024. № 4. С. 87–113.
13. Гонтмахер Е.Ш. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века? // *Экономическая политика*. 2019. Том 14. № 2. С. 156–177. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-156-177> EDN ZEUZML
14. Некрасов Ф.О. Безусловный базовый доход: от утопии к реальности // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2020. № 18. С. 108–118. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-108-118> EDN LVNTCD
15. Воронин Ю.В., Савицкая Т.М. Проблемы реализации стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации // *Социальное и пенсионное право*. 2016. № 4. С. 3–20. EDN WJICWB
16. Козлов П.А. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: анализ промежуточных результатов // *Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова*. 2015. № 3(81). С. 70–76. EDN TSXBUD
17. Соловьев А.К. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы России // *Финансы*. 2012. № 3. С. 53–57. EDN OUQJRD
18. Соловьев А.К. Макроанализ пенсионной системы России // *Вопросы экономики*. 2013. № 4. С. 82–93. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-4-82-93> EDN PYATSX
19. Дегтярев Г.П. Пенсионные реформы в России. М.: Academia, 2003. 336 с. ISBN 5-87444-184-0 EDN SUFJON
20. Михайлова С.С. Прогнозирование доходов обязательного уровня пенсионной системы Российской Федерации // *Вопросы статистики*. 2015. № 4. С. 67–73. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-4-67-73>

Информация об авторе:

Екатерина Андреевна Смирнова – кандидат экономических наук, доцент, доцент базовой кафедры Торгово-промышленной палаты Российской Федерации «Управление человеческими ресурсами», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (SPIN-код: 4549-7878) (РИНЦ AuthorID: 673507) (ResearcherID ABD-3297-2020) (Scopus Author ID: 57222903526)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 31.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Figari F, Matsaganis M., Sutherland H. The financial well-being of older people in Europe and the redistributive effects of minimum pension schemes. EUROMOD Working Paper. No. EM7/11. Colchester: University of Essex, Institute for Social and Economic Research; 2011. 29 p.
2. Atkinson T., Bourguignon F., O'Donoghue C., et al. Microsimulation of Social Policy in the European Union: Case Study of a European Minimum Pension. *Economica*. 2002;69(274):229–243. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.00281>
3. Goedemé T., Wim V. L. A Universal Basic Pension for Europe's Elderly: Options and Pitfalls. *Basic Income Studies*. 2009;4(1):1–26. <https://doi.org/10.2202/1932-0183.1119>
4. Hinrichs K. Recent pension reforms in Europe: More challenges, new directions. An overview. *Social Policy and Administration*. 2021;55(3):409–422. <https://doi.org/10.1111/spol.12712>

5. Holzmann R. Global pension systems and their reform: Worldwide drivers, trends, and challenges, IZA Discussion Papers. No. 6800. Bonn: Institute for the Study of Labor; 2012. 25 p.
6. Jiménez-Martín S. The incentive effects of minimum pensions. *IZA World of Labor*. 2014;84. <https://doi.org/10.15185/izawol.84>
7. Degtyarev G.P. Kontseptual'nye Neuvyazki Pensionnoi Reformy. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2008;(8(126)):18-28. (In Russ.)
8. Egorshin A.P., Gus'kova I.V. Transformation of the Russian Economy in the 1990s and its Impact on the Pension System. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2022;(47(2)):132-140. (In Russ.)
9. Solov'ev A. K. Insurance Pension Reform: Strategic Challenges and Tactical Risks. *Studies on Russian Economic Development*. 2019;30(4):425-433. <https://doi.org/10.1134/S1075700719040130>.
10. Chichkanov V.P., Chistova E.V. Reform of the Russian Pension System: Development Directions and Evaluation Criteria. *Zhurnal ekonomicheskoy Teorii=Russian Journal of Economic Theory*. 2019;16(4): 606-616. (In Russ.)
11. Blokhina O.S. Pension reform: main indicators of Russian pension system development. *Ehkonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(10):1585-1598. (In Russ.)
12. Bobkov V.N., Pilus A.G., Smirnova E.A. Basic Income and Pension Systems: a Review of Research and Contours of Transformations. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2024;(4):87-113. (In Russ.)
13. Gontmakher E.Sh. Basic Income as a Prologue to Social Policy of the 21st Century. *Ekonomicheskaya Politika=Economic Policy*. 2019;14(2):156-177. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-2-156-177> (In Russ.)
14. Nekrasov F.O. Unconditional Basic Income: from Utopia to Reality. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN=Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS*. 2020;(18):108-118. <https://doi.org/10.47711/2076-318-2020-108-118>. (In Russ.)
15. Voronin YU.V., Savitskaya T.M. Problems of Realization of Long-Term Development Strategy of of the Pension System of the Russian Federation. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo=Social and Pension Law*. 2016;(4):3-20. (In Russ.)
16. Kozlov P.A. Strategy of Long-Term Development of Russian Pension system: Analysis of Interim Results. *Vestnik REA im. G. V. Plekhanova=Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2015;(3(81)):70-76. (In Russ.)
17. Solov'ev A.K. Strategiya Dolgosrochnogo Razvitiya Pensionnoi Sistemy Rossii. *Finansy=Finance*. 2012;(3):53-57. (In Russ.)
18. Solovyev A.K. The Macroanalysis of Russian Pension System. *Voprosy Ekonomiki*. 2013;(4):82-93. (In Russ.)
19. Degtyarev G.P. Pensionnye Reformy v Rossii. Moscow: Publishing House Academia; 2003. 336 p. ISBN 5-87444-184-0. (In Russ.)
20. Mihaylova S.S. Income Forecasting of the Mandatory Pension Insurance of the Russian Federation. *Voprosy Statistiki*. 2015;(4):67-73. (In Russ.)

Information about the author:

Ekaterina A. Smirnova – PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Basic Department of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation «Human Resource Management», Plekhanov Russian University of Economics (SPIN-code: 4549-7878) (PIHJ AuthorID: 673507) (ResearcherID ABD-3297-2020) (Scopus Author ID: 57222903526)
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 31.07.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 330.59

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_6_397_414

EDN XRUZBV

Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России

Елена Владимировна Кабашова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

(e_kabashova@bk.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0948-3518>)

Аннотация

Актуальной проблемой пространственного развития Российской Федерации продолжает оставаться высокая степень межрегиональных различий показателей социально-экономического развития в целом, в том числе уровня и качества жизни населения. В статье проведён анализ различий основных показателей качества и уровня жизни населения среди регионов России. Для сравнительной оценки регионов по качеству и уровню жизни населения разработаны интегральные показатели (объективный и субъективный), включающие оценку рынка труда и качества занятости, материального положения, а также жилищной обеспеченности и качества жилищных условий. Целью статьи является выявление межрегиональных различий на основе разработанных рейтингов объективных и субъективных интегральных показателей качества и уровня жизни населения в России. Результаты исследования основаны на официальных статистических данных Росстата и итогах Комплексного наблюдения условий жизни населения (2014, 2018, 2022 гг.). Методика проведённого исследования основана на применении экспертного метода Паттерн, что дало возможность рассчитать рейтинги субъектов Российской Федерации по интегральным показателям качества и уровня жизни населения. В статье проведён динамический анализ региональных различий в качестве и уровне жизни с 2014 по 2022 гг., а также выявлены основные тенденции и особенности развития субъектов Российской Федерации. Научная новизна исследования заключается в разработке методических рекомендаций по оценке межрегиональных различий в качестве и уровне жизни населения на основе рейтингов интегральных показателей: объективных и субъективных, и их компонент, учитывающих материальную основу качества и уровня жизни населения. Разработанная рейтинговая методика оценки позволила выявить не только изменения интегральных показателей, но и основные причины таких изменений.

Ключевые слова: межрегиональные различия, качество и уровень жизни населения, труд, качество занятости, материальное положение, доходы населения, жильё, интегральный показатель, рейтинг, регион

Для цитирования: Кабашова Е.В. Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 397–414. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_6_397_414 EDN XRUZBV



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_6_397_414

Interregional Differences in the Quality and Standard of Living of the Russian Population

Elena V. Kabashova

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(e_kabashova@bk.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0948-3518>)

Abstract

An urgent problem of the spatial development of the Russian Federation continues to be a high degree of interregional differences in indicators of socio-economic development in general, including the level and quality of life of the population. The article analyzes the differences in the main indicators of the quality and standard of living of the population among the regions of Russia. For a comparative assessment of regions by the quality and standard of living of the population, integral indicators (objective and subjective) have been developed, including an assessment of the labor market and the quality of employment, financial situation, as well as housing security and the quality of housing conditions. The purpose of the article is to identify interregional differences based on the developed ratings of objective and subjective integral indicators of the standard of living of the population in Russia. The results of the study are based on official statistical data from Rosstat and the results of a comprehensive observation of the living conditions of the population (2014, 2018, 2022). The methodology of the study is based on the use of the expert Pattern method, which made it possible to calculate the ratings of the subjects of the Russian Federation according to integral indicators of the quality and standard of living of the population. The article provides a dynamic analysis of regional differences in the quality and standard of living from 2014 to 2022, and identifies the main trends and features of the development of the subjects of the Russian Federation. The scientific novelty of the study lies in the development of a methodological recommendations for assessing interregional differences in the standard of living of the population based on ratings of integral indicators: objective and subjective, and their components, taking into account the material basis of the quality and standard of living of the population. The developed rating assessment methodology made it possible to identify not only changes in integral indicators, but also the main reasons for such changes.

Keywords: interregional differences, quality and standard of living of the population, labor, quality of employment, financial situation, income of the population, housing, integral indicator, rating, region

For citation: Kabashova E.V. Interregional Differences in the Quality and Standard of Living of the Russian Population. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):397–414. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_6_397_414 (In Russ.)



Введение

На сегодняшний день значительные диспропорции в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации, обусловленные, с одной стороны, их географическим положением, природными ресурсами, а также промышленным, человеческим, инвестиционным, научным потенциалом и др., с другой стороны – многонациональностью, многоконфессиональностью, менталитетом [1, с. 161] и др., проявляются и в существенных различиях в показателях уровня и качества жизни населения. Учёные считают, что «пространственное развитие всегда неравномерно, это его объективное свойство» [2], а определённый уровень социально-экономического неравенства даже необходим [3, с. 80].

Проблемы межрегиональных различий на сегодняшний день всё чаще находят отражение в научных исследованиях российских и зарубежных учёных [4]. По мнению экспертов, в современных условиях необходима трансформация старых и разработка новых подходов к изучению межрегионального неравенства [5]. Одной из новых областей научных поисков, которая нашла отражение в данном исследовании, является выявление взаимосвязи между социально-экономическим неравенством и социальным самочувствием населения в регионах России [6], неравенством и социальным напряжением [7]. При изучении межрегионального неравенства учёные разрабатывают интегральные показатели, включающие в себя основные аспекты качества и уровня жизни населения.

В данном направлении некоторые учёные используют методику, разработанную ООН, по расчёту Индекса человеческого развития (ИЧР) и дополняют её различными показателями. Например, использование в качестве компонент ИЧР социального индекса потребностей в семейной жизни и трудовой деятельности, а также индекса потребностей в признании и уважении и др. [8, с. 248]; естественного прироста населения, распространения алкоголизма и наркомании, числа убийств и др. [9], экологического фактора [10].

Ряд исследований зарубежных учёных посвящён разработке обобщённой модели ИЧР [11], расчёту индекса устойчивого человеческого развития [12], оценке взаимосвязи между компонентами ИЧР и благополучием населения [13], а также выявлению факторов, влияющих на ИЧР [14].

В научных исследованиях для выявления существенной связи между интегральными показателями качества и уровня жизни и параметрами социально-экономической политики разрабатываются регрессионные модели [15, с. 451; 16]. В работах отечественных учёных проводится динамический анализ измерения степени неравенства уров-

ня жизни в регионах РФ. Выявлено, что различия между регионами РФ по таким показателям качества и уровня жизни и их ресурсного обеспечения как денежные доходы и конечное потребление на душу населения «довольно невелики и относительно стабильны» [17, с. 48]. В ходе проведённого анализа динамики индекса Тейла и интегрального децильного коэффициента обнаружено долгосрочное и существенное нарастание межрегионального неравенства в РФ [18, с. 74]. В работе [19] показаны значительные межрегиональные разрывы по основным показателям уровня жизни, а также выявлены субъекты РФ «с высокой концентрацией индикаторов, свидетельствующих о социальном неблагополучии». В результате разработанной типологии субъектов РФ по качеству жизни населения установлен практически постоянный состав регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров, а также рост различий в уровне социально-экономического развития между ними [20]. Межрегиональный разрыв в России в уровнях бедности определяется территориальными особенностями, влияющими преимущественно на доходы, занятость, условия проживания и др. [21].

В научном труде [22, с. 82] изучается доходное неравенство как главный показатель «монетарного компонента уровня жизни». Результаты исследований [23] показали, что больше половины населения имеет доходы, «покупательная способность которых значительно меньше, чем у среднестатистических денежных доходов», причиной тому является высокая степень экономического неравенства, при котором 47% доходов принадлежит пятой квинтильной группе населения. В [24] выявлено, что уровень неравенства денежных доходов и уровня безработицы в значительной степени определяется МРОТ. Расчёту рейтинга регионов России, как одному из методических инструментов исследования межрегиональных различий, посвящены научные труды [25, с. 36; 26, с. 44].

Научные исследования по оценке качества и уровня жизни населения, ввиду многоаспектности самой категории, поставленным целям, весьма разнообразны по анализируемым показателям качества и уровня жизни, применяемым методикам и инструментарию. Однако проблема оценки межрегиональных различий в качестве и уровне жизни населения на сегодняшний день остаётся актуальной и требует дальнейших научных разработок. В связи с чем предлагаемые методические рекомендации оценки межрегиональных различий основных аспектов качества и уровня жизни населения (занятости, доходов и жилья) на основе рейтинга разработанных объективных и субъективных интегральных показателей являются актуальными и востребованными.

Цель исследования – выявление межрегиональных различий на основе разработанных рейтингов объективных и субъективных интегральных показателей качества и уровня жизни населения в России.

Для достижения поставленной цели в процессе исследования нами решены следующие задачи:

- формирование системы показателей качества и уровня жизни населения, характеризующих труд и качество занятости, материальное положение, обеспеченность жильём и качество жилищных условий на основе статистических показателей и социальных индикаторов;

- создание базы данных по всем регионам Российской Федерации, состоящей из статистических показателей и показателей, характеризующих социальное самочувствие населения по результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения;

- расчёт объективных и субъективных интегральных показателей качества и уровня жизни населения, включающий оценку рынка труда и качества занятости, материального положения, жилищной обеспеченности для сравнительной оценки регионов по качеству и уровню жизни;

- разработка рейтингов регионов России по объективным и субъективным интегральным показателям качества и уровня жизни; выявление зависимости между ними, а также взаимосвязи с уровнем социально-экономического развития регионов;

- проведение динамического анализа региональных различий в качестве и уровне жизни, а также выявление основных тенденций и особенностей развития отдельных субъектов Российской Федерации.

Объект исследования – оценка качества и уровня жизни населения России.

Предмет исследования – межрегиональные различия на основе объективных и субъективных показателей качества и уровня жизни населения.

Гипотеза исследования, исходя из поставленных задач, состоит в том, что между рейтингами объективных и субъективных интегральных показателей, т.е. между достигнутыми качеством

и уровнем жизни и тем, как его воспринимает и оценивает само население, существует прямая, по силе, хотя бы, средняя связь.

Эмпирическая база исследования интегрирует в себе официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации в региональном разрезе за 2014, 2018, 2022 гг., показатели Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), итоги Обследования населения по проблемам занятости, Обследования рабочей силы (ОРС), а также разработанные социальные индикаторы из вопросника для домохозяйств и индивидуального вопросника для лиц в возрасте 15 лет и более Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ).

Научная новизна данного исследования заключается в разработке методических рекомендаций оценки межрегиональных различий в качестве и уровне жизни населения на основе рейтингов интегральных показателей: объективных и субъективных, и их компонент, учитывающих материальную основу качества и уровня жизни населения.

Практической значимостью проведённого исследования является то, что основные положения и выявленные зависимости могут быть использованы при разработке направлений и мер государственной социальной политики по повышению качества и уровня жизни населения и сокращению его межрегионального неравенства.

Данные для исследования

Межрегиональные различия в уровне жизни населения достаточно хорошо прослеживаются при составлении рейтингов регионов. По оценке экспертов, российские учёные довольно часто используют рейтинги, рассчитанные по данным государственной статистики [27, с. 49]. Сводные рейтинговые баллы по качеству жизни населения и позиции в рейтинге (Р) ежегодного рейтинга регионов России, проводимого агентством РИА Рейтинг и рассчитанного по данным Росстата, Минздрава, Минфина, Центробанка, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Рейтинг регионов России по качеству жизни населения

Table 1

Rating of Russian Regions by the Quality of Life of the Population

Регионы	2014 г.		2018 г.		2022 г.		Изменение (+/-)	
	балл	Р	балл	Р	балл	Р	балла	Р
Регионы – лидеры по качеству жизни								
г. Москва	74,6	1	77,4	1	83,0	1	8,4	-
г. Санкт-Петербург	72,2	2	75,7	2	82,3	2	10,2	-
Московская область	60,3	3	66,1	3	78,2	3	17,9	-

Окончание таблицы 1

Регионы	2014 г.		2018 г.		2022 г.		Изменение (+/-)	
	балл	Р	балл	Р	балл	Р	балла	Р
Республика Татарстан	59,2	4	66,0	4	72,1	4	12,9	-
Краснодарский край	58,8	5	64,0	6	71,2	5	12,4	-
Белгородская область	54,7	6	64,4	5	66,8	6	12,0	-
Ленинградская область	47,6	20	58,1	11	65,1	7	17,5	13
Калининградская область	51,4	11	58,9	10	63,6	8	12,3	3
Ханты-Мансийский автономный округ	51,3	12	60,1	8	63,5	9	12,2	3
Самарская область	50,3	13	54,2	18	63,2	10	12,9	3
Регионы с низким качеством жизни								
Архангельская область	36,7	67	35,7	75	39,1	76	2,4	-9
Курганская область	32,0	76	28,9	79	37,0	77	4,9	-1
Республика Калмыкия	32,0	82	28,8	81	36,5	78	4,5	4
Республика Алтай	26,8	81	28,8	80	35,4	79	8,6	2
Карачаево-Черкесская Республика	31,1	79	25,3	84	35,1	80	4,0	-1
Республика Бурятия	32,1	75	30,5	77	34,5	81	2,5	-6
Забайкальский край	32,6	73	27,2	83	32,0	82	-0,6	-9
Еврейская автономная область	32,1	74	29,9	78	31,7	83	-0,4	-9
Республика Ингушетия	30,2	80	28,5	82	31,3	84	1,1	-4
Республика Тыва	18,5	83	16,2	85	23,8	85	5,3	-2

Источники: составлено по данным Росстата¹.

Таким образом, у регионов-лидеров с 1-го по 6-е место по качеству жизни наблюдаются рейтинговая стабильность за достаточно длительную динамику, а именно: с 2014 по 2022 г. Остальные регионы в первой десятке лидеров улучшили свои позиции в 2022 г. по сравнению с 2014 г. У регионов с низким качеством жизни стабильных рейтинговых позиций только три: у Курганской области (-1), Карачаево-Черкесской Республики (-1) и Республики Тыва (-2). Восемь регионов из последней десятки ухудшили свои позиции, спустившись вниз в рейтинге регионов.

Рейтинговый балл служит в качестве оценки межрегиональных различий и критерия ранжирования регионов. Результаты рейтинговой оценки обусловлены целью исследования, а именно тем, на основе каких индикаторов строится рейтинг. В нашем исследовании упор делается именно на материальную основу качества и уровня жизни, от которой во многом зависит развитие человеческого потенциала.

По предложенным методическим рекомендациям для исследования качества и уровня жизни

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024); Рейтинг регионов по качеству жизни – 2022 // РИА Рейтинг: [сайт]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html> (дата обращения: 15.04.2024); Рейтинг регионов по качеству жизни – 2018 // РИА Рейтинг: [сайт]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html> (дата обращения: 15.04.2024); Рейтинг по качеству жизни российских регионов – 2014 // РИА Рейтинг: [сайт]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20141222/610641471.html> (дата обращения: 15.04.2024).

мы выбрали три его компонента (К), для каждого из которого разработали систему объективных и субъективных показателей (таблица 2).

1) Труд и качество занятости (К1-Труд). Показателям первого блока уделено достаточно большое внимание, т. к. эффективная занятость является главным источником формирования высоких доходов и гарантом развития человеческого потенциала. Согласно Концепции достойного труда (МОТ, 1999 г.) одним из его стандартов является справедливая заработная плата, степень удовлетворённости которой можно выявить с помощью оценок населения. Кроме того, достойный труд представляет собой занятие любимым делом «в условиях свободы, справедливости, безопасности и уважения человеческого достоинства» [28]. Данные положения оценить с помощью статистических показателей невозможно, для этого из базы данных КОУЖ выбраны социальные индикаторы, оценивающие, например, удовлетворённость аспектами работы, профессиональную удовлетворённость, моральное удовлетворение и др.

2) Материальное положение (К2-Доход). В отличие от традиционных подходов вместо среднедушевых денежных доходов в условиях высокой социальной стратификации нами выбраны медианные доходы, а также, ввиду значительной вариации цен между регионами, соотношение медианных доходов со стоимостью фиксированного набора продовольственных товаров и услуг.

Разработка системы показателей для оценки межрегиональных различий в качестве и уровне жизни населения Российской Федерации

Development of a System of Indicators for Assessing Interregional Differences in the Quality and Standard of Living of the Population of the Russian Federation

I. Труд и качество занятости	II. Материальное положение	III. Обеспеченность жильём и жилищные условия
Статистические показатели		
1. Уровень занятости, % 2. Доля занятых в неформальном секторе в общей численности занятого населения, % 3. Среднее время поиска работы безработными, месяцев 4. Доля безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, % 5. Доля безработных с высшим образованием в общей численности безработных, % 6. Средняя номинальная начисленная зарплата, рублей в месяц	1. Медианный денежный доход на душу населения, руб. 2. Соотношение медианного дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, раз 3. Доля оплаты труда в денежных доходах, % 4. Уровень бедности, %	1. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м ² 2. Соотношение заработной платы к средней цене 1 м ² площади квартир среднего качества (типовых), раз 3. Удельный вес общей площади, оборудованной, (%): – отоплением – газом – горячим водоснабжением
Показатели, характеризующие социальное самочувствие населения²		
1. Доля работающих на основе трудового договора на неопределённый срок, % 2. Доля работающих, основная работа которых полностью соответствует специальности, % 3. Доля респондентов, работа которых НЕ связана с нервным напряжением, стрессами, % 4. Доля работников, НЕ испытывающих воздействие вредных производственных факторов на рабочем месте, % 5. Доля работников, вполне удовлетворённых, %: – заработной платой – надёжностью работы – условиями труда 6. Доля работников, испытывающих на своей работе, %: – профессиональную удовлетворённость – моральное удовлетворение	1. Доля домохозяйств, которые не могут купить легковой автомобиль из-за отсутствия средств, % 2. Субъективный уровень бедности, % 3. Доля домохозяйств, в которых ребёнок по финансовым причинам не имеет возможности, %: – участвовать в платных школьных мероприятиях; – посещать дополнительные занятия для развития своих способностей на платной основе; – уехать на каникулы из дома, по крайней мере, на 1 неделю в год; – не имеет возможности пригласить друзей на празднование своего дня рождения или по особым случаям.	1. Доля домохозяйств, НЕ испытывающих стесненности при проживании, % 2. Доля домохозяйств, оценивающих состояние своего жилого помещения на «хорошо» и «отлично», % 3. Доля домохозяйств, намеренных в ближайшие 2-3 года изменить жилищные условия, %

Источник: разработано автором по данным Росстата³.

² Термин «социальное самочувствие» не имеет однозначного определения. Обычно под ним понимают «уровень адаптированности населения к окружающей действительности и степень удовлетворения его социальных потребностей». В данном исследовании термин «социальное самочувствие» используется в узком смысле, т.е. под ним в основном понимается социальное благосостояние. Возможно, некоторые приведённые социальные индикаторы относятся к показателям социального самочувствия с некоторой степенью условности, но, тем не менее, была сделана попытка оценить степень удовлетворённости населения аспектами своей работы, жилищными условиями, а также своим материальным положением (субъективная бедность). См.: Социальное самочувствие // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-samochuvstvie-862f36?ysclid=lu7zs6sre6110456853> (дата обращения: 20.04.2024).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024); Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 11.04.2024).

Показатели, характеризующие социальное самочувствие, в разработанной системе косвенно отражают доходы, характеризующие депривацию. При расчёте уровня субъективной бедности учитывается доля респондентов, указавших, что «Денег не хватает даже на питание» и «Денег хватает на питание, но покупка одежды и обуви вызывает затруднения».

3) Обеспеченность жильём и жилищные условия (КЗ-Жильё).

Эксперты отмечают высокую степень различий по всем основным базовым компонентам уровня жизни, включая покупательную способность доходов, жилищную обеспеченность, которые определяются, по их мнению, межрегиональным неравенством развития человеческого потенциала, различиями доходов от занятости и др. [29, с. 61].

Стоит отметить, что конечные результаты оценки интегральных показателей качества и уровня жизни населения во многом обусловлены их набором. Так, в работе [15] для построения интегрального показателя уровня жизни на примере регионов Центрального федерального округа, как и в предлагаемой методике, рассматриваются показатели доходов (и их дифференциации); обеспеченности жильём и интегральный индекс благоустройства жилья. В отличие от авторской методики в данном исследовании отсутствует блок показателей рынка труда и качества занятости, являющийся, по мнению автора, первостепенным при интегральной оценке качества и уровня жизни [15].

Обоснуем выбор данных показателей, составляющих материальную основу качества и уровня жизни, материальный фундамент для жизнедеятельности человека. Человек, уверенный в надёжности своей работы, получающий за свой труд достойную заработную плату, проживающий в комфортных жилищных условиях или имеющий возможность их улучшить – вот социальный портрет человека, который имеет все возможности для реализации своего человеческого потенциала. Он имеет возможность заниматься саморазвитием, самореализацией, спортом, повышать свой образовательный уровень, увлекаться хобби и, в конце концов, жить полной жизнью. Наоборот, человек, не имеющий эффективной занятости, будет всегда находиться в поиске подработки, новой работы с целью увеличить свой доход, чтобы «свести концы с концами», нарушая тем самым баланс «семья / личная жизнь-работа» и не имея возможности развивать свой потенциал. Низкий уровень жизни, недостаток средств к существованию, отсутствие собственного жилья и возможности улучшить жилищные условия сказываются и на психофизиологическом состоянии человека (стрессы, неврозы,

апатия, депрессия, заболевания нервной системы) и здоровье в целом.

Таким образом, все эти три материальных компонента качества и уровня жизни взаимосвязаны и оказывают комплексное воздействие на жизнедеятельность человека.

Методы исследования. После разработки системы показателей нами была сформирована база данных, включающая как исходные данные, так и расчётные индикаторы (рисунок 1). Для расчёта объективных и субъективных интегральных показателей и построения на их основе рейтингов регионов по качеству и уровню жизни использован экспертный метод «Паттерн». Для унификации шкалы измерения используемых показателей выбраны отношения показателей в конкретном регионе к лучшему значению по стране в целом. На основе полученной базы данных можно проводить сравнения и сопоставления значений интегральных показателей качества и уровня жизни в разрезе регионов, компонент качества и уровня жизни, а также проводить анализ в динамике.

Рейтинг, рассчитанный на основе системы различных показателей, характеризующих фактическое состояние тех или иных аспектов качества и уровня жизни населения, позволяет оценить межрегиональные различия. При динамическом анализе рейтинга учитываются не только изменение значений показателей в конкретном регионе, но и изменение качества и уровня жизни в других регионах, а также относительное позиционирование данного региона среди других. Использование рейтингового метода в исследовании заключается также в раскрытии внутренних взаимосвязей, выявлении невидимых, на первый взгляд, факторов и тенденций развития, а также в возможности сопоставления и сравнения между собой объективных и субъективных интегральных показателей.

Системный подход к исследованию межрегиональных различий в качестве и уровне жизни населения привёл к использованию также следующих методов. Региональные различия в качестве и уровне жизни населения с 2014 по 2022 гг. выявлены с помощью анализа рядов динамики. Для количественной оценки зависимостей, в частности, между объективными и субъективными интегральными показателями использован корреляционный анализ. При попытке типологии регионов России по качеству и уровню жизни населения использован метод статистической группировки.

Основные результаты исследования (рейтинговые оценки и места регионов, динамический анализ, компонентный анализ) для возможности наглядного представления в рамках статьи приведены по регионам Приволжского федерального округа.

Годы	2014 г.			2018 г.			2022 г.					
Исходные данные	Статистические данные						Показатели, характеризующие социальное самочувствие населения					
	Объект: Все регионы РФ Источники: Регионы России, ОРС, ЕМИСС						Объект: Все регионы РФ Источники: База данных КОУЖ					
	К1-Труд		К2-Доход		К3-Жильё		К1-Труд		К2-Доход		К3-Жильё	
	6 показателей		4 показателя		5 показателей		9 показателей		6 показателей		5 показателей	
РАСЧЁТЫ ПО МЕТОДУ ПАТТЕРН (соотношение значений показателей уровня жизни регионов с лучшими значениями по стране, расчёт сводного рейтингового балла, ранжирование регионов по уровню жизни)												
Выходные данные	IP-объективный – интегральный показатель, разработанный на основе социальных и экономических статистических показателей Росстата						IP-субъективный – интегральный показатель, разработанный на основе оценок населения своего качества и уровня жизни (степень удовлетворённости и депривации)					
	Рейтинг регионов по IP-объективному						Рейтинг регионов по IP-субъективному					
	Рейтинг регионов по компонентам К1, К2, К3						Рейтинг регионов по компонентам К1, К2, К3					

Рисунок 1. Схема построения объективных и субъективных интегральных показателей качества и уровня жизни населения

Figure 1. Scheme for Constructing Objective and Subjective Integral Indicators of the Quality and Standard of Living of the Population

Источник: построено автором.

Таким образом, в результате применения данной методики было получено два рейтинга регионов России по качеству и уровню жизни (по официальным данным государственной статистики (IP-объективный) и по оценкам населения своего уровня жизни, т.е. по социальному самочувствию (IP-субъективный), включающих показатели рынка труда и качества занятости, материальное положение, обеспеченность жильём и состояние жилищных условий.

Результаты исследования. Выявление взаимосвязи между качеством и уровнем жизни и

уровнем социально-экономического развития регионов России на основе рассчитанного рейтинга. Системный подход к исследованию межрегиональных различий качества и уровня жизни населения предполагает выявление взаимосвязей с уровнем развития региона в целом. Наряду с рассчитанным рейтингом для оценки степени развития регионов используется типология российских регионов по хозяйственной специализации (семь типов регионов), предложенная Н.В. Зубаревич [2] (таблица 3).

Таблица 3

Зависимость объективных интегральных показателей качества и уровня жизни населения от уровня социально-экономического развития регионов в России, 2022 г.

Table 3

Dependence of Objective Integral Indicators of the Quality and Standard of Living of the Population on the Level of Socio-economic Development of Regions in Russia, 2022

Уровень развития регионов	Специализация регионов	Регион	IP-объективный	Место в рейтинге регионов РФ
Высоко-развитые	Финансово-экономические центры	г. Москва	75,9	2
		г. Санкт-Петербург	70,1	3
		Московская область	64,0	5
	Сырьевые, экспортно-ориентированные	Тюменская область	60,1	10

Окончание таблицы 3

Уровень развития регионов	Специализация регионов	Регион	IP-объективный	Место в рейтинге регионов РФ
Развитые	Регионы с диверсифицированной экономикой	Республика Татарстан	63,6	6
		Нижегородская область	60,2	9
	С опорой на добывающую промышленность	Мурманская область	63,1	7
		Белгородская область	60,5	8
Средне-развитые	Промышленно-аграрные	Республика Хакасия	46,5	74
	Аграрно-промышленные	Республика Бурятия	39,0	80
Менее Развитые	Сырьевые	Магаданская область	65,3	4
		Чукотский автономный округ	90,6	1
		Забайкальский край	41,4	79
	Аграрные	Республика Калмыкия	47,1	73
		Чеченская Республика	46,1	75
		Республика Ингушетия	44,4	76
		Республика Дагестан	42,3	77
		Республика Алтай	42,3	78
		Карачаево-Черкесская Республика	38,7	81
		Республика Тыва	36,1	82

Источник: составлено автором по данным Росстата⁴.

По данным таблицы 3 можно сделать вывод, что лидирующие позиции в рейтинге регионов по качеству и уровню жизни занимают высокоразвитые и развитые регионы РФ. Это, как правило, финансово-экономические центры: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, а также сырьевой, экспортноориентированный регион – Тюменская область. Исключение составляет лидирующий по объективному интегральному показателю Чукотский автономный округ, имеющий лучшие показатели по компоненте К1-Труд среди регионов РФ, но относящийся к менее развитым сырьевым регионам. Отстающие по качеству и уровню жизни регионы, замыкающие рейтинг, это, как правило, менее развитые аграрные регионы.

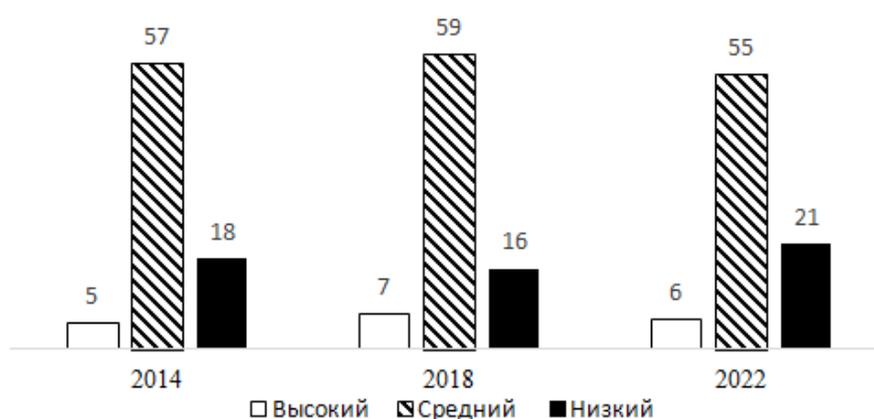
В целом лидерские позиции у регионов по предложенному рейтингу в большинстве случа-

ев совпадают с позициями регионов по качеству и уровню жизни, то же самое касается и отстающих регионов (таблица 1), что не противоречит общероссийским тенденциям развития. Наличие связи между интегральным индикатором качества и уровня жизни и «лаговыми значениями переменных, характеризующих уровень социального и экономического развития регионов» [15].

Трудность исследования различий качества и уровня жизни между регионами России обусловлена их многочисленностью и разнообразием. Следовательно, для выявления и анализа основных трендов в развитии регионов России, требуется их группировка⁵. С помощью метода статистической группировки с равными интервалами совокупность регионов была разделена на три группы: с высоким, средним и низким качеством и уровнем жизни (рисунок 2).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024); Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 259. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/7198.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003-2013 годах. Аналитический доклад. Аналитический центр при Правительстве РФ. Декабрь 2014. 47 с. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf> (дата обращения: 24.04.2024).



Рисунки 2. Группировка регионов России по объективному интегральному показателю качества и уровня жизни населения
Figure 2. Grouping of Russian Regions According to the Objective Integral Indicator of the Quality and Standard of Living of the Population

Источники: построено автором по данным Росстата⁶.

Как видно из рисунка 2 в целом за рассматриваемый период численность всех трёх групп более-менее устойчива. Более 50% совокупности регионов – это регионы со средним качеством и уровнем жизни.

Расчёт рейтинга субъектов РФ по IP-объективному позволяет также рассмотреть значения

объективного интегрального показателя по компонентам: труд, доход, жильё. Компоненты объективного интегрального показателя качества и уровня жизни в Приволжском федеральном округе приведены в таблице 4.

Таблица 4

Компоненты объективного интегрального показателя качества и уровня жизни населения в регионах Приволжского федерального округа, 2022 г.

Table 4

Components of the Objective Integral Indicator of the Quality and Standard of Living of the Population in the Regions of the Volga Federal District, 2022

Регионы	K1-Труд	K1-Доход	K3-Жильё	IP-объективный	Место среди регионов РФ
Республика Татарстан	44,8	67,8	78,3	63,6	6
Нижегородская область	48,4	59,0	73,1	60,2	9
Оренбургская область	33,6	46,7	85,9	55,4	16
Самарская область	36,6	51,9	77,0	55,2	18
Пензенская область	32,1	49,0	79,0	53,4	29
Ульяновская область	35,6	46,0	75,3	52,3	39
Республика Башкортостан	32,8	49,3	73,4	51,8	43
Удмуртская Республика	35,1	51,8	68,1	51,7	47
Республика Марий Эл	35,0	42,5	77,2	51,6	49
Саратовская область	34,0	44,7	75,3	51,3	52
Чувашская Республика	34,2	43,5	75,5	51,1	54
Пермский край	32,8	51,1	68,8	50,9	56
Республика Мордовия	31,5	42,7	77,9	50,7	57
Кировская область	39,3	46,8	64,6	50,2	60

Источники: построено по авторской методике по данным Росстата⁷.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

⁷ Там же

Субъекты Приволжского федерального округа (ПФО) в рейтинге регионов РФ по качеству и уровню жизни занимают в целом довольно высокие позиции: четыре региона ПФО входят в первую двадцатку. Остальные регионы входят в среднюю группу по качеству и уровню жизни. Как видно, самым проблемным компонентом является труд и качество занятости. Лучше всего обстоят дела в ПФО с жильём и жилищными условиями. Наибольшие значения компоненты K1-Труд среди регионов ПФО наблюдаются в Республике Татарстан и Нижегородской области. Эти же регионы лидируют по компоненте K2-Доход. Наименьшие значения компоненты K2-Доход наблюдаются в республиках Марий Эл и Мордовия. Подобные результаты получены в исследовании А.А. Разумова, О.В. Селивановой: наибольшая и наименьшая доли малоимущих семей с детьми отмечаются в Республике Татарстан и Мордовии соответственно [21]. По обеспеченности жильём и качеству жилищных условий первые позиции в рейтинге

регионов занимают Оренбургская и Пензенская области, а также Республика Татарстан.

Таким образом, результаты рейтинга регионов ПФО РФ по предлагаемой методике на основе интегральных объективных показателей качества и уровня жизни населения в целом сопоставимы с результатами Мониторинга доходов и уровня жизни населения России по индексу человеческого развития. К числу регионов-лидеров ПФО по двум рейтингам относятся: Республика Татарстан, Нижегородская, Самарская, Оренбургская области. Регионами, отстающими по уровню жизни, являются: Чувашская Республика, Кировская область [22].

Динамический анализ межрегиональных различий в уровне жизни. Научный интерес представляет не только позиция региона в рассчитанном рейтинге, но и насколько регион может сохранить или улучшить свою позицию за счёт изменения значений входящих в него компонент. Динамика значений объективных интегральных показателей по Приволжскому федеральному округу приведена в таблице 5.

Таблица 5

Динамика значений объективного интегрального показателя качества и уровня жизни населения в регионах Приволжского федерального округа

Table 5

Dynamics of Values of the Objective Integral Indicator of the Quality and Standard of Living of the Population in the Regions of the Volga Federal District

Регионы	IP-объективный			Абсолютный прирост / снижение		
	2014	2018	2022	2018–2014	2022–2018	2022–2014
Республика Татарстан	67,7	66,4	63,6	-1,3	-2,8	-4,1
Нижегородская область	64,1	61,1	60,2	-3,0	-0,9	-3,9
Оренбургская область	59,5	56,9	55,4	-2,6	-1,5	-4,1
Самарская область	60,1	59,1	55,2	-1,0	-3,9	-4,9
Пензенская область	57,8	57,5	53,4	-0,3	-4,1	-4,4
Ульяновская область	56,3	54,0	52,3	-2,3	-1,7	-4,0
Республика Башкортостан	56,4	56,2	51,8	-0,2	-4,4	-4,6
Удмуртская Республика	59,2	58,9	51,7	-0,3	-7,2	-7,5
Республика Марий Эл	53,3	53,9	51,6	+0,6	-2,3	-1,7
Саратовская область	55,6	54,8	51,3	-0,8	-3,5	-4,3
Чувашская Республика	55,9	54,5	51,1	-1,4	-3,4	-4,8
Пермский край	60,6	58,2	50,9	-2,4	-7,3	-9,7
Республика Мордовия	56,2	54,1	50,7	-2,1	-3,4	-5,5
Кировская область	55,6	57,1	50,2	+1,5	-6,9	-5,4

Источник: построено по авторской методике по данным Росстата⁸.

Таким образом, если ещё в 2018 г. по сравнению с 2014 г. значения интегральных показателей качества и уровня жизни населения увеличились в двух регионах Приволжского федерального округа (Республике Марий Эл и Кировской области),

то уже в 2022 г. по сравнению с 2018 г. происходит снижение значения данного показателя во всех регионах. По России в целом в 2018 г. по сравнению с 2014 г. значения интегральных показателей возросли в 25-ти регионах, а в 2022 г. по сравнению с 2014 г. положительная динамика отмечается только в четырех регионах: Чукотском автономном округе (+5,5), городах Москва (+0,7),

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

Санкт-Петербург (+4,2) и Кабардино-Балкарской Республике (+1,4).

В 2022 г. по сравнению с 2014 г. наибольшее снижение значения IP-объективного наблюдается в Камчатском крае (-17,4), Магаданской области (-13,7), Республике Дагестан (-13,1), Республике Коми (-11,7), Карачаево-Черкесской Республике (-11,4), Хабаровском крае (-10,9), Республике Саха (-10,1).

Снижение значений интегрального показателя, в том числе значений его компонент, по данной методике происходит из-за роста межрегионального неравенства, вызванного, в первую очередь, увеличением наилучшего / уменьшением наихудшего значений показателей, входящих в ту или иную компоненту.

Кроме изменения значений самих интегральных показателей качества и уровня жизни, научный интерес представляет рассмотрение этих изменений относительно других регионов, т.е. проследить динамику изменения позиций регионов в рейтинге. Стоит отметить, что не всегда увеличение значения интегрального показателя свидетельствует об улучшении позиции региона в рейтинге и наоборот.

В целом по Российской Федерации тенденция такая, что в 2022 г. по сравнению с 2014 г. 44 региона улучшили свои позиции в рейтинге регионов РФ, а 34 региона, наоборот, опустились на более низкие позиции. Для четырёх регионов РФ характерна рейтинговая стабильность: Чукотский автономный округ (1-е место), Республика Татарстан (6-е место), Приморский край (71-е место), Республика Алтай (78-е место).

В 2022 г. по сравнению с 2014 г. среди российских регионов наибольшего роста позиций в рейтинге по качеству и уровню жизни достигли: Ростовская (+28), Ленинградская (+20), Волгоградская (+19), Пензенская (+19) области, республики Марий Эл (+17) и Адыгея (+16), Ставропольский край (+16), Владимирская (+14), Костромская (+14) и Свердловская (+14) области.

Наоборот, ухудшили свои позиции в рейтинге регионов: Республика Саха (-33), Курганская (-29) и Амурская (-23) области, Хабаровский край (-22), Чеченская Республика (-22), Республика Дагестан (-20), Республика Коми (-19) и др. На рисунке 3 наглядно представлена динамика позиций в рейтинге регионов Приволжского федерального округа.

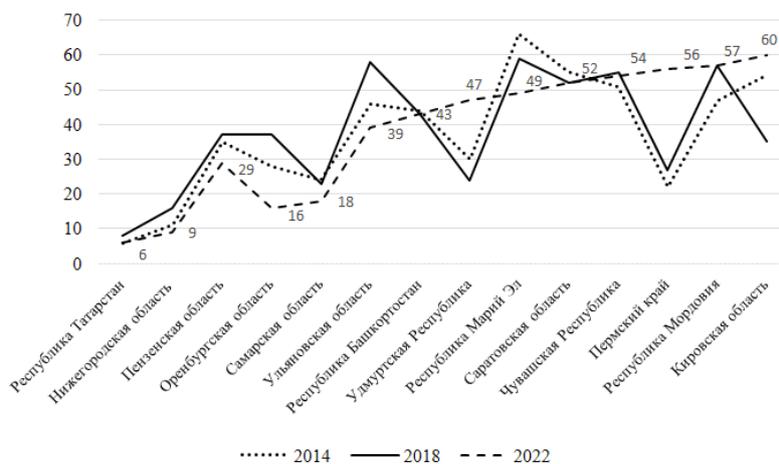


Рисунок 3. Динамика позиций регионов в рейтинге по качеству и уровню жизни в Приволжском федеральном округе

Figure 3. Dynamics of the Regions' Positions in the Ranking of Quality and Living Standards in the Volga Federal District

Источник: построено по авторской методике по данным Росстата⁹.

Таким образом, из 14 регионов ПФО восемь улучшили свои позиции. Наибольший положительный скачок вверх на 17 позиций отмечается у Республики Марий Эл (с 66-го на 49-е место) и 12 позиций вверх у Оренбургской области (с 28-го

на 16-е место). Пять регионов ухудшили свои позиции. Особенно это коснулось Пермского края (-34), Удмуртской Республики (-17) и Республики Мордовия (-10). Рейтинговая стабильность наблюдается у Республики Татарстан: в 2022 г. как и в 2014 г. регион находился на 6-м месте (в 2018 г. на 8-м месте), а также у Республики Башкортостан (44-е место в 2022 г. и 43-е место в 2014 г.).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

Одним из достоинств рейтингового интегрального анализа является то, что на основе рейтингов компонент, входящих в общий показатель, т. е. частных рейтингов, можно выявить основные причины и факторы изменения позиций регионов в рейтинге. На основе разработанного рей-

тинга компонент качества и уровня жизни (К1, К2 и К3) можно выявить основные причины таких изменений. В таблице 6 приведены значения интегральных показателей по каждой компоненте, на строку ниже приведено место по ней в рейтинге регионов.

Таблица 6

Частные рейтинги компонент объективных интегральных показателей качества и уровня жизни
Table 6
Partial ratings of Components of Objective Integral Indicators of Quality and Standard of Living

Регионы	2014 г.			2022 г.		
	К1-Труд	К2-Доход	К3-Жильё	К1-Труд	К2-Доход	К3-Жильё
Республика Татарстан	52,5 23	71,5 7	79,0 11	48,8 8	67,8 6	78,3 13
Нижегородская область	54,6 17	64,2 11	73,6 34	48,4 4	59,0 12	73,1 37
Оренбургская область	46,5 48	54,0 38	77,9 15	33,6 54	46,7 52	85,9 4
Самарская область	48,3 39	55,0 34	77,0 20	36,6 33	59,1 27	77,0 23
Пензенская область	45,1 59	50,5 54	77,9 16	32,1 67	49,0 46	79,0 10
Ульяновская область	46,9 45	51,8 47	70,3 44	35,6 44	46,0 55	75,3 29
Республика Башкортостан	44,2 62	56,3 26	68,7 51	32,8 63	49,3 43	73,4 35
Удмуртская Республика	54,8 16	55,0 33	67,7 54	35,1 47	51,8 29	68,1 54
Республика Марий Эл	46,4 49	42,8 73	70,7 42	35,0 48	42,5 69	77,2 20
Саратовская область	41,7 69	47,0 67	78,0 14	34,0 53	44,7 60	75,3 30
Чувашская Республика	46,9 46	44,7 69	76,2 25	34,2 51	43,5 65	75,5 27
Пермский край	53,8 21	56,8 24	71,1 41	32,8 64	57,1 35	68,9 51
Республика Мордовия	49,7 29	44,3 71	74,7 30	31,5 73	42,7 68	77,9 17
Кировская область	53,0 22	51,3 50	62,6 65	39,3 22	46,8 51	64,6 61

Источник: построено по авторской методике по данным Росстата¹⁰.

Таким образом, Оренбургская область и Республика Марий Эл существенно улучшили свои позиции в рейтинге за счёт улучшения позиции в рейтинге компоненты К3 – Жильё. Пермский край ухудшил свои позиции в рейтинге регионов за счёт снижения рейтинга всех трёх компонент. В Удмуртской Республике и Республике Мордовия причиной снижения позиции в рейтинге является ухудшение ситуации в сфере занятости (компонента К1-Труд).

Далее методом дедукции на основе показателей, включённых в компоненту К3, можно

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

установить причины таких изменений. Так, на основе сформированной базы статистических данных было выявлено, что улучшение позиций в рейтинге у Оренбургской области и Республике Марий Эл произошло за счёт увеличения значений показателей: площадь жилья в среднем на одного жителя и соотношение заработной платы к средней цене за 1 м² площади квартир среднего качества.

Выявление взаимосвязи между объективными и субъективными интегральными показателями качества и уровня жизни населения. По мнению экспертов, это одна из наиболее новых областей исследования межрегиональных различий качества и уровня жизни населения.

Первоначальная гипотеза о связи рейтингов объективных и субъективных интегральных показателей состояла в том, что между достигнутым качеством и уровнем жизни и тем, как его воспринимает и оценивает само население существует прямая, по силе, хотя бы, средняя связь. При тестировании гипотезы, корреляционный анализ показал, что в целом по Российской Федерации в 2022 г. отмечается отсутствие связи между показателями: коэффициент корреляции равен всего 0,177, т. е. субъективные оценки качества и уровня жизни населения не зависят от его фактического материального уровня.

Однако о категоричном отсутствии связи делать вывод нельзя. В 15 регионах России наблюдается достаточно существенная связь: различия в позициях рейтинга у статистических показателей и показателей, характеризующие социаль-

ное самочувствие населения составляет не более пяти позиций. К таким регионам относятся: Чукотский автономный округ (1-е и 3-е места соответственно), города Москва (2-е и 7-е) и Санкт-Петербург (3-е и 5-е), Белгородская область (8-е и 6-е), Самарская область (18-е и 15-е), Курская область (22-е и 24-е), Республика Коми (28-е и 30-е), Волгоградская область (33-е и 32-е), Костромская область (34-е и 38-е), Брянская область (42-е и 37-е), Республика Башкортостан (43-е и 39-е), Амурская область (65-е и 65-е места) и др. Как видно, это регионы с разным качеством и уровнем жизни населения, занимающие и лидирующие, и средние положения, и позиции в конце рейтинга.

При рассмотрении группы регионов, входящих в состав Приволжского федерального округа, получены иные результаты (таблица 7).

Таблица 7

Позиции в рейтинге по объективным и субъективным интегральным показателям качества и уровня жизни населения в регионах Приволжского федерального округа

Table 7

Positions in the Ranking on Objective and Subjective Integral Indicators of the Quality and Standard of Living of the Population in the Regions of the Volga Federal District

Регионы	2014 г.		2018 г.		2022 г.	
	IP-объект.	IP-субъект.	IP-объект.	IP-субъект.	IP-объект.	IP-субъект.
Республика Татарстан	6	27	8	8	6	14
Нижегородская область	11	37	16	51	9	56
Пензенская область	35	17	37	34	29	68
Оренбургская область	28	81	37	6	16	26
Самарская область	24	34	23	22	18	15
Ульяновская область	46	22	58	44	39	55
Республика Башкортостан	44	65	43	42	43	39
Удмуртская Республика	30	23	24	41	47	18
Республика Марий Эл	66	68	59	45	49	71
Саратовская область	55	76	52	77	52	79
Чувашская Республика	51	42	55	42	54	36
Пермский край	22	45	27	38	56	42
Республика Мордовия	47	21	57	33	57	67
Кировская область	54	19	35	67	60	75

Источник: построено по авторской методике по данным Росстата¹¹.

Корреляционный анализ, проведённый по данным регионов ПФО за 2014 г., выявил отсутствие связи между объективными и субъективными интегральными показателями качества и уровня жизни (коэффициент корреляции равен 0,24).

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

В 2018 г. зависимость между данными показателями усиливается и между ними уже наблюдается слабая связь (0,372), а в 2022 г. связь уже средняя при коэффициенте корреляции равном 0,50. На рисунках 4, 5 наглядно представлены места регионов-лидеров и отстающих регионов в рейтингах по объективным и субъективным интегральным показателям качества и уровня жизни населения.

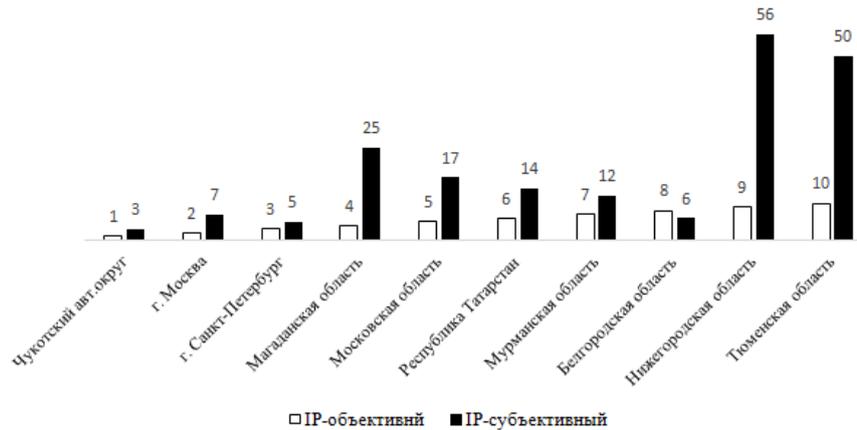


Рисунок 4. Зависимость позиций в рейтинге регионов по объективным и субъективным интегральным показателям в регионах-лидерах по качеству и уровню жизни
Figure 4. Dependence of Positions in the Ranking of Regions on Objective and Subjective Integral Indicators in the Leading Regions of Quality and Standard of Living

Составлено по авторской методике по данным Росстата¹².

Из рисунка 4 наглядно прослеживается взаимосвязь между объективными и субъективными интегральными показателями в регионах-лидерах по качеству и уровню жизни. Корреляционный анализ подтвердил количественно данную взаимосвязь: коэффициент корреляции равен 0,709, что свидетельствует о сильной тесноте связи. Во всех рассматриваемых регионах-лидерах (за исключением Белгородской области) позиции в рейтинге по объективным

интегральным показателям, характеризующим качество занятости, материальное положение и обеспеченность жильём, лучше, чем в рейтинге по субъективным показателям. Таким образом, первоначальная гипотеза о наличии связи между достигнутыми качеством и уровнем жизни в регионе и его восприятием и оценкой проживающего в нём населения подтверждается в регионах с высоким качеством и уровнем жизни населения.

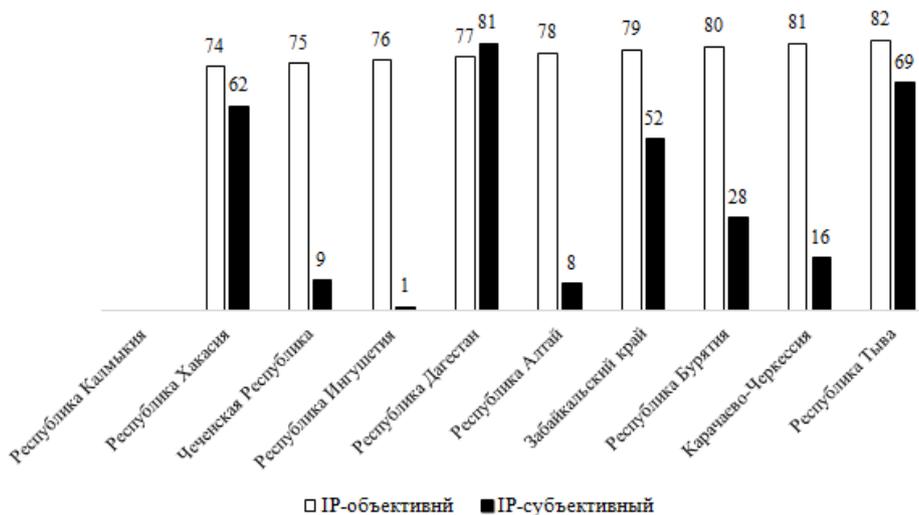


Рисунок 5. Зависимость позиций в рейтинге регионов по объективным и субъективным интегральным показателям в отстающих регионах по качеству и уровню жизни
Figure 5. Dependence of Positions in the Rating of Regions on Objective and Subjective Integral Indicators in Lagging Regions of Quality and Standard of Living

Составлено по авторской методике по данным Росстата¹³.

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели 2023 // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

¹³ Там же

При тестировании первоначальной гипотезы в условиях отстающих по качеству и уровню жизни регионах, данная взаимосвязь между показателями не подтвердилась (коэффициент корреляции, равный 0,103 свидетельствует об отсутствии связи). Существенный разброс позиций в рейтингах по объективным и субъективным показателям в отстающих регионах не позволяет сделать однозначных выводов по поводу данной зависимости. Безусловно, помимо фактического (достигнутого) качества и уровня жизни на восприятие его населением влияют также и другие установки: образ жизни, расселение, традиции местности, нравы, этнические особенности и др.

Заключение

Качество и уровень жизни населения представляет собой сложные, многогранные, комплексные категории, методики исследования которых также сложны, многообразны и зависят, в первую очередь, от поставленной цели исследования. В данной статье для исследования межрегиональных различий качества и уровня жизни населения предложена интегральная его оценка на основе расчёта рейтингов регионов по объективным и субъективным интегральным показателям, включающим в себя качество занятости, материальное положение населения, а также обеспеченность жильём и жилищные условия. Таким образом, упор сделан на исследование материальной основы, фундамента для возможности всестороннего развития человеческого потенциала. Достоинствами предлагаемых методических рекомендаций является: использование интегральных показателей, сочетающих в себе основные показатели качества и уровня жизни населения; совместное использование объективных и субъективных показателей. Также предлагаемые методические рекомендации могут быть дополнены новыми компонентами, например, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, развитие системы здравоохранения, образования и др.

В целом по Российской Федерации в 2022 г. по сравнению с 2014 г. 44 региона улучшили свои позиции в рейтинге регионов РФ, а 34 региона, наоборот, опустились на более низкие позиции. Для четырех регионов РФ характерна рейтинговая стабильность: Чукотский автономный округ (1-е место), Республика Татарстан (6-е место),

Приморский край (71-е место), Республика Алтай (78-е место).

Расчитанные объективные и субъективные интегральные показатели и на их основе рейтинги регионов помогают проводить сравнения и сопоставления значений интегральных показателей качества и уровня жизни в разрезе регионов, компонент качества и уровня жизни (труд, доход, жильё), а также проводить анализ в динамике. Кроме того, разработанный рейтинговый метод оценки позволит выявить не только изменения интегральных показателей, но и основные причины таких изменений и дать ответ на вопрос, за счёт какой компоненты (занятости, дохода или жилья) произошли эти изменения. На основе разработанной информационной базы исследований можно выявить более глубокие факторы изменения компонент качества и уровня жизни, т.е. установить, какие объективные или субъективные показатели повлияли на изменение занятости, материального положения или жилищных условий.

Анализ показал, что качество и уровень жизни населения зависят от степени социального и экономического развития регионов, хотя имеются и исключения (например, Чукотский автономный округ).

На основе динамического анализа установлено, что в 2022 г. по сравнению с 2018 г. происходит снижение значений объективных интегральных показателей во всех регионах России. Снижение значений интегрального показателя и его компонент по данной методике происходит из-за роста межрегионального неравенства, вызванного, в первую очередь, увеличением наилучшего / уменьшением наихудшего значений показателей, входящих в ту или иную компоненту.

Гипотеза о наличии связи между достигнутым качеством и уровнем жизни в регионе и его восприятием и оценкой проживающего в нём населения подтверждается в регионах с высоким качеством и уровнем жизни населения.

Перспективным направлением исследования является проведение кластеризации регионов России по объективным и субъективным интегральным показателям качества и уровня жизни населения, а также выявление тенденций и внутренних зависимостей развития субъектов в полученных кластерах.

Список литературы

1. Кононенко К.О. Проблемы дифференциации человеческого развития в регионах Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2024. Том 21. № 2(134). С. 161–171. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2024-2-161-171> EDN PGMNTS
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с. ISBN 978-5-903599-10-3 EDN VNFJDX
3. Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9(519). С. 66–84. EDN ZEOZXX
4. Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 4. С. 74–87. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5> EDN ZAEJDM
5. Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России: монография / под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М.: Перспектива, 2021. 276 с. ISBN 978-5-88045-478-5 EDN KKGYSW
6. Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Ермакова Э.Р. Социальное самочувствие как отображение социально-экономического неравенства в стране // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 3. С. 1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2021.3.36049> EDN OFSRMP
7. Куконов П.И., Устинкин С.В. Неравенства и напряжения в социальном пространстве российских регионов: монография. М.: РУСАЙНС, 2016. 162 с. ISBN 978-5-4365-1337-9
8. Янгирова Е.И., Искаков М.Р. Оценка человеческого развития в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С. 248–258. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.2.9> EDN VIRVHJ
9. Федотов А.А. Интегральный индекс человеческого развития и классификация регионов страны по различным его аспектам // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 8(66). С. 190–197. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10675>
10. Рюмина Е.В. Экологически скорректированный индекс человеческого развития // Народонаселение. 2020. Том 23. № 1. С. 4–12. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.1> EDN XONXDF
11. Mangaraj B.K., Aparajita U. Constructing a generalized model of the human development index // Socio-Economic Planning Sciences. 2020. Vol. 70. No. 100778. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2019.100778>
12. Assa J. Less is more: The implicit sustainability content of the human development index // Ecological economics. 2021. Vol. 185. No. 107045. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107045>
13. Life satisfaction and the human development index across the world / R. Yin, A. Lepinteur, A.E. Clark, C. D'Ambrosio // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2023. Vol. 54. No. 2. P. 269–282. <https://doi.org/10.1177/00220221211044784>
14. Saniago M. A. I., Wibowo M. G. Determinants of Human Development Index in Indonesia with Maqashid Sharia approach // Jurnal Pmiah Ekonomi Islam. 2024. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.29040/jiei.v10i1.12353>
15. Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России / В.С. Степанов, В.Н. Бобков, Е.Ф. Шамаева, Е.В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 4. С. 450–465. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.4.3> EDN FUJMOM
16. Aivazian S.A. Quality of life and living standard analysis. Berlin: De Gruyter, 2016. 400 p. <https://doi.org/10.1515/9783110316254>
17. Елаховский В.С. Измерение региональных различий по уровню жизни в России // Вопросы статистики. 2020. Том 27. № 5. С. 48–57. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-48-57> EDN TQMGQA
18. Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 4. С. 74–87. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5> EDN ZAEJDM
19. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Преодоление межрегионального неравенства уровня и качества жизни // Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития: монография / отв. ред. Р.С. Гринберг, П.В. Савченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 1–20. ISBN 978-5-16-016215-7 <https://doi.org/10.12737/1087982> EDN GBIXMO
20. Артемова О.В., Савченко А.Н. Неоднородность регионального пространства и её влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации // Социум и власть. 2020. № 2(82). С. 65–79. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-2-65-79> EDN FWBRZS
21. Разумов А.А., Селиванова О.В. Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С. 236–247. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.2.8> EDN JWLUEB
22. Мигранова Л.А. Минимальная гарантия оплаты труда в России и её регионах // Уровень жизни регионов населения России. 2019. 2019. Том 15. № 2. С. 27–34. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10061> EDN NOJBXM
23. Гулюгина А.А. Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 395–406. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406 EDN MCQQSC
24. Суринов А.Е., Луннов А.Б. Неравенство в России: регионы, стоимость жизни и эквивалентный доход // Экономическая политика. 2021. Том 16. № 3. С. 82–111. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-82-111> EDN OEWTFV
25. Корнилова Е.В., Корнилов Д.А., Захаров В.Я. Оценка устойчивого развития и формирование рейтинга устойчивости регионов страны // Развитие и безопасность. 2023. № 1(17). С. 36–49. https://doi.org/10.46960/2713-2633_2023_1_36 EDN TARGFA
26. Амирова С.А. Уровень и качество жизни населения в России // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 4. С. 44–50. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.47.31.028> EDN DJCNSM
27. Тикунов В.С., Белоусов С.К. Интегральная оценка качества жизни населения городов и регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2022. № 2. С. 48–60. EDN TAZCKZ
28. Разработка методологических оснований совершенствования экономической политики в сфере труда: монография / под ред. Л.А. Тутова, Т.О. Разумовой. МГУ им. М.В. Ломоносова, Экономический факультет. М.: ТЕИС, 2018. 126 с. ISBN:978-5-7218-1436-5

29. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
30. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год: Ежегодник. Вып. 1(202) / В.Н. Бобков [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2023. 166 с. ISBN 978-5-9940-0736-5 EDN EADDAU

Информация об авторе:

Елена Владимировна Кабашова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, лаборатория региональных исследований качества жизни, Центр изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН (SPIN-код: 8300-7547) (РИНЦ AuthorID: 682041) (ResearcherID: G-2840-2018) (Scopus Author ID: 57210815033)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

- Kononenko K.O. Problems of Human Development Differentiation in Russian Regions. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova=Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2024;21(2(134)):161–171. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2024-2-161-171> (In Russ.)
- Zubarevich N.V. Regiony Rossii: Neravenstvo, Krizis, Modernizaciya. Moscow: Nezavisimyj institut social'noj politiki; 2010. 160 p. ISBN 978-5-903599-10-3 (In Russ.)
- Aganbegyan A.G. Overcoming Poverty and Reducing the Income and Consumption Inequalities in Russia. *EKO=ECO. All-Russian Economics Journal*. 2017;(9(519)):66–84 (In Russ.)
- Shatalova O.M., Kasatkina E.V. Socio-Economic Inequality of Regions in the Russian Federation: Measurement Issues and Long-Term Evaluation. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(4):74–87. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5> (In Russ.)
- Osipova N.G. (ex. ed.) Social'noe Neravenstvo v Sovremennom Mire: Novye Formy i Osobennosti Ih Proyavleniya v Rossii. Monograph. Moscow: Publishing House Perspektiva; 2021. 276 p. ISBN 978-5-88045-478-5 (In Russ.)
- Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Ermakova E.R. Social Well-being as a Reflection of Socioeconomic Inequality in the Country. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika=Theoretical and Applied Economics*. 2021;(3):1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2021.3.36049> (In Russ.)
- Kukonkov P.I., Ustinkin S.V. Neravenstva i Napryazheniya v Social'nom Prostranstve Rossijskih Regionov. Monograph. Moscow: Publishing House RUSAJNS; 2016. 162 p. ISBN 978-5-4365-1337-9 (In Russ.)
- Yangirova E.I., Iskakov M.R. Human Development Assessment in the Russian Federation. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):248–258. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.9> (In Russ.)
- Fedotov A.A. Integrated Human Development Index and Classification of the Country's Regions by Different Aspects. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika=Economy and Business: Theory and Practice*. 2020;(8(66)):190–197. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10675> (In Russ.)
- Ryumina E.V. Ecologically Adjusted Human Development Index. *Narodonaselenie=Population*. 2020;23(1):4–12. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.1> (In Russ.)
- Mangaraj B.K., Aparajita U. Constructing a Generalized Model of the Human Development Index. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2020;70:(100778). <https://doi.org/10.1016/j.seps.2019.100778>
- Assa J. Less is More: The Implicit Sustainability Content of the Human Development Index. *Ecological Economics*. 2021;185(107045). <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.107045>
- Yin R., A. Lepinteur, A.E. Clark, et. al. Life Satisfaction and the Human Development Index across the World. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2023;54(2):269–282. <https://doi.org/10.1177/00220221211044784>
- Caniago M. A. I., Wibowo M.G. Determinants of Human Development Index in Indonesia with Maqashid Sharia approach. *Jurnal Ilmiah Ekonomi Islam*. 2024;10(1). <https://doi.org/10.29040/jiei.v10i1.12353>
- Stepanov V.S., Bobkov V.N., Shamaeva E. F., et. al. Building a Model Linking the Indicator of the Standard of Living of the Population with a Set of Indicators of Socio-Economic Policy in the Regions of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):450–465. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.3> (In Russ.)
- Aivazian S.A. Quality of Life and Living Standard Analysis. Berlin: De Gruyter; 2016. 400 p. <https://doi.org/10.1515/9783110316254>
- Elahovskij V.S. Measuring Regional Differences in Living Standards in Russia. *Voprosy Statistiki*. 2020;27(5):48–57. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-48-57> (In Russ.)
- Shatalova O.M., Kasatkina E.V. Socio-Economic Inequality of Regions in the Russian Federation: Measurement Issues and Long-Term Evaluation. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(4):74–87. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5> (In Russ.)
- Bobkov V.N., Odincova E.V. Preodolenie Mezhhregional'nogo Neravenstva Urovnya i Kachestva Zhizni. In: Grinberg P.V. Savchenko P.V. (ex. eds.) Rossijskaya Social'no-Ekonomicheskaya Sistema: Realii i Vektory Razvitiya. Monograph. 4th ed., revised. and add. Moscow: Publishing House INFRA-M; 2021. P. 1–20. ISBN 978-5-16-016215-7 (In Russ.)
- Artemova O.V., Savchenko A.N. Inhomogeneity of the Regional Space and its Impact on the Population Life Quality in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Socium i vlast'=Society and Power*. 2020;(2(82)):65–79. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-2-65-79> (In Russ.)

21. Razumov A.A., Selivanova O.V. Households at Risk of Poverty: Regional Aspect. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):236-247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8> (In Russ.)
22. Migranova L.A. Minimum Wage Guarantee in Russia and Its Regions. *Uroven' zhizni regionov naseleniya Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;15(2):27-34. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10061> (In Russ.)
23. Gulyugina A.A. Purchasing Power of Monetary Incomes of the Population of Russia in the Context of Modern Challenges. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):395-406. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406 (In Russ.)
24. Surinov A.E., Luppov A.B. Inequality in Russia: Regions, Cost of Living, and Equivalent Income. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*. 2021;16(3):82-111. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-3-82-111> (In Russ.)
25. Kornilova E.V., Kornilov D.A., Zaharov V.Ya. Assessment Of Sustainable Development And Formation Of The Rating Of Sustainability Of Regions Of The Country. *Razvitie i Bezopasnost'*. 2023;(1(17)):36-49. https://doi.org/10.46960/2713-2633_2023_1_36 (In Russ.)
26. Amirova S.A. The Level And Quality Of Life Of The Population In Russia. *Voprosy Ustojchivogo Razvitiya Obshchestva*. 2021;(4):44-50. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.47.31.028> (In Russ.)
27. Tikunov V.S., Belousov S.K. Integral Assessment of the Quality of Life in Russian Cities and Regions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya=Lomonosov Geography Journal*. 2022;(2):48-60 (In Russ.)
28. Tutova L.A., Razumova T.O. (eds.) *Razrabotka Metodologicheskikh Osnovanij Sovershenstvovaniya Ekonomicheskoy Politiki v Sfere Truda*. Monograph. Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University. Moscow: Publishing House TEIS; 2018. 126 p. ISBN:978-5-7218-1436-5 (In Russ.)
29. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
30. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (ex. eds.), et al. *Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2022 god*. Year-book. Iss. 1(202). Moscow: IE RAS; M. 2023. 166 p. (In Russ.)

Information about the author:

Elena V. Kabashova – PhD in Economics, Senior Researcher, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life, Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 8300-7547) (РИНЦ AuthorID: 682041) (ResearcherID: G-2840-2018) (Scopus Author ID: 57210815033)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ



Оригинальная статья

УДК 316.4

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_7_415_424

EDN YHSBAR

Изменения уровня занятости и продолжительности работы в подсобных хозяйствах в постсоветский период

Полина Михайловна Козырева^{1,4}, Алфия Энварьевна Низамова², Александр Ильич Смирнов³

^{1,2,3} Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

¹(pkozyreva@isras.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>)

²(anizamova-office@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0607-0638>)

³(smir_al@bk.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>)

⁴ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

Целью данной работы является анализ изменений в уровне занятости и затратах времени россиян на работу в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах, некоммерческих товариществах в 1994–2021 гг. Анализ базируется на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». Объект исследования – занятость и продолжительность труда в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах, некоммерческих товариществах, предмет – динамика занятости и продолжительности труда в подсобных хозяйствах. Основная гипотеза исследования – одним из результатов экономических преобразований в постсоветский период стало снижение продолжительности работы горожан и сельчан в подсобных хозяйствах – получила подтверждение. Исследование выявило значительное сокращение продолжительности работы населения на своих земельных участках, которое сопровождалось размытием гендерных различий. При этом в городских поселениях отмечен хорошо заметный рост уровня занятости, тогда как в сельских – снижение. Но несмотря на то, что число сельских жителей, для которых приусадебное хозяйство является вынужденным выбором из-за отсутствия приемлемой альтернативы, существенно уменьшилось, для многих сельчан подсобное хозяйство продолжает выступать важным средством самообеспечения сельскохозяйственными продуктами. Среди мужчин и женщин, вовлеченных в деятельность подсобных хозяйств, отмечено более чем двукратное сокращение наиболее активных участников. Постоянная оплачиваемая работа на производстве на треть снижает затраты времени как мужчин, так и женщин на работу в подсобных хозяйствах городских и сельских семей. Для многих женщин, расходующих на труд по дому втрое больше времени, чем мужчины, работа в подсобном хозяйстве становится вынужденным обременительным занятием.

Ключевые слова: бюджет времени, домохозяйство, доходы, занятость, мониторинг, подсобное хозяйство, социальная адаптация

Для цитирования: Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Изменения уровня занятости и продолжительности работы в подсобных хозяйствах в постсоветский период // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 415–424. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_7_415_424 EDN YHSBAR



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_7_415_424

Changes in Employment Levels and Working Hours in Subsidiary Plots in the Post-Soviet Period

Polina M. Kozyreva^{1,4}, Alfiya E. Nizamova,² Aleksandr I. Smirnov³

^{1,2,3} Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹(pkozyreva@isras.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>)

²(anizamova@hse.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0607-0638>)

³(smir_al@bk.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>)

⁴ Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract

This article analyzes changes in the level of employment and time spent by Russians working in personal subsidiary plots and other individual farms, non-profit partnerships in 1994–2021. The analysis is based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey of the Higher School of Economics (RLMS-HSE). The object of the study is employment and duration of working hours in personal subsidiary plots and other individual farms, non-profit partnerships. The subject of the study is the dynamics of employment and duration of working hours in personal subsidiary plots. The main hypothesis of the study which was confirmed is that one of the results of economic transformations in the post-Soviet period was a reduction in the duration of working hours of city dwellers and villagers in personal subsidiary plots. The study revealed a significant reduction in the duration of working hours of the population on their land plots, which was accompanied by the erasure of gender differences. At the same time, in urban settlements, a clearly noticeable increase in the level of employment was noted, while in rural areas - a decrease. But despite the fact that the number of rural residents for whom a household plot is a forced choice due to the lack of an acceptable alternative has significantly decreased, for many rural residents the household plot continues to be an important means of self-sufficiency in agricultural products. Among men and women involved in subsidiary plot activities, a more than twofold reduction in the most active participants has been noted. Permanent paid employment reduces the time spent by both men and women from urban and rural families on work in household plots by a third. For many women, who spend three times more time on household chores than men, work in the subsidiary plot becomes a forced burdensome occupation.

Keywords: time budget, household, income, employment, monitoring, subsidiary farming, social adaptation

For citation: Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. Changes in Employment Levels and Working Hours in Subsidiary Plots in the Post-Soviet Period. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):415–424. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_7_415_424 (In Russ.)



Введение

За годы становления и развития рыночной экономики роль подсобных хозяйств в жизнеобеспечении населения России существенно снизилась. Это объясняется прежде всего тем, что сегодня решение проблемы обеспечения продовольственной безопасности страны связывается главным образом с работой высокопроизводительных агрохолдингов и крупных фермерских хозяйств, тогда как личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства, некоммерческие товарищества чаще всего выполняют роль подспорья, помогающего бедным домохозяйствам выживать в сложное время, или средства обеспечения более благополучных городских и сельских домохозяйств разнообразным и экологичным продовольствием.

Но всё же, несмотря на сравнительно низкую эффективность из-за использования ручного труда, устаревших агротехнологий и ряда других серьёзных причин, подсобные хозяйства остаются значимым дополнительным резервом экономики, продолжают обеспечивать немалую часть населения продовольствием, повышать уровень доходов семей, способствуя решению различных жизненных проблем россиян [1, с. 77]. Они определяют образ и качество жизни миллионов российских граждан [2, с. 57], а их стратегической задачей является «сохранение социального контроля над сельской территорией и воспроизводство её коренного населения» [3, с. 80]. Без подсобных хозяйств невозможно развитие сельских территорий, сохранение социокультурной самобытности села в процессе модернизации сельского образа жизни. Они выполняют важную социально-коммуникационную функцию поддержания реципрокных семейно-родственных связей, а также решают рекреационные задачи [4]. Кроме того, подсобные хозяйства помогают оптимизировать расходы городских семей, создают возможности для обеспечения горожан разнообразными и качественными продуктами питания, способствуют приобщению граждан к здоровому образу жизни.

Теоретические предпосылки и эмпирическая база исследования. Подсобные хозяйства населения включают личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства в сельских и городских поселениях, а также различные садоводческие, огороднические, дачные некоммерческие объединения граждан. Наиболее значимым элементом этой системы являются личные подсобные хозяйства (ЛПХ), которые в соответствии с официальной статистической методологией представляют собой форму «непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, осущест-

вляемой личным трудом гражданина и членов его семьи в целях удовлетворения личных потребностей на земельном участке, предоставленном или приобретенном для ведения личного подсобного хозяйства»¹. Определяющими признаками ЛПХ являются использование земельного участка и некоммерческий, подсобный характер производства [5, с. 149]. Эти хозяйства относятся к семейно-потребительскому укладу, который «базируется на семейных формах хозяйствования, общесемейной (общей неделимой) собственности и разделении труда между членами семьи» [6, с. 152].

Работа в подсобном хозяйстве требует определённых затрат времени, которые увеличивают общую трудовую нагрузку и сокращают свободное время, что наиболее заметно сказывается на работающих членах семьи. Очень остро эта проблема стоит перед бедными и малообеспеченными сельчанами, для которых подсобное хозяйство является не увлекательным занятием или разновидностью активного отдыха, а жизненно важной необходимостью. В условиях трансформирующегося общества возникли даже группы сельских семей, рассматривающие подсобное хозяйство как главный или единственный источник своего благополучия [2, с. 48]. Развитие подсобных хозяйств позитивно влияет не только на улучшение жизни и самообеспечение семей сельскохозяйственной продукцией, но и на повышение уровня занятости и выравнивание уровня жизни определённых категорий граждан [7]. Особенно высокий уровень занятости в ЛПХ характерен для неработающих пенсионеров. Согласно данным исследований, больше половины рабочего времени, затрачиваемого в ЛПХ, приходится на долю не занятых в общественном производстве пенсионеров, безработных женщин, школьников и инвалидов [8]. Но хотя молодых людей среди занятых в подсобных хозяйствах гораздо меньше, чем пожилых, каждый из них тратит на эту работу больше времени, чем отдельно взятый пенсионер [9, с. 40]. Однако, если рассматривать ситуацию в целом, то нельзя не отметить, что по мере развития аграрного сектора экономики в постсоветский период численность домохозяйств, где ЛПХ является одним из источников существования, снизилась [10, с. 80].

Что касается подсобных хозяйств городских семей, то они играют не столь важную роль в обеспечении горожан продуктами питания. Для горожан, как и прежде, главными источниками существования остаются заработная плата и пенсии. Собственное производство продовольствия отнимает у них немало времени и предполагает

¹ Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник. Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022. 420 с. ISBN 978-5-4269-0098-1

значительные денежные траты, но не приносит денежного дохода, не даёт значительной экономии в расходах на питание и не удовлетворяет потребностей в полноценном питании. Многие горожане используют земельный участок для активного досуга, выращивания небольшого урожая для обеспечения семьи свежими, экологически чистыми продуктами [11, с. 51]. Как и в сельских поселениях, большинство горожан, занятых в подсобных хозяйствах, составляют неработающие пенсионеры и работающие члены семей [12].

Исследования выявляют определённые гендерные различия в уровне занятости и использовании времени на работу в подсобном хозяйстве, которые постоянно меняются под влиянием трансформирующихся обстоятельств. При этом конкретные показатели, характеризующие гендерные различия и их динамику, заметно разнятся в исследованиях, что во многом связано с методическими разночтениями – размытостью терминологии, неодинаковыми подходами к определению подсобных хозяйств из-за их многообразия, региональной спецификой и различиями в расчётах времени.

Так, анализ результатов ряда исследований, выполненный В.Д. Патрушевым, показал, что в 1986 г. у сельских мужчин продолжительность работы в ЛПХ была существенно меньше, чем у женщин. Однако после перехода к рыночной экономике эти показатели во многом выровнялись. Что касается горожан, то продолжительность работы в садах и огородах у работающих городских мужчин и женщин в этот период была сопоставимой и сравнительно небольшой [13]. Выявлено также, что горожане, занятые на оплачиваемой работе, расходовали меньше времени на работу в подсобном хозяйстве, чем не занятые. Продолжительность работы в подсобном хозяйстве у незанятых на оплачиваемой работе мужчин и женщин была одинаковой, тогда как у занятых женщин – больше, чем у занятых мужчин [12, с. 144–145].

Согласно данным ещё одного исследования, проведённого в 2002 г. Р.И. Капелюшниковым, социально-демографический профиль занятости в секторе ЛПХ² был смещён в сторону сельского населения; самых старших возрастных групп; лиц с низким уровнем образования и женщин. Для многих женщин это оборачивается тройной нагрузкой, которая включает оплачиваемую работу, домашний труд и работу в подсобном хозяйстве.

² Объектом анализа являлись все сельские и городские жители, участвующие в подсобном сельскохозяйственном производстве, независимо от того, каково предназначение выпускаемой ими продукции – для реализации на рынке или для собственного потребления, и независимо от того, имеют ли они помимо этого какое-либо другое доходное занятие или нет.

Кроме того, было показано, что женщины склонны работать на приусадебных и дачных участках дольше, чем мужчины, а продолжительность труда городских жителей была в среднем на три часа меньше, чем сельских [14, с. 16–22, 31]. В ходе масштабного лонгитюдного исследования условий жизни, использования времени, повседневной деятельности сельского населения, было установлено, что в начале 2000-х гг. затраты времени на работу в ЛПХ у работающих женщин и мужчин, после существенного роста в середине 1990-х гг., выровнялись [15, с. 26].

Более позднее исследование выявило различия в ежедневных затратах времени на работу в подсобном хозяйстве между мужчинами и женщинами, имеющими постоянную занятость в производственной или непроизводственной сферах [16, с. 88]. Установлено также, что сегодня основной объём работ в ЛПХ выполняется женщинами, которые на селе в большинстве своём являются либо домохозяйками, либо выполняют работы, которые позволяют значительную часть времени находиться на подворье [17]. Вместе с тем анализ трудозатрат в ЛПХ населения по категориям работников (мужчины, женщины, пенсионеры, подростки, неработающие пенсионеры) показал, что, независимо от групповой принадлежности, наибольшая нагрузка ложится на мужские плечи [18].

Представленные результаты исследований, которые проводились по разным методикам и в разное время, дают достаточно фрагментарную и нередко противоречивую картину занятости и продолжительности труда в подсобных хозяйствах. Одним из преимуществ данного исследования является то, что оно основано на результатах опросов, которые проводились по одной методике и в одно и то же время в году.

Целью данной работы является анализ изменений в уровне занятости и затратах времени россиян на работу в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах, некоммерческих товариществах в 1994–2021 гг. В качестве объекта исследования авторы рассматривают занятость и продолжительность труда в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах, некоммерческих товариществах. Предмет исследования – динамика занятости и продолжительности труда в подсобных хозяйствах. Исследовательская гипотеза: одним из результатов экономических преобразований в постсоветский период стало снижение продолжительности работы горожан и сельчан в подсобных хозяйствах.

Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ

(RLMS-HSE)»³. Исследование имеет определённые ограничения, обусловленные тем, что представляющие интерес вопросы включались в «Вопросник для взрослых» только в 1994–1996, 1998 гг. (5–8 волны), а затем после большого перерыва в 2021 г. (30 волна). Поскольку для экономической деятельности домохозяйств характерна чётко выраженная сезонность, важно учитывать, что опросы RLMS-HSE проводятся поздней осенью, т.е. в период сезонного спада, когда эта деятельность затихает. В такие периоды сокращается как численность занятых, так и время их работы в подсобном хозяйстве. Установлено, что летом на работу в подсобном хозяйстве затрачивается в среднем на 1,3–1,6 часа больше, чем зимой [9].

Респондентами выступили взрослые россияне в возрасте 18 лет и старше. Использовались ответы респондентов на два взаимосвязанных вопроса. Сначала они отвечали на вопрос: «Вы работали в последние 7 дней на приусадебном, дачном, садовом земельном участке, кроме фермерских, или в личном подсобном хозяйстве?». Тем из них, кто положительно ответили на этот вопрос было предложено указать, сколько времени (в часах и минутах) они потратили на такую работу. Аналогичные вопросы задавались респондентам в отношении затрат времени на оплачиваемую рабо-

ту, передвижение к месту оплачиваемой работы и обратно, а также на работу по дому. Затраты времени по отдельным видам деятельности рассчитывались только для респондентов, участвующих в том или ином виде деятельности. Под подсобными хозяйствами в исследовании понимается весь сектор подсобного производства сельскохозяйственной продукции жителями сельских и городских населённых пунктов, включающий личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан, а также некоммерческие товарищества (садоводческие, огороднические, дачные и другие).

Занятость в подсобном хозяйстве

Анализ данных RLMS-HSE показал, что в поздний осенний период россияне не отличаются высокой активностью участия в работе на своих земельных участках. Доля респондентов, работавших в течение последних 7 дней в подсобных хозяйствах выросла с 14,3 % в 1994 г. до 29 % в 1996 г., но в 1998 г. упала до 16,2 % и в 2021 г. составила 19,6 % (рисунок 1). При этом, если в 1990-е гг. мужчины заметно превосходили женщин по уровню занятости в подсобных хозяйствах (на 4–6 п.п.), то в 2021 г. эта разница сократилась до минимального 1-го п.п.

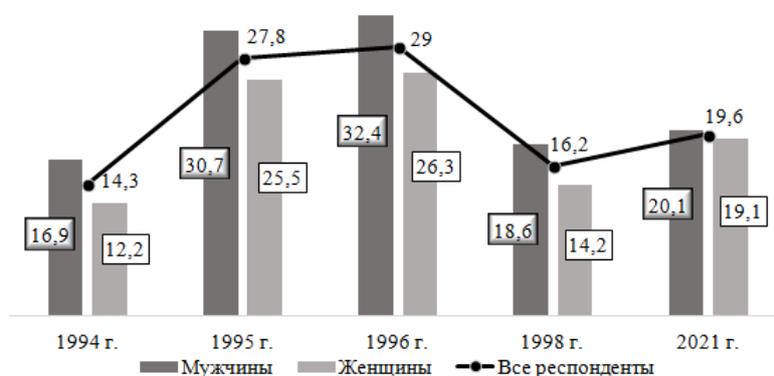


Рисунок 1. Доля работавших в течение последних 7 дней в подсобных хозяйствах, %
Figure 1. Share of People Working on Subsidiary Plots over the Last 7 Days, %

Источник: рассчитано на основе данных RLMS-HSE.

Что касается всплеска занятости в подсобных хозяйствах в середине 1990-х гг., то его можно объяснить неудовлетворительными результатами реформирования аграрного сектора в этот период.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // RLMS-HSE: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/rlms/>.

Переход к многоукладной аграрной экономике не принес ощутимых положительных результатов в повышении эффективности сельскохозяйственного производства. В этих условиях значительно выросла роль личных подсобных и других индивидуальных хозяйств как одной из наиболее гибких и устойчивых организационно-правовых форм в производстве сельскохозяйственной продукции. Доля ЛПХ в сельскохозяйственном производстве в данный период выросла более чем вдвое и превышала в отдельные годы половину [19, с. 55–58].

Таблица 1

Доля работавших в течение последних 7 дней в подсобных хозяйствах в зависимости от типа поселения, %

Table 1

Share of People Worked on Subsidiary Plots over the Last 7 Days, Depending on the Type of Settlement, %

Год	Региональный центр			Другой город			Посёлок городского типа			Село		
	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.	в целом	муж.	жен.
1994	3,1	5,2	1,5	3,8	5,1	2,8	13,9	17,1	11,3	43,7	48,1	40,1
1995	14,2	17,2	11,8	19,3	22,2	16,9	34,0	36,9	31,4	57,7	60,2	55,7
1996	14,9	18,2	12,2	21,1	25,5	17,5	37,6	44,8	31,4	58,1	59,8	57,5
1998	3,8	5,3	2,6	4,8	5,7	4,1	15,6	17,2	14,2	48,3	53,7	43,8
2021	8,7	9,2	8,3	16,2	15,8	16,6	23,0	25,2	21,1	39,8	39,9	39,6

Источник: рассчитано на основе данных RLMS-HSE.

Как видно из таблицы 1, уровень вовлечённости в деятельность подсобного хозяйства очень сильно зависит от типа поселения. Так, поздней осенью 2021 г. среди респондентов, проживающих в областных, краевых и республиканских центрах, т.е. в самых крупных городах работал на своём земельном участке только каждый десятый, среди проживающих в других городах – каждый шестой, тогда как среди жителей посёлков городского типа таких было уже около четверти, а среди сельчан – почти 40 %. Такие большие различия можно объяснить тем, что подсобные хозяйства продолжают оставаться одним из средств выживания, определённым механизмом защиты от безработицы и бедности для немалой части граждан, проживающих в сельской местности и небольших посёлках. Но в то же время обращает на себя внимание тот важный факт, что в 2021 г. по сравнению с 1998 г. в городских поселениях доля занятых в подсобных хозяйствах существенно выросла и только в сельских поселениях сократилась.

Это позволяет говорить о том, что за прошедший период, с одной стороны, выросло число горожан, владеющих земельными участками и проявляющих интерес к работе на земле, который вызван желанием получить экологически чистую продукцию, приобрести увлекательное занятие, снять стресс напряжённой жизни, снизить расходы на питание и др. В настоящее время число городских владельцев земельными участками (участники садоводческих, дачных огородных товариществ, жители коттеджных посёлков и др.) стало сопоставимо с числом ЛПХ сельских жителей [20, с. 133]. С другой стороны, уменьшилось число сельчан, заинтересованных в ведении подсобного хозяйства [21]. Занятость в ЛПХ для сельских жителей всё реже становится исключительно вынужденным выбором, как это было для большинства в 1990-х гг. Результатом этого сокращения стало снижение производства в ЛПХ,

которое наблюдается на протяжении последних двадцати лет [3, с. 81]. В связи с этим растёт пессимизм в отношении их неопределённого будущего и всё чаще высказываются разные, нередко полярные, оценки перспектив развития ЛПХ [22]. По прогнозам некоторых специалистов, эпоха экономического доминирования ЛПХ в России закончилась, и их уход с экономической сцены не скажется на продовольственной безопасности страны [10, с. 43].

С начала перехода к рыночной экономике в городских и сельских поселениях всех типов мужчины постоянно превосходили женщин по уровню вовлечённости в деятельность подсобных хозяйств, но к концу 2021 г. эти различия практически нивелировались, за исключением посёлков городского типа. В 2021 г. по сравнению с 1998 г. в региональных центрах и других городах уровень занятости в подсобных хозяйствах вырос более существенно, чем в посёлках городского типа, как среди мужчин, так и среди женщин. В то же время в сельских поселениях прослеживалась противоположная тенденция, демонстрирующая снижение доли лиц, занятых в ЛПХ, среди респондентов обоего пола.

Занятость в подсобном хозяйстве ещё больше повышает общую трудовую нагрузку у тех, кто трудится на постоянной или временной оплачиваемой работе. И в городских, и в сельских поселениях уровень занятости работающих мужчин и женщин в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах, некоммерческих товариществах оказался практически одинаковым. При этом с 1998 г. по 2021 г. в городских поселениях уровень занятости у работающих мужчин вырос с 5,3 до 12 %, тогда как у работающих женщин – с 3,1 до 11,5 %. В то же время в сельских поселениях за этот же период уровень занятости в ЛПХ у работающих мужчин сократился с 52,3 до 38,2 %, тогда как у работающих женщин не изменился,

составив около 40 %. В 2021 г., при наличии едва различимых гендерных различий, среди городских пенсионеров подсобным хозяйством занимался примерно каждый пятый, тогда как среди сельских – каждый второй.

Динамика продолжительности работы в подсобном хозяйстве

Исследование выявило значительное сокращение продолжительности работы населения в личных подсобных и других индивидуальных хозяйствах, некоммерческих товариществах, являющееся одним из наиболее убедительных свидетельств снижения интереса населения к производству сельскохозяйственной продукции для собственного потребления, а также сокращения вклада подсобных хозяйств в местное продовольственное обеспечение (рисунок 2). В целом, за 1994–2021 гг. средние затраты времени на работу в подсобных хозяйствах сократились в 1,8 раз – с 16,9 до 9,4 часа в неделю или с 2,41 до 1,34 часа в сутки на человека. Причём такая тенденция была характерна для респондентов обоего пола.

С начала 1990-х гг. различия между мужчинами и женщинами по данному показателю были сравнительно небольшими и к концу 2021 г. полностью сгладились.

Занятость на оплачиваемой работе, снижающая возможность заниматься другими видами деятельности, приблизительно на треть сокращает продолжительность работы в ЛПХ, на приусадебном, дачном, садовом, земельном участках. У респондентов, которые тратили время на оплачиваемую работу и связанные с ней виды деятельности, средние затраты времени на труд в подсобном хозяйстве сократились с 1994 г. по 1998 г. с 13,4 до 10,9 часа и затем к концу 2021 г. – до 6,7 часа на человека в неделю. При этом гендерные различия оказались едва различимыми. У работающих мужчин сокращение значения данного показателя за весь период составило с 13,5 до 6,7 часа, у работающих женщин – с 13,2 до 6,7 часа. Таким образом, сегодня занятые на постоянной оплачиваемой работе мужчины и женщины тратят на работу в подсобном хозяйстве в среднем менее часа в сутки.

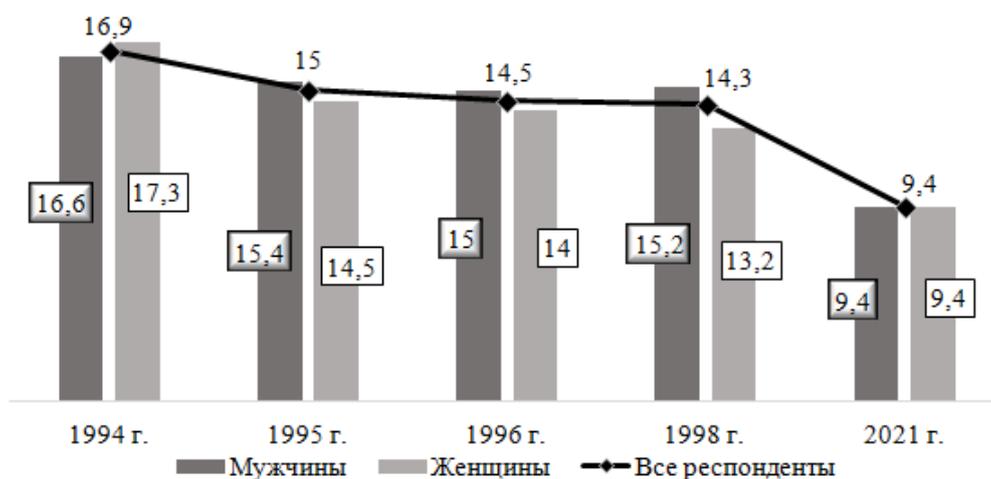


Рисунок 2. Затраты времени на работу в подсобных хозяйствах (в среднем на человека в часах за 7 дней недели)

Figure 2. Time Spent Working on Subsidiary Plots (Average Per Person in Hours for 7 Days)

Источник: рассчитано на основе данных RLMS-HSE.

Подробные данные, характеризующие распределение респондентов в зависимости от продолжительности труда в подсобном хозяйстве, представлены в таблице 2. Они, в частности, демонстрируют стремительный рост доли респондентов, которые тратят в день на работу в подсобном хозяйстве менее одного часа: с 20,7 % в 1994 г. до 54,2 % в 2021 г. Данный рост произошёл полностью за счёт сокращения удельного веса наиболее активного контингента, т.е. респондентов, которые трудились в день подсобном хозяйстве в

среднем от 2-х до 3-х часов (соответственно с 22,7 до 13,5 %) и 3 часа и более (с 34,3 до 10,8 %). Выявленные тенденции были практически в равной мере характерны как для мужчин, так и для женщин. Примечательно, что в данном случае средние значения затрат времени изменились очень мало. Так, у наиболее активных респондентов, которые расходовали в день на труд в подсобном хозяйстве 3 часа и более, среднее значение данного показателя за рассматриваемый период увеличилось с 4,5 до 4,7 часа.

Характерно, что гендерные различия в продолжительности труда в подсобном хозяйстве практически не зависят от возраста. Но при этом хорошо видно, чем старше респонденты, тем больше времени они уделяют работе на своём земельном участке. Обращает на себя внимание также значительное увеличение по мере повышения возраста наиболее активного

контингента подсобных хозяйств. Доля респондентов, которые трудятся в подсобном хозяйстве в среднем более 2-х часов в день, увеличивается с 8,5 % среди 18–29-летних мужчин до 35,7 % среди тех, кому 60 лет и более, т.е. более чем в 4 раза. Среди женщин этот рост оказался значительно ниже – соответственно с 16,6 до 31,9 %.

Таблица 2

Распределение респондентов в зависимости от продолжительности труда в подсобном хозяйстве в день, %

Table 2

Distribution of Respondents Depending on the Duration of Work on Subsidiary Plots per Day, %

Часы в день	1994 г.			1996 г.			1998 г.			2021 г.		
	в целом	муж.	жен.									
Менее 1	20,7	21,1	20,4	33,3	31,6	35,1	28,1	24,6	32,1	54,2	53,9	54,4
От 1 до 2	22,3	23,5	21,0	22,6	22,2	23,0	24,4	23,8	25,1	21,5	23,0	20,2
От 2 до 3	22,7	23,5	21,6	19,5	21,0	17,9	20,4	21,8	18,7	13,5	12,8	14,1
3 и более	34,3	31,9	37,0	24,6	25,2	24,0	27,1	29,8	24,1	10,8	10,3	11,3

Источник: рассчитано на основе данных RLMS-HSE.

В небольших домохозяйствах, состоящих большей частью из людей пенсионного возраста, затраты времени на работу в подсобном хозяйстве выше, чем в больших. Так, в 2021 г. в домохозяйствах, включающих 1–2-х человек (одинокое мужчины и женщины; брачные пары без детей пожилого возраста), среднее время работы в ЛПХ, на приусадебном (садовом, земельном) участке составляло в день на человека 1,5 часа; включающих 3 человека – 1,3 часа; включающих 4 и более человек – 1,2 часа. По сравнению с 1994 г. все указанные показатели сократились вдвое.

Примечательно, что в 1994 г. сельчане тратили на работу в ЛПХ или на каком-либо земельном участке в среднем на человека 2,6 часа в день, тогда как горожане – только 1,9 часа в день. В дальнейшем и горожане, и сельчане стали уделять этому занятию меньше времени, но если у горожан к концу 2021 г. данный показатель снизился до 1,4 часа, то у сельчан – до 1,3 часа в день. За весь рассматриваемый период среднесуточные затраты времени на работу в подсобном хозяйстве у жителей региональных центров сократились с 1,9 до 1,5 часа, у жителей других городов – с 1,9 до 1,4 часа, у жителей посёлков городского типа – с 1,9 до 1 часа.

Результаты сравнительного анализа использования времени на разные виды труда мужчи-

нами и женщинами позволяют сделать вывод о том, что основной вклад в формирование гендерных различий в общей продолжительности труда вносят работа по дому и оплачиваемая работа (таблица 3). Большая загруженность мужчин на оплачиваемой работе с лихвой перекрывается огромной загруженностью женщин бесплатной работой по дому, включающей затраты времени на поиски и покупку продуктов питания, в том числе заказ продуктов через интернет или по телефону; приготовление пищи и мытьё посуды; уборку квартиры; стирку и глажение белья, одежды своей или других членов семьи. При этом работа в подсобном хозяйстве, практически не отличающаяся по времени у мужчин и женщин, увеличивает общую трудовую нагрузку, особенно у тех из них, кто занят на оплачиваемой работе, сокращая время на отдых и занятия в свободное время. Для работающих женщин, основательно загруженных также домашней работой, это увеличение оказывается более чувствительным, чем для мужчин. К хорошо заметным тенденциям можно отнести то, что в 2021 г. по сравнению с девяностыми годами сократились затраты времени не только на работу в подсобном хозяйстве, но и на работу по дому у граждан обоего пола, но особенно значительно у женщин.

Продолжительность оплачиваемого и неоплачиваемого труда в неделю*
(на человека в часах за 7 дней недели)

Duration of paid and unpaid work per week* (per person in hours for 7 days)

Вид деятельности	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1998 г.	2021 г.
Оплачиваемая работа, включая передвижение на работу и обратно:					
мужчины	50,5	50,8	51,0	48,2	49,9
женщины	44,0	44,3	44,4	42,8	45,2
Работа по дому:					
мужчины	11,2	8,9	8,1	8,0	6,0
женщины	32,1	28,4	26,7	24,7	16,7
Работа в подсобном хозяйстве:					
мужчины	16,6	15,4	15,0	15,2	9,4
женщины	17,3	14,5	14,0	13,2	9,4

*Средние по тем, у кого были затраты по данному виду деятельности

*Average for those who was engaged in this type of activity

Источник: рассчитано на основе данных RLMS-HSE.

Заключение

Таким образом, исследование, охватывающее практически весь постсоветский период, выявило заметное снижение продолжительности работы россиян в подсобных хозяйствах. На фоне небольшого роста уровня вовлечённости населения в деятельность подсобных хозяйств, который произошел за счёт городских семей, наблюдалось почти двукратное сокращение продолжительности работы граждан на своих земельных участках. Доминирование мужчин по уровню занятости среди горожан и сельчан, которое прослеживалось в начале перехода к рыночной экономике, в дальнейшем практически полностью сгладилось. Наиболее активный контингент, уделяющий работе на земле в среднем более двух часов в день, сократился в два с половиной раза до минимального уровня, не превышающего четверти заня-

тых. Если тридцать лет назад сельчане тратили на работу в подсобном хозяйстве в полтора раза больше времени, чем горожане, то сегодня эта разница сократилась до минимума. Как мужчины, так и женщины, занятые на оплачиваемой работе, расходуют на труд в подсобном хозяйстве в среднем менее часа в сутки. Время, которым мужчины и женщины располагают для работы в подсобном хозяйстве, тесно увязано с объёмом трудовой нагрузки на оплачиваемой работе и загруженностью домашней работой. Вместе с тем, независимо от занятости на оплачиваемой работе, у мужчин продолжительность работы в подсобном хозяйстве в полтора раза превышает затраты времени на работу по дому, тогда как у женщин, наоборот, продолжительность работы по дому оказывается почти вдвое больше, чем затраты времени на труд в подсобном хозяйстве.

Список литературы

1. Намруева Л.В. Занятость в личных подсобных хозяйствах южнороссийских регионов: итоги исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Том. 8. № 3. С. 77–97. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7488> EDN JTOONG
2. Великий П.П. Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 49–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250007734-0> EDN ASCELK
3. Калафатов Э.А. Роль личных подсобных хозяйств в развитии продовольственной безопасности России и сельских территорий // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2021. № 4(57). С. 79–93. EDN BIRYMT
4. Нефедова Т.Г., Николаева У.Г. Современное подсобное хозяйство селян и горожан: историческая динамика, функции, пространственные различия // Население и экономика. 2019. Том 3. № 1. С. 95–111. <https://doi.org/10.3897/porecon.3.e34903>
5. Янина Т.Ф., Ананьев М.А. Организационно-экономические основы формирования национального кластера сферы малых форм хозяйствования в системе продовольственного обеспечения страны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 1(25). С. 146–155. EDN QVKAGB
6. Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 264 с. ISBN 978-5-89665-289-2 EDN TTXCPL

7. Байбакова Т.В., Савельева Н.К., Созинова А.А. Проблемы и перспективы развития личных подсобных хозяйств в Российской Федерации // АПК: Экономика, управление. 2023. № 2. С. 44–51. <https://doi.org/10.33305/231-44> EDN RDZKSG
8. Ламанов П.И. Занятость в личном подсобном хозяйстве как составная часть совокупной занятости // Наука и современность. 2015. № 37-2. EDN TUFEP L
9. Вегрен С.К., Троцук И.В. Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России // Крестьяноведение. 2019. Том 4. № 4. С. 22–49. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-22-49> EDN WZUMHT
10. Муханова М.Н. Производственная деятельность и типы сельских домохозяйств (на примере личных подсобных хозяйств) // Мир России. 2013. № 1. С. 78–105. EDN PVKGCP
11. Рощина Я.М., Сухова А.С. Типологический анализ поведения российских домохозяйств в сфере частного сельскохозяйственного производства. Препринт WP4/2009/04. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. 78 с. EDN QUBYCV
12. Алашеев С., Варшавская Е., Карелина М. Подсобное хозяйство городской семьи // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / под ред. В. Кабашиной, С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999. С. 127–155. ISBN 5-8243-0056-9
13. Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 46–50. EDN OPCQHP
14. Капелюшников Р.И. Занятость в домашних хозяйствах населения. Препринт WP3/2005/01. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2005. 60 с. EDN QQNVNP
15. Артемов В.А., Новохацкая О.В. Использование времени и социальное самочувствие: опыт экспериментального анализа // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 24–31. EDN MHNRRR
16. Скрипниченко Ю.С., Молчаненко С.А., Барсуков М.Г. Формирование центров опережающего развития в аграрной экономике Ставропольского края // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 4. С. 86–93. EDN TQCDEF
17. Гладких А.Н. Затраты труда и его производительность в личных подсобных хозяйствах Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2011. Том 1. № 1. С. 43–44. EDN NDFUPD
18. Лайтанова З.М. Роль и значение личных подсобных хозяйств населения // Вестник Евразийской науки. 2019. № 6. EDN PLTOSH
19. Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. 2000. № 3. С. 48–95. EDN ZLJADF
20. Нefeldова Т.Г. Современное крестьянское хозяйство в село-городской среде // Крестьяноведение. 2018. Том 3. № 1. С. 117–140. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-1-117-140> EDN XMPJBZ
21. Полушин Г.А., Алакоз В.В., Черкашин К.И. Состояние и перспективы землепользования личных подсобных хозяйств // АПК: Экономика, управление. 2018. № 11. С. 36–50. <https://doi.org/10.33305/1811-36> EDN VOLSSC
22. Недосекин С.В. Особенности деятельности личных подсобных хозяйств в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2006. Том 73. С. 86–91. EDN JWSWLR

Информация об авторах:

Полина Михайловна Козырева – доктор социологических наук, первый заместитель директора, Институт социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований, Институт социальной политики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(SPIN-код: 7548-7264) (РИНЦ AuthorID: 346897) (ResearcherID: F-2538-2014) (Scopus Author ID: 6505848584)

Алфия Энварьевна Низамова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (SPIN-код: 6059-5446) (РИНЦ AuthorID: 737670) (ResearcherID: I-3631-2015) (Scopus Author ID: 40461897500)

Александр Ильич Смирнов – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

(SPIN-код: 2137-2735) (РИНЦ AuthorID: 678594) (ResearcherID: ABA-6123-2021) (Scopus Author ID: 55574203282)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Козырева Полина Михайловна.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Namrueva L.V. Employment in Private Farms in Southern Russian Regions: Results of the Study. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2020;8(3):77–97. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7488> (In Russ.)
2. Velikiy P.P. Owners of Private Farmsteads: Differentiation, Problems, Outlook. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2019;(12):49–64. <https://doi.org/10.31857/S013216250007734-0> (In Russ.)
3. Kalafatov E.A. The Role of Personal Subsidiary Farms in the Development of Food Security in Russia and Rural Areas. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii=Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*. 2021;(4(57)):79–93. (In Russ.)
4. Nefeldova T.G., Nikolaeva U.G. Modern Subsidiary Farming of Villagers and Townspeople: Historical Dynamics, Functions, Spatial Differences. *Naseleniye i ekonomika=Population and Economics*. 2019;3(1):95–111. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34903> (In Russ.)
5. Yanina T.F., Ananyev M.A. Organizational-Economic Basics of Formation of the National Cluster of the Sphere of Small Forms of Business in the System of National Provision Supply. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki=University Proceedings. Volga region. Social Sciences*. 2013;(1(25)):146–155. (In Russ.)

6. Fadeeva O.P., Kalugina Z.I. (sci. ed.) Sel'skiye Soobshchestva i Khozyaystvennyye Uklady: ot Vyzhivaniya k Razvitiyu. Novosibirsk: IEOPP SB RAS; 2015. 264 p. ISBN 978-5-89665-289-2 (In Russ.)
7. Baibakova T.V., Saveleva N.K., Sozinova A.A. Problems and Prospects of Development of Personal Subsidiary Farms in the Russian Federation. *APK: Ekonomika, Upravlenie=APK: Economics, Management*. 2023;(2):44–51. <https://doi.org/10.33305/231-44> (In Russ.)
8. Lamanov P.I. Zanyatost' v Lichnom Podsobnom Khozyaistve kak Sostavnaya Chast' Sovokupnoi Zanyatosti. *Nauka i sovremennost'=Science and Modernity*. 2015:37–2. (In Russ.)
9. Wegren S.K., Trotsuk I.V. The Paradoxes of Smallholders in Contemporary Russia. *Krest'yanovedeniye=Russian Peasant Studies*. 2019;4(4):22–49. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-22-49> (In Russ.)
10. Mukhanova M.N. Production Activity and Types of Rural Households (on the Example of Personal Subsidiary Plots). *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2013;(1):78–105 (In Russ.)
11. Roshchina Ya.M., Sukhova A.S. Tipologicheskii Analiz Povedeniya Rossiyskikh Domokhozyaystv v Sfere Chastnogo Sel'skokhozyaystvennogo Proizvodstva. Working paper WP4/2009/04. Moscow: State University – Higher School of Economics; 2009. 80 p. (In Russ.)
12. Alashev S., Varshavskaya E., Karelina M. Podsobnoe khozyaistvo gorodskoi sem'i. In: Kabalina V., Clark S. (eds.) Zanyatost' i Povedeniye Domokhozyaystv: Adaptatsiya k Usloviyam Perekhodnoy Ekonomiki Rossii. Moscow: Publishing House ROSSPEN; 1999. P. 127–155. ISBN 5-8243-0056-9 (In Russ.)
13. Patrushev V.D. Dynamics of the Use of Time Budgets by Urban and Rural Populations. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2005;(8):46–50. (In Russ.)
14. Kapelyushnikov R.I. Zanyatost' v Domashnikh Khozyaystvakh naseleniya. Working paper WP3/2005/01. Moscow: State University – Higher School of Economics; 2005. 60 p. (In Russ.)
15. Artemov V.A., Novokhatskaya O.V. Use of Time and Social Well-being: Experience of Experimental Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2011;(2):24–31 (In Russ.)
16. Skripnichenko Yu.S., Molchanenko S.A., Barsukov M.G. Formation of Centers of Advanced Development in the Agricultural Economy of the Stavropol Territory. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii=Agricultural Economics of Russia*. 2015;(4):86–93 (In Russ.)
17. Gladkikh A.N. Labor Costs and Productivity in Private Farms in the Kursk Region. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii=Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2011;1(1):43–44. (In Russ.)
18. Laypanova Z.M. The Role and Importance of Personal Farms of the Population. *Vestnik Yevraziyskoy nauki=The Eurasian Scientific Journal*. 2019;(6). (In Russ.)
19. Kalugina Z.I. Transformation of the Agricultural Sector of Russia: Problems of Efficiency and Adaptation of the Population. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2000;(3):48–95 (In Russ.)
20. Nefedova T.G. Modern Peasant Farming in a Rural-urban Environment. *Krest'yanovedeniye=Russian Peasant Studies*. 2018;3(1):117–140. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-1-117-140> (In Russ.)
21. Polunin G.A., Alakoz V.V., Cherkashin K.I. Condition and Prospects of the Household Plot's Land Usage. *APK: Ekonomika, Upravlenie=AIC: Economics, Management*. 2018;(11):36–50. <https://doi.org/10.33305/1811-36> (In Russ.)
22. Nedosekin S.V. Features of the Activities of Personal Subsidiary Plots in Russia. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii=Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2006;73:86–91. (In Russ.)

Information about the authors:

Polina M. Kozyreva – Doctor of Sociology, First Deputy Director, Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, Higher School of Economics

(SPIN-code: 7548-7264) (РИНЦ AuthorID: 346897) (ResearcherID: F-2538-2014) (Scopus Author ID: 6505848584)

Alfiya E. Nizamova – PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 6059-5446) (РИНЦ AuthorID: 737670) (ResearcherID: I-3631-2015) (Scopus Author ID: 40461897500)

Aleksandr I. Smirnov – Doctor of Sociology, Leading Research Worker, Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 2137-2735) (РИНЦ AuthorID: 678594) (ResearcherID: ABA-6123-2021) (Scopus Author ID: 55574203282)

Authors' declared contribution: all authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Polina M. Kozyreva.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 331.5

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_8_425_436

EDN FWVAFN

Феномен уверенности в занятости на рынке труда у работающего населения России

Александр Лазаревич Темницкий^{1,2}

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

(taleksandr@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5275-7457>)

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье на основе вторичного анализа объединённого массива данных российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 1994–2022 гг. раскрываются динамика и особенности соотношения уровней страха потерять работу и уверенности в занятости в случае увольнения у работающего населения России. По результатам анализа показывается конструктивная роль страха потери работы при наличии уверенности в занятости в случае увольнения и деструктивная при её отсутствии. На основе использования концепции ресурсного подхода последовательно раскрывается роль биологических, профессионально-образовательных, территориальных, производственных, экономических и поведенческих групп ресурсов работников в повышении уровня уверенности в занятости. Выявлено, что обладание указанными ресурсами в наибольшей степени присуще молодым мужчинам (до 35 лет) с хорошим здоровьем, проживающим в мегаполисах и областных центрах. Из числа производственных, экономических и поведенческих ресурсов наибольший вклад в рост уверенности в занятости вносят занятость на частных предприятиях и наличие второй работы. К ним присоединяются неофициальное трудоустройство и трудовая мобильность. Результаты регрессионного анализа влияния всех групп ресурсов на уровень уверенности в занятости показали, что вне зависимости от принадлежности к специалистам высшего уровня квалификации (профессионалам) или квалифицированным рабочим наибольший вклад вносит наличие второй работы. В целом, проведённый анализ позволяет утверждать, что повышение уверенности в занятости на рынке труда в случае увольнения в большей мере является следствием полученного на практике опыта дополнительной оплачиваемой работы, смены работы или профессии, а не эмоционально-психологического состояния личности, её образовательного уровня и профессионального статуса.

Ключевые слова: уверенность в занятости, страх потери работы, рынок труда, ресурсный подход, профессионалы, квалифицированные рабочие, вторичный анализ

Для цитирования: Темницкий А.Л. Феномен уверенности в занятости на рынке труда у работающего населения России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 425–436. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_8_425_436 EDN FWVAFN



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_8_425_436

The Phenomenon of Employment Confidence in the Job Market among the Working Population of Russia

Aleksandr L. Temnitskii^{1,2}

¹Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia

(taleksandr@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5275-7457>)

²Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

Based on a secondary analysis of the combined data set obtained through of the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) of Russians between 1994 and 2022, the article reveals the dynamics and details pertaining to the ratio of fear levels from losing a job and employment confidence in the event of dismissal in the working population of Russia. According to the results of the analysis, the fear of job loss appears to be constructive when combined with employment confidence in the event of dismissal and destructive when this confidence is absent. Applying the concept of the resource-based view, the author of the article studies the role of biological, vocational, educational, territorial, industrial, economic and behavioral groups of workers' resources in increasing the level of confidence in employment. It was revealed that the possession of these resources is most inherent in young men (under 35 years of age) who have good health and live in megacities or regional centers. Among the production, economic and behavioral resources, employment in private enterprises and the availability of a second job make the greatest contribution to the growth of employment confidence. Other important resources include unreported employment and labor mobility. The results of a regression analysis of the impact of all resource groups on the level of employment confidence showed that, regardless of the high level of qualification among specialists (professionals) or skilled workers, the availability of a second job makes the greatest contribution. In general, the analysis suggests that an increase in employment confidence in the labor market in the event of dismissal is more a consequence of the experience of an additional paid work, a change of a job or a profession, than the emotional and psychological state of the individual, his or her education level and professional status.

Keywords: employment confidence, fear of job loss, job market, resource-based view, professionals, skilled workers, secondary analysis

For citation: Temnitskii A.L. The Phenomenon of Employment Confidence in the Job Market among the Working Population of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):425–436. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_8_425_436 (In Russ.)



Введение

Безработица в России к марту 2024 г. опустилась до рекордно низкой отметки за всю историю наблюдений – 2,7 %¹. Одновременно с этим резко возрос дефицит кадров, который по подсчётам Института экономики РАН в 2023 году составил почти 5 млн. человек². Вместе с тем происходящие процессы не меняют «российскую модель рынка труда», поскольку механизм реагирования на внешние шоки не изменился (снижение оплаты труда, сокращение рабочего времени) [1].

Негативным фактом сегодняшнего времени остаётся нестабильная, неустойчивая занятость, в которой страх потери работы продолжает оставаться одним из её субъективных факторов наряду с объективными: низкий уровень доходов, неофициальное трудоустройство, заёмный труд, временная работа, случайные заработки (список можно продолжить). В целом, такая занятость получила название прекарной, а класс образующих её людей был назван прекариатом [2, с. 23].

Проблема прекарной (неустойчивой) занятости в последнее время оказалась в центре внимания отечественных исследователей, занимающихся проблемами труда и занятости [3; 4]. Объединяет указанные работы то, что определяющим объектом исследований является *положение* наёмных работников, обусловленное условиями прекарной занятости. Решение проблемы прекарной занятости, как правило, связывается с повышением регулирующей роли государства, с проведением в жизнь основных принципов трудового кодекса РФ: обеспечение права каждого занятого на справедливые условия труда, включая его безопасность и право на отдых; равенство прав и возможностей работников; обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы и т.д.³. Намного меньшее внимание в исследованиях уделяется *отношению* (ценностным диспозициям, установкам, поведению) самих работников к прекарным формам и условиям занятости. Напомним, что первый принцип в положениях Трудового кодекса о занятости указывает на свободу занятости, включая право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности.

¹ Социально-экономическое положение России. Январь-март 2024 / Росстат. М.: 2024. С. 312. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2024.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

² РАН: дефицит кадров в России в 2023 году составил 4,8 млн человек // Kommersant.ru: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6425588> (дата обращения: 28.04.2024).

³ См.: Трудовой Кодекс РФ, статья 2 «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений».

Вряд ли можно ожидать, что в сегодняшней ситуации низкой безработицы и дефицита кадров, квалифицированные работники будут использовать характерные для советского времени рычаги давления на администрацию, такие как угроза уволиться с предприятия или начнут массово увольняться в поисках лучших условий труда и его оплаты. Несомненно, что привычка к гарантированной занятости стала одним из важных стереотипов советского сознания и поведения работников, и именно она подверглась в постсоветское время наиболее сильному воздействию. Формирование чувства страха потери работы у большинства занятых – один из первых удавшихся результатов сознательной политики реформирования общества в сторону рынка. Результаты анализа социологических данных в динамике проводимых реформ, показывают, что гарантии занятости вошли и прочно закрепились в ядре мотивов труда рабочих [5].

Что означает сегодня – быть уверенным в своей занятости? Как менялся уровень уверенности в занятости на протяжении реформ? В какой мере уверенность работника в своей востребованности на рынке труда в случае увольнения зависит от индивидуально-личностных качеств, а в какой – от характеристик среды (региона проживания, отрасли занятости, типа предприятия и т.п.), а также от полученного опыта по смене работы и профессии, вторичной занятости? Как соотносится страх потери работы с уверенностью в занятости?

Ответы на эти вопросы будут даны на основе вторичного анализа массивов данных РМЭЗ⁴ за 1994–2022 годы. Объектом исследования являются наёмные работники, которые на момент опроса имели оплачиваемую работу в организациях.

Предмет исследования: динамика и особенности соотношения страха потерять работу и уверенности в занятости, выявление роли индивидуальных характеристик, условий труда и практик трудового поведения в повышении уверенности в занятости у работающего населения России.

Цель исследования: выявить основные предикторы уверенности в занятости в случае увольнения у квалифицированных рабочих и профессионалов высшей квалификации, определить роль страха потери работы во взаимосвязи с уровнем уверенности в занятости в оценках со-

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // RLMS–HSE: [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/rlms/>.

циального самочувствия, показателях трудового поведения и оплаты труда.

Гипотеза. Предполагается, что повышение уверенности в занятости на рынке труда в случае увольнения в большей мере является следствием мобильности на рынке труда (смены работы или профессии), полученного на практике опыта дополнительной оплачиваемой работы, а не наличия сильных биологических ресурсов (принадлежность к мужскому полу, молодой возраст, хорошее здоровье), высокого образовательного уровня и профессионального статуса работника.

Понятие и подходы к измерению и анализу уверенности в занятости

Уверенность – распространённый объект исследований в психологии, который в условиях роста неопределённости общества в экономической, политической и международных сферах является актуальным для политологов, экономистов и социологов. Психологи, как правило, делают акцент на исследование уверенности личности в себе, в свои силы, способности и возможности. В психологическом словаре уверенность в себе трактуется как «готовность субъекта решать достаточно сложные задачи, причём уровень притязаний не снижается из-за одних опасений неудачи. Если уровень способностей значительно ниже требуемого для намеченного действия, то имеет место самоуверенность» [6, с. 376]. Последнее уточнение является очень важным при анализе проявлений уверенности в занятости, особенно молодёжи, у которой самоуверенность может возвышаться над подлинной (обоснованной) уверенностью.

Обратной стороной уверенности является неуверенность, в возникновении которой существ-

венную роль играет социальный страх. В той или иной степени страхи присутствуют в психике любого человека. Психологами бихевиористами было показано, что проблема неуверенных людей заключается в том, что у них социальный страх становится доминирующим чувством, блокирующим их социальную активность. Однажды возникнув, социальный страх прочно ассоциируется с определёнными социальными ситуациями и затем подкрепляет сам себя, становится «выученным» страхом, а поведение, связанное с ним, поддерживается автоматически, воспроизводится, распространяясь на смежные социальные ситуации [7].

Обращение к проблеме выявления факторов роста уверенности в занятости невозможно без учёта роли страха потерять работу. В исследованиях экономистов, посвящённых проблеме страхов наёмных работников из-за угроз безработицы, понятие уверенности в занятости, как правило, не используется. Так, вопрос об уверенности найти работу в случае предполагаемого закрытия предприятия⁵ интерпретируется ими как один из двух индикаторов степени боязни безработицы⁶, и на этой основе строится интегральный индекс «страха» [8, с. 344].

Такой, закономерный для экономистов, подход уводит, на наш взгляд, рассматриваемый феномен уверенности в занятости в плоскость проблемы безработицы. При социологическом подходе, которого мы будем придерживаться, важно выделять типологические сочетания страха потери работы и уверенности в занятости.

На основе связей между показателями страха потери работы и уверенности в занятости можно предложить четыре типологические категории работников (таблица 1).

Таблица 1

Типологические группировки наёмных работников в зависимости от соотношения страха потери работы и уверенности на рынке труда

Table 1

Typological Grouping of Employees by the Ratio of Fear of Job Loss and Employment Confidence in the Labor Marke

Группировки	Индикаторы
1. <i>Боящиеся</i> потерять нынешнюю работу, и <i>не уверенные</i> в том, что найдут другую	Выраженный страх потери работы
2. <i>Не боящиеся</i> потерять нынешнюю работу, но и <i>не уверенные</i> в том, что найдут другую	Локальная уверенность в занятости
3. <i>Боящиеся</i> потерять нынешнюю работу и <i>уверенные</i> в том, что найдут другую	Конструктивная уверенность в занятости
4. <i>Не боящиеся</i> потерять нынешнюю работу, и <i>уверенные</i> в том, что найдут другую	Полная уверенность в занятости

Источник: разработано автором.

⁵ Формулировка вопроса в вопроснике РМЭЗ: ««Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где Вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?»».

⁶ В качестве второго индикатора использовались ответы на вопрос: «Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу? Оба вопроса сопровождались пятичленными шкалами».

При таком подходе главным предметом исследования являются различные проявления уверенности в занятости на рынке труда, которая рассматривается как одна из важнейших характеристик трудового поведения, инициируемого работником в условиях возможной потери рабочего места. Только в одном случае (первая группировка) можно утверждать о выраженном страхе потери работы. Во всех остальных случаях мы имеем дело с различными проявлениями уверенности в занятости на фоне страха (либо его отсутствия) потерять работу. Актуально обращение к типологическому сочетанию страха потери работы с уверенностью найти другую работу в случае её потери. Предполагается, что здесь страх потери работы выполняет конструктивную роль, является индикатором ценности выполняемой работы, за которой возможно скрываются лучшие условия труда и его оплаты, более высокое качество занятости в целом.

Содержательный анализ предложенной типологии будет рассмотрен в следующем разделе.

Динамика соотношения страха потерять работу и уверенности в занятости у работающего населения России

Ни по одному из годов обследований не было замечено, чтобы уровень уверенности найти работу не хуже имеющейся в случае закрытия предприятия был бы выше, чем уровень страха её потерять. И никогда страх потерять работу не опускался ниже 50 %. Максимум страха (69 %) и минимум уверенности (19 %) приходится на 1998 г. – год дефолта российской экономики. Пик уверенности (46 %) был замечен в 2007 г., оказавшихся одним из самых благополучных для экономического роста. С вхождением российской экономики в новый кризисный период, начиная с 2014 г., расхождения между уровнями страха и уверенности вновь стали расти, достигнув максимума в пик пандемии (2020 г.) – 64 % боявшихся потерять работу и 33 % уверенных, что найдут другую. После 2021 г. страхи ослабли, а уверенность повысилась (рисунок 1)⁷.



Рисунок 1. Страх потери работы и уверенность в занятости в динамике 1994–2022 гг.
Figure 1. Fear of Job Loss and Confidence in Employment in Dynamics 1994–2022

Источник: данные объединённого массива РМЭЗ-ВШЭ 1994–2022.

Означает ли это, что определяющим фактором роста либо снижения страхов и уверенности является внешняя по отношению к работнику ситуация в экономике и, соответственно, на рынке труда, которую они (работники) оперативно улавливают и адекватно на неё реагируют в вербальном поведении? Или же это показатель не реакции работников, а слабой социальной защищённости от безработицы со стороны государства, работника весьма легко уволить в случае ухудшения ситуации на предприятии? Низкий уровень уверенности в занятости также может рассматриваться как показатель слабой конкурентной способности работника на внешнем по отношению к организации рынке труда, но толь-

⁷ Из анализа исключались промежуточные ответы: и да, и нет.

ко в том, случае, если конкуренция имеет место быть? На поставленные вопросы нельзя дать однозначных ответов, основываясь только лишь на анализе массивов данных. Для нас важно подчеркнуть, что фиксация различий в уровнях страхов и уверенности в зависимости от успешности / неуспешности экономики в определённые годы может рассматриваться как факт демонстрации работниками своей информированности или даже того, что Э. Гидденс назвал рефлексивным мониторингом деятельности [9, с. 43–45].

Раскрытая зависимость страхов и уверенности от годов опроса и связанных с ними экономических характеристик может также свидетельствовать в пользу эмоциональной, податливой природы страхов как меняющихся человеческих чувств. Но такой вывод противоречил бы ранее

приводимым фактам о прочной закреплённости страха в ядре мотивации труда, концепции «выученного страха». Кроме того, важная и специфическая для России закономерность была установлена в межстрановых сопоставлениях страха с фактической безработицей в разных странах. В большинстве стран при росте фактической безработицы растёт и страх потери работы. В России существует высокий страх безработицы, который стабилен во времени и не зависит от состояния безработицы [10, с. 10].

Предполагается, что страх потери работы нельзя относить к преимущественно психологическому явлению, основанному на индивидуальных переживаниях и эмоциях, также как недостаточно видеть в нём только проявление экономических механизмов регулирования рынка труда. Социокультурная природа и содержание страха потерять работу имеет не меньшее, если не большее значение по сравнению с психологической и экономической составляющими.

Значимая и устойчивая по всем годам исследований положительная корреляция между ответами респондентов о том, насколько их беспокоит то, что они могут потерять работу, и о том, насколько они уверены, что в случае её потери смогут найти работу не хуже имеющейся (*коэф. Спирмана в диапазоне 0,350–0,550*), указывает на тот факт, что те работники, которые больше опасаются потерять нынешнюю работу, как правило, сильнее боятся, что не смогут найти новую. На основе выявления взаимосвязей оценок страха потери работы и уверенности на рынке труда можно выделить четыре типологические категории работников, более детально раскрывающие изучаемый социокультурный феномен⁸.

Было замечено, что доля работников, боящихся потерять работу и неуверенных в своей способности найти другую, за период с 1994 по 2022 гг. снизилась на 12 %, но по-прежнему является модальной по отношению к другим типологическим категориям. Также заметное снижение произошло по категории работников, не испытывающих страха потерять нынешнюю работу, но и не уверенных в своей востребованности на рынке труда в случае увольнения (с 17 до 7 %). В то же время несколько увеличилась доля работников, демонстрирующих полную уверенность в занятости (не испытывающих страха потерять работу и уверенных в новом трудоустройстве), с 20 до 26 %. Но наиболее заметным стал рост численности типологической категории работников, которые боятся потерять работу, но при этом уверены, что найдут новую, не хуже имеющейся, более чем в 2,5 раза, с 10 % в 1994 г. до 26 % в 2022 г. (таблица 2).

Выделение различных типологических категорий работников по отношению к страху потери работы и связанной с ней уверенностью в занятости позволяет утверждать, что страхи бывают разные, и их роль в оценках условий труда и социального самочувствия не одинакова.

Предполагалось, что работники, которые боятся потерять имеющуюся работу и при этом в высокой степени (на 4 и 5) уверены, что найдут другую, не хуже нынешней в случае закрытия предприятия, в большей мере, чем другие категории дорожат своим рабочим местом, поскольку у них должна быть более высокой зарплата, выше уровни оценки удовлетворённости условиями труда, работой и жизнью в целом.

Таблица 2

Типологические группировки работников по соотношению страха потери работы и уровня уверенности в занятости в динамике 1994–2022 гг. (%)

Table 2

Typological Grouping of Employees by the Ratio of Fear of Job Loss and the Level of Employment Confidence in the Dynamics between 1994 and 2022 (%)

Группировки	Годы опроса							
	1994	1998	2002	2006	2010	2014	2018	2022
1. Боящиеся потерять нынешнюю работу, и не уверенные в том, что найдут другую	53	66	43	40	43	41	46	41
2. Не боящиеся потерять нынешнюю работу, но и не уверенные в том, что найдут другую	17	12	13	11	10	9	8	7
3. Боящиеся потерять нынешнюю работу и уверенные в том, что найдут другую	10	10	15	21	21	23	26	26
4. Не боящиеся потерять нынешнюю работу, и уверенные в том, что найдут другую	20	12	29	28	26	27	21	26
Количество ответивших	3645	3028	3624	4280	6503	5000	4690	4300

Источник: данные объединённого массива РМЭЗ-ВШЭ 1994–2022.

⁸ При построении группировок объединялись крайние позиции на шкалах (1+2, 4+5) и исключалась промежуточная позиция (код 3).

По результатам ранее проведённых исследований известно, что страх потери работы способствует повышению удовлетворённости практически всеми элементами производственной ситуации, и объяснялось это тем, что под влиянием страха происходит снижение критичности и требовательности работников к улучшению условий труда на предприятии [11, с. 190].

Насколько применим данный вывод к работникам с выделенными типами страхов потери работы? Для ответа на этот вопрос сравним показатели размера зарплаты и удовлетворённости работой у первой и третьей типологических группировок работников, с выраженным страхом потери работы и тем его видом, который был назван конструктивным.

К числу объективных факторов, в наибольшей степени дифференцирующих принадлежность к указанным группировкам, следует отнести пол, возраст, регион занятости. Принадлежность к мужскому полу, возрастной группе 18–35 лет, занятость в мегаполисах и областных центрах в существенно большей мере характерна для категории работников боящихся потерять работу и уверенных в занятости и в меньшей мере для тех, кто боится и не уверен. Для категории работников с выраженным страхом потери работы характерна занятость на государственных предприятиях, возраст старше 50 лет, плохое здоровье (по самооценкам). Эти факты устойчивы по годам опроса, их важно учитывать при анализе связей вычисленных группировок с показателями трудового поведения и удовлетворённости работой.

С учётом данных обстоятельств можно с определённой осторожностью утверждать, что работники, боящиеся потерять работу, но при этом уверенные, что могут найти другую в случае увольнения по сравнению с теми, кто боится и не уверен в своей занятости, в большей мере удовлетворены всеми диагностируемыми сторонами труда: оплатой труда, условиями труда, профессиональным ростом, работой в целом. Размер их заработка по вычисленным показателям часовой оплаты также существенно выше, чем у противоположной категории (204 и 174 руб. по данным 2022 г.), но ниже, чем у тех, кто не боится и уверен в своей занятости (262 руб.).

Таким образом, наличие у работников страха потери работы в сочетании с их высокой степенью уверенности в занятости в случае увольнения можно рассматривать как конструктивный фактор для организации и для улучшения социально-психологического самочувствия работника. Чувство страха потери работы как такое без уверенности най-

ти другую работу, в случае увольнения нельзя рассматривать ни как конструктивный фактор трудового поведения наёмных работников, ни как возможный фактор повышения производительности труда.

Роль индивидуальных характеристик, условий труда и практик трудового поведения в повышении уверенности в занятости

Выявленные основные объективные факторы различий в принадлежности работника к тем или иным типологическим категориям по соотношению страха потери работы с уверенностью в занятости, требуют продолжения анализа с целью детального раскрытия их роли и иерархии в повышении уверенности в занятости. Для этого мы будем придерживаться концепции ресурсного подхода, согласно которому работник может рассматриваться как «рациональный актор», применяющий свои разнообразные ресурсы для достижения смысловых целей. Из числа западных социологов указанному подходу следуют З. Бауман [12], У. Бек [13], В отечественной социологии ресурсный подход применительно к наёмным работникам получил комплексное рассмотрение в исследовании Е. Митягиной [14]. Выделим те ресурсы, которые будут использоваться в анализе их связи с показателями уверенности в занятости: а) биологический ресурс (пол, возраст, уровень здоровья), б) профессионально-образовательный ресурс (уровень образования, профессиональный статус, наличие подчинённых), в) территориальный ресурс (регион занятости, укоренённость проживания в регионе), г) производственный ресурс (регион занятости, отрасль, форма собственности предприятия, размер предприятия, условия найма), д) экономический ресурс (размер заработка и удовлетворённость его размером). Отдельно выделялся ресурс трудового поведения (наличие второй работы, трудовая и профессиональная мобильность, продолжительность рабочей недели).

Результаты анализа показали, что из числа непроизводственных и неэкономических ресурсов наибольшим дифференцирующим потенциалом по отношению к показателям уверенности в занятости в случае увольнения обладают биологические и территориальные характеристики работников, а наименьшим – профессионально-образовательные. Для определения их роли использовались статистики индекса средних значений, относительные частоты (%), статистика Фишера при проведении однофакторного дисперсионного анализа (таблица 3).

Таблица 3

Статистики уверенности работников в занятости в зависимости от биологических, профессионально-квалификационных и территориальных ресурсов

Table 3

Statistics on Employment Confidence depending on Biological, Vocational and Territorial Resources

Характеристики		Индекс (1, мин., 5 макс.)	(Доля уверенных, 4+5) %	Коэф. Фишера
Биологические ресурсы				
Пол	Мужской	2,98	41	1359,4
	Женский	2,74	34	
Возраст	18–35	3,20	48	3416,3
	36–49	2,82	36	
	50–65	2,40	25	
	66 и старше	2,05	18	
Оценка здоровья	Совсем плохое	2,19	22	1190,3
	Плохое	2,37	25	
	Среднее	2,71	33	
	Хорошее	3,10	45	
	Очень хорошее	3,45	56	
Профессионально-квалификационные ресурсы				
Образование	Ниже среднего	2,74	35	398,9
	Среднее	2,80	36	
	Высшее	2,99	42	
Профессиональный статус	Руководители высшего и среднего звена	2,93	44	100,3
	Специалисты высшего уровня квалификации	2,90	40	
	Специалисты среднего уровня квалификации	2,82	36	
	Офисные служащие	2,62	31	
	Работники сферы торговли и услуг	2,98	41	
	Квалифицированные рабочие	2,84	37	
	Неквалифицированные рабочие	2,73	34	
Наличие подчинённых	Да	2,94	41	189,9
	Нет	2,83	37	
Территориальные ресурсы				
Проживание	Мегаполисы, областные центры	3,11	46	2316,6
	Город	2,82	36	
	ПГТ	2,59	32	
	Село	2,42	24	
Укоренённость проживания в регионе	Живут там, где родились	2,93	37	597,3
	В другом населённом пункте	2,77	42	
В целом		2,85	38	

Источник: данные объединённого массива РМЭЗ-ВШЭ 1994–2022.

То, что принадлежность к мужскому полу, младшей возрастной группе (до 35 лет), обладание хорошим здоровьем, проживание в крупном мегаполисе или областных центрах существенно повышает уровень уверенности в занятости, не является каким-то новым фактом. Примерно на это же применительно к проблеме снижения страха безработицы указывали экономисты [15]. Социологический анализ и интерпретация выявленных эмпирических фактов увязывается с постановкой типичных для социолога вопросов: какую роль здесь играет принадлежность к разным профессиональным группам, подкрепляется ли высокий уровень молодёжной уверенности более весомыми фактами, связанными с опытом и квалификацией или это признак самоуверенности и возрастного оптимизма? Предварительным этапом для ответа на поставленные вопросы стало вычисление типологической категории работников с высоким биологическим и территориальным ресурсом, т.е. одновременно относящимся к молодым мужчинам с хорошим здо-

ровьем, проживающим в мегаполисах и областных центрах. Доля таковых по объединённому массиву составила 6 %. Как и следовало ожидать, их уровень уверенности в занятости (на 4 и 5) существенно выше, чем в среднем по выборке (62 и 36 %, соответственно). Однако предположение о том, что если выявленные связи дополнительно соотнести с принадлежностью к различным профессиональным группам, то мы увидим ещё большее приращение уверенности у тех, кто занимает более статусные позиции (специалисты с высшим образованием, рабочие с высокой квалификацией), не оправдались. Более того, уровень уверенности в занятости по сравнению с общевыборочными значениями повысился только в группе офисных служащих (до 66 %). За данным фактом, вероятно, скрывается роль характеристик занятости и трудового поведения. Чтобы разобраться с этим обратимся к статистикам уверенности работников в занятости в зависимости от производственных, экономических и поведенческих ресурсов (таблица 4).

Таблица 4

Статистики уверенности работников в занятости в зависимости от производственных, экономических и поведенческих ресурсов

Table 4

Statistics on Employment Confidence depending on Production, Economic and Behavioral Resources

Характеристики занятости		Индекс (1,5 макс.)	(Доля уверенных, 4+5)	Коэф. Фишера
Производственные ресурсы				
Отрасли	Промышленность	2,77	34	136,5
	Строительство	3,13	45	
	Транспорт и связь	2,94	40	
	Сельское хозяйство	2,35	21	
	Образование	2,91	40	
	Здравоохранение	2,91	40	
	Торговля и бытовое обслуживание	3,20	48	
Форма собственности предприятия	Государственные	2,71	33	1199,9
	Частные с участием государства	2,71	34	
	Частные	3,05	43	
Размер предприятия	До 100 чел.	2,90	39	78,9
	101–499	2,79	36	
	500 и более	2,82	36	
Оформлены официально	Да	2,86	38	863,2
	Нет	3,28	51	
Экономические ресурсы				
Размер заработка (руб. в мес.), 2022 г.	Ниже медианного	2,89	36	51,6
	Выше медианного	3,10	44	
Удовлетворённость размером заработка	Не удовлетворены	2,89	33	20,4
	И да, и нет	2,95	23	
	Удовлетворены	3,11	44	

Окончание таблицы 4

Характеристики занятости		Индекс (1,5 макс.)	(Доля уверен- ных, 4+5)	Коэф. Фишера
Ресурсы трудового поведения				
Фактическая продолжительность рабочей недели	До 35 часов	2,81	38	184,9
	36–40	2,85	37	
	41–50	2,88	38	
	51–84	3,10	45	
Трудовая и профессиональная мобильность	Профессия и место работы остались прежними	2,80	36	564,0
	Сменили профессию, но не сменили место работы	2,78	35	
	Сменили место работы, но не сменили профессию	3,37	54	
	Сменили и место работы, и профессию	3,15	47	
	Сменили место работы или профессию	2,64	33	
Наличие второй работы	Да	3,37	54	1044,7
	Нет	2,83	37	

Источник: данные объединённого массива РМЭЗ-ВШЭ 1994–2022.

Из числа анализируемых характеристик наибольший вклад в рост уверенности в занятости вносят частная форма собственности предприятия и наличие второй работы. К ним присоединяются неофициальное трудоустройство и трудовая мобильность. Все указанные признаки занятости (наличие второй работы, неофициальное трудоустройство, трудовая мобильность) в наибольшей мере присущи работникам частных предприятий [16]. Факт большей уверенности среди неформально занятых отмечался и ранее. Объяснения этому феномену давались на основе мягких методов. «Турбулентность трудовой биографии устно нанятых делает для них привычным поиск работы, он их не столь страшит. Более половины таких работников (54 %) считают, что, потеряв нынешнюю работу, они довольно скоро найдут новую» [17, с. 15]. Мы придерживаемся комплексного подхода с более строгими методами анализа. При сравнении молодых мужчин до 35 лет с наличием второй работы и работающих на одной, с опытом смены работы или профессии и без такового мы видим больший уровень уверенности в занятости в случае увольнения у первых и меньший у вторых, соответственно, 67 и 49 % и 57 и 49 %. То есть, ранее возникающее сомнение, что за большей уверенностью в занятости у молодёжи стоит возрастной оптимизм и самоуверенность, рассеивается. Полученный на практике опыт дополнительной оплачиваемой работы наряду с имеющейся, смены работы или профессии способствует большей уверенности в том, что в случае необходимости они смогут найти работу не хуже той, на которой работают. И вторая работа, и мобильность в смене рабочих мест и профес-

сии могут рассматриваться как дополнительные «точки опоры» в формировании уверенности на рынке труда.

Каков совместный вклад выделенных ресурсов в объяснение уверенности в занятости, и какова предикторная сила каждого в отдельности? Ответить на этот вопрос позволит использование регрессионного анализа.

Предикторы уверенности в занятости по результатам регрессионного анализа

В целях выявления вклада основных переменных в объяснение дисперсии значений индекса уверенности в занятости был проведён множественный линейный пошаговый регрессионный анализ с использованием фиктивных переменных. Для этого был создан ряд дихотомических переменных, по которым референтные значения предписывались тем группам респондентов, у которых значение индекса уверенности было выше среднего значения по выборке⁹. В качестве переменной отбора с учётом цели исследования использовались две категории работников по статусу занятости (профессионалы и квалифицированные рабочие) – таблица 5.

⁹ Учитывая, что у мужчин среднее значение индекса уверенности в занятости существенно выше, чем у женщин, код 1 присваивался мужчинам, 0 – женщинам. По этому же принципу: 1 – возраст 18–35, 0–36 и старше; 1 – Проживание в мегаполисах и областных центрах, 0 – в других регионах; 1 – хорошее здоровье, 0 – среднее и плохое; 1 – Сменили место работы и профессию, или место работы без смены профессии, 0 – ничего не меняли; 1 – Неофициальное оформление на работу, 0 – официальное; 1 – Занятость на предприятиях с частной формой собственности, 0 – государственное; 1 – высшее образование, 0 – нет высшего; 1 – живут там, где родились, 0 – в другом населённом пункте.

Предикторы уверенности в занятости (нестандартизированные коэффициенты Бетта)

Predictors of Employment Confidence (Ustandardized Beta Coefficients)

Модели	В целом	Профессионалы ¹⁰	Квалифицированные рабочие ¹¹
Наличие второй работы	,490	,634	,485
Возраст (18–35 лет)	,421	,418	,302
Проживание в мегаполисах и областных центрах	,377	,188	,359
Хорошее здоровье	,277	,391	,240
Сменили место работы и профессию, или место работы без смены профессии	,251	,308	,235
Неофициальное оформление на работу	,207	n.s.	,289
Занятость на предприятиях с частной формой собственности	,148	n.s.	,167
Принадлежность к мужскому полу	,141	,088	,319
Высшее образование	,127	-	n.s.
Укоренённость проживания	n.s.	-.053	,067
Совокупный R-квадрат, %	32	31	28
Количество валидных ответов	123965	12369	32816

Источник: данные объединённого массива РМЭЗ-ВШЭ 1994–2022.

Совокупная объяснительная способность набора предикторных переменных в отношении уверенности в занятости по коэффициенту детерминации составила 32 % и не имеет существенных различий у профессионалов и рабочих. Объединяет профессионалов и рабочих и то, что наибольший вклад в объяснение значений уверенности в занятости вносит наличие второй работы. На втором и третьих местах по силе влияния у профессионалов стоят биологические ресурсы – молодой возраст и хорошее здоровье, у рабочих – проживание в мегаполисах и областных центрах и принадлежность к мужскому полу. Срединную позицию и у тех, и у других занимает трудовая и профессиональная мобильность. Характерно, что неофициальное оформление на работу, занятость на предприятиях с частной формой собственности являются предикторами уверенности только у рабочих.

Выводы

Предложенный в статье социологический поворот от традиционного взгляда на страх потери работы как проблемы безработицы к проблеме формирования различных проявлений уверенности работника в занятости в случае увольнения, позволяет сделать ряд выводов:

¹⁰ К профессионалам были отнесены те, кто является специалистом высшего уровня квалификации, имеет законченное высшее образование, у кого специальность совпадает с профилем трудовой деятельности, и кто не имеет подчинённых.

¹¹ К квалифицированным рабочим были отнесены, относящиеся к 7-й и 8-й группам по международной стандартной классификации занятий ISCO.

1. Страхи потери работы бывают разные, и в зависимости от их сочетаний с признаками уверенности в занятости в случае увольнения они выполняют различные роли. Одно дело бояться потерять выполняемую работу и не быть уверенным, что сможешь найти новую в случае увольнения, другое – испытывать страх потерять настоящую работу, но при этом чувствовать уверенность в занятости (востребованности) на рынке труда. Первое по-прежнему преобладает, является характерным для модальной части наёмных работников, второе – уступает, но становится всё более заметным, доходящим до четверти в 2022 г. Первое деструктивно как для работника, так и для организации, второе – конструктивно для всех.

2. Использование ресурсного подхода позволило посмотреть на работника не сквозь призму его экономического положения, неустойчивой занятости, как распространённой исследовательской позиции, а его потенциальных возможностей как рационально действующего субъекта, применяющего свои разнообразные ресурсы для достижения поставленных целей. То, что из всех выделенных и проанализированных ресурсов наибольший вклад в приращение уверенности в занятости вносят поведенческие факторы (наличие второй работы, трудовая мобильность), биологические (молодой возраст) и территориальные (проживание в мегаполисе, областных центрах) ресурсы, нельзя считать нормальным с позиций теорий социальной стратификации [18] и можно считать таковым с позиций деятельно-активистского подхода [19]. В первом случае акцент делает-

ся на структурную уверенность, т.е. уверенность работника в своём профессиональном статусе и компетенциях, в том, что он будет равно востребован и достойно вознаграждён вне зависимости от региональной принадлежности, возраста и состояния здоровья. Такая уверенность на сегодня утрачена для большинства занятых. Во втором случае первостепенными являются те индивидуально-личностные качества и практики поведения, которые позволяют работнику «оставаться на плаву», добиваться важных для них результатов в профессиональной деятельности и достижении материального благополучия. Уве-

ренность в занятости, при которой снижается роль характеристик профессионального статуса и повышается роль поведенческой активности, может быть названа вынужденной. Она потому является вынужденной, что как показал анализ, её чаще демонстрируют работники с признаками неустойчивой занятости, концентрированным воплощением которой является занятость на частных предприятиях в сфере торговли и бытового обслуживания, в строительной отрасли. Этот феномен вынужденной уверенности в занятости в случае увольнения был раскрыт в данной статье.

Список литературы

1. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 5–37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> EDN USUZBY
2. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с. ISBN 978-5-91103-209-8
3. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Весь Мир, 2021. 400 с. ISBN 978-5-7777-0852-6 EDN ECFBHN
4. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения: научная монография / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, А.В. Попов, И.А. Шичкин; под ред. В.Н. Бобкова. Ижевск: Шелест, 2023. 104 с. ISBN 978-5-907677-41-8 EDN HKEDFC
5. Бессокирная Г.П. Мотивация труда в постсоветской России: опыт и методика исследований // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 29–38. EDN XXRRNV
6. Психологический словарь / под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983. 447 с.
7. Wolpe J. The Practice of Behaviour Therapy. 4th ed. New York: Pergamon Press, 1990. 421 p.
8. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т. Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // Экономический журнал ВШЭ. 2003. Том 7. № 3. С. 341–370. EDN YZOVZJ
9. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с. ISBN 5-8291-0232-3
10. Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Страх безработицы: опыт межстрановых сопоставлений // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 117–138. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-2-117-138> EDN KYQHVL
11. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Удовлетворенность работой на предприятии и удовлетворённость жизнью // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 186–191. EDN PZQKNV
12. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с. ISBN 5-98704-075-2
13. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
14. Митягина Е.В. Ресурсы российских рабочих в условиях современных модернизационных процессов. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2014. 188 с.
15. Гимпельсон В.Е., Ощепков А.Ю. Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь? Препринт WP3/2010/06. М.: Высшая школа экономики, 2010. 49 с. EDN QULWXH
16. Темницкий А.Л. Ресурсный потенциал прекарных работников в России // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 86–99. <https://doi.org/10.31857/S013216250021065-4> EDN VOTCOP
17. Барсукова С.Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7(231). С. 3–15. EDN OOOUDT
18. Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2007. Том 7. № 3. С. 11–26. EDN OYOAUH
19. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–318.

Информация об авторе:

Александр Лазаревич Темницкий – доктор социологических наук, доцент, кафедра социологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (SPIN-код: 5717-0857) (РИНЦ AuthorID: 74343) (ResearcherID: 1-4615-2018) (Scopus Author ID: 25936831100) Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Kapelyushnikov R.I. Russian Labor Market: a Statistical Portrait on the Crises Background. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(8):5-37. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-5-37> (In Russ.)
2. Standing G. Precariat: a New Dangerous Class. Moscow: Publishing House AD Marginem Press; 2014. 326 p. ISBN 978-5-91103-209-8 (In Russ.)
3. Toshchenko J.T. (ed.) Precarious Employment: Origins, Criteria, Features. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2021. 400 p. ISBN 978-5-7777-0852-6 (In Russ.)
4. Bobkov V.N. (ed.), Odintsova E.V., Popov A.V. The Impact of Precarization on the Quality of Employment and the Standard of Living of Generational Groups of Economically Active Population. Sci. Monograph. Izhevsk: Publishing House Shelest; 2023. 104 p. ISBN 978-5-907677-41-8 (In Russ.)
5. Bessokirnaya G.P. Researching Labor Motivation in Post-Reform Russia, 1990-2010. TH *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2017;(1):29-38. (In Russ.)
6. Davydov V.V., Zaporozhets A.V., Lomov B.F., et al. (eds.) *Psikhologicheskii slovar'*. Moscow: Publishing House Pedagogika; 1983. 447 p. (In Russ.)
7. Wolpe J. The Practice of Behaviour Therapy. 4th ed. New York: Publishing House Pergamon Press; 1990. 421 p.
8. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R., Ratnikova T. Fear of Unemployment and Wage Flexibility in Russia. *Ehkonomicheskii zhurnal vysshei shkoly ehkonomiki=Higher School of Economics Economic Journal*. 2003;7(3):341-370. (In Russ.)
9. Giddens E. The Structure of Society: an Essay on the Theory of Structuration. 2nd ed. Moscow: Publishing House Academic project; 2005. 528 p. (In Russ.)
10. Gimpel'son V.E., Monusova G. A. Fear of Unemployment: Cross-Country Comparisons. *Voprosy Ekonomiki*. 2010;(2):117-138. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-2-117-138> (In Russ.)
11. Bessokirnaya G.P., Temnitskii A.L. Udovletvorennost' Rabotoi na Predpriyatii i Udovletvorennost' Zhizn'yu. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 1999;(1-2):186-191. (In Russ.)
12. Bauman Z. Individualized Society. Moscow: Publishing House Logos; 2002. 390 p. ISBN 5-98704-075-2 (In Russ.)
13. Beck U. Risk Society. On the Way to Another Modernity. Moscow: Publishing House Progress-Tradition; 2000. 384 p. (In Russ.)
14. Mityagina E.V. Resursy Rossiiskii Rabochikh v Usloviyakh Sovremennykh Modernizatsionnykh Protsessov. Nizhny Novgorod: NISOTS; 2014. 188 p.
15. Gimpel'son V.E., Oshchepkov A.Yu. Uroven' i Strakh Bezrabotitsy: Est' li Mezhdru Nimi Svyaz'? Work Paper WP3.2010.06. Moscow: State University – Higher School of Economics. 2010:49. (In Russ.)
16. Temnitskii A.L. Resource Potential of Precarious Employees in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2022;11:86-99. <https://doi.org/10.31857/S013216250021065-4> (In Russ.)
17. Barsukova S.Yu. Formal and Informal Employment: a Paradoxical Similarity against the Background of the Obvious Difference. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2003; 7:3-15. (In Russ.)
18. Tikhonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies. *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Economic Sociology*. 2007; 7 (3):11-26. (In Russ.)
19. Yadov V.A. Sotsial'nyi Resurs Individov i Grupp Kak Ikh Kapital: Vozmozhnost' Primeneniya Universal'noi Metodologii Issledovaniya Real'nogo Rassloeniya v Rossiiskom Obshchestve. In: Zaslavskaya T.I. (ed.) Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Ak-tory makro-, mezo- i mikrourovnei sovremennogo transformatsionnogo protsesssa. Moscow: Publishing House MVShSEN; 2001. 310–318 p. (In Russ.)

Information about the author:

Aleksandr L. Temnitskii – Doctor of Sociology, Associate Professor, Sociological Department, Moscow State Institute of International Relations (University); Leading Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 5717-0857) (РИИЦ AuthorID: 74343) (ResearcherID: I-4615-2018) (Scopus Author ID: 25936831100)
The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 316.334.2

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_9_437_449

EDN GPXVSF

Профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов нестоличного вуза

Владислав Юрьевич Бочаров^{1,2}, Вера Владимировна Гаврилюк³

¹Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Самара, Россия (vlad.bocharov@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>)

²Социологический институт РАН ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

³Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия (gavriliuk@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0131-4939>)

Аннотация

В статье представлены данные двух панельных массовых анкетных опросов студентов 1 и 4 курса бакалавриата, выполненных в мониторинговом режиме в Тюменском государственном университете в 2022–2023 гг. Используя теоретические положения социологии жизни, даётся сравнительный анализ характеристик ожиданий студентов относительно будущей профессиональной, карьерной и статусной позиции на региональном рынке труда. Подчёркивается важность учёта темпоральных параметров движения студента по своей личной образовательной траектории, дифференцирующих трудовые установки и ожидания к выбору и построению карьерных траекторий среди первокурсников и выпускников вуза. У студентов выпускного курса заметно ниже уровень идентификации с будущей профессией и долгосрочной перспективой профессиональной траектории в рамках полученного в вузе профессионального образования, выше уровень тревожности относительно своего профессионального будущего и карьеры. Несмотря на то что выпускники менее, чем первокурсники склонны выражать желание международной миграции, именно среди них такие намерения декларирует каждый третий юноша и обучающийся по естественно-научным специальностям. Вместе с тем, обнаружены устойчивые характеристики жизненного мира студентов, которые присущи и первокурсникам, и выпускникам. К ним относятся представления об идеальной карьере и статусные ожидания; предпочтение формы трудового найма и графика работы; приверженность материальным ценностям. Результаты проведённого исследования могут быть использованы для корректировки региональной и внутриорганизационной социальной политики в целях повышения привлекательности организаций и предприятий Тюменской области для возможного трудоустройства молодого специалиста с высшим образованием.

Ключевые слова: студенты вуза, молодые специалисты, жизненный путь, карьерные и статусные ожидания, профессиональное будущее, региональный рынок труда

Для цитирования: Бочаров В.Ю., Гаврилюк В.В. Профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов нестоличного вуза // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 437–449. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_9_437_449 EDN GPXVSF



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_9_437_449

Professional, Career and Status Expectations of a Non-capital University's Students

Vladislav Yu. Bocharov^{1,2}, Vera V. Gavrilyuk³

¹ Samara National Research University, Samara, Russia (vlad.bocharov@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>)

² The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

³ Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia (gavriliuk@list.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0131-4939>)

Abstract

The article presents data from two panel mass questionnaire surveys of 1st and 4th year undergraduate students conducted in monitoring mode at the University of Tyumen in 2022–2023. Using the theoretical provisions of the sociology of life, a comparative analysis of the characteristics of students' expectations regarding their future professional, career and status positions in the regional labor market is given. The importance of taking into account the temporal parameters of a student's movement along his personal educational trajectory, differentiating work attitudes and expectations for choosing and building career trajectories between first-year and final-year students of the university, is emphasized. Final-year students have a noticeably lower level of both identification with their future profession and the long-term perspective of their professional trajectory within the framework of professional education received at the university, while dealing with a higher level of anxiety about their professional future and career. Despite the fact that final-year students are less likely than first-year students to express a desire for international migration, every third young man and student majoring in natural sciences declares such intentions. At the same time, stable characteristics of students' life have been found, which are inherent in both 1st- and 4th-year students. These include ideas about an ideal career and status expectations; preference for some form of employment and work schedule; commitment to material values. The results of the conducted research can be used to adjust regional and intra-organizational social policy in order to increase the attractiveness of organizations and enterprises of the Tyumen region for the possible employment of young specialists with higher.



Keywords: university students, young specialists, life path, career and status expectations, professional future, regional labor market

For citation: Bocharov V.Yu., Gavriluk V.V. Professional, Career and Status Expectations of a Non-capital University's Students. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):437–449. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_9_437_449 (In Russ.)

Введение

Успешность формирования суверенного социально-экономического пространства любой страны зависит не только от темпов модернизации материально-технической базы предприятий, но во многом от человеческих ресурсов, которые приходят на производство. Многими исследователями сегодня признаётся ведущая роль человеческого фактора и необходимость его эффективного использования для обеспечения экономического роста, особенно, если речь идёт о молодых специалистах с высшим образованием. Такие специалисты, выходя на рынок труда после окончания учёбы в вузе, уже имеют не только профессиональные компетенции, но и определённые профессиональные, карьерные и статусные ожидания, надеясь их реализовать в той или иной сфере экономической деятельности. При этом *проблемная ситуация* состоит в том, что отечественные организации в настоящее время испытывают достаточно острый дефицит высококвалифицированных кадров во многих сферах экономики и объективно нуждаются в информации о потребностях молодого работника – потенциально готового к трудовой деятельности, но далеко не всегда стремящегося к работе по своей специальности и вообще работе в условиях найма.

Актуальность изучения профессиональных, карьерных и статусных ожиданий будущих специалистов – студентов вузов – подтверждается наличием достаточно большого количества масштабных социологических исследований, посвящённых анализу трудовых установок вузовской молодёжи. Примером масштабного социологического проекта может служить исследование, проведённое в 2021 году по заданию Министерства науки и высшего образования РФ (опрошено около 36 тыс. студентов всех федеральных округов из более 350 вузов). Среди важных выводов этого исследования – гетерогенность трудовых установок современной российской вузовской молодёжи и соответственно существование различных стратегий по поводу своей будущей карьеры. При этом среди важных факторов, которые влияют на выбор стратегии трудового поведения помимо уровня материального капитала, наличия опыта работы, академической успеваемости в учёбе, выделяется и региональная специфика. В частности, утверждается, что «высокий уровень экономического благополучия региона (низкий уро-

вень безработицы и высокий уровень доходов) увеличивает распространённость содержательного отношения к будущей работе и понижает вероятность наличия предпринимательских интенций среди студентов, обучающихся в регионе» [1, С. 67].

Отметим, что исследования, посвящённые изучению карьерных и статусных ожиданий студентов вузов и проблемам интеграции молодого специалиста к потребностям рынка труда, имеют интернациональную актуальность и распространены за рубежом [2]. При этом во многих из зарубежных исследований фиксируются межстрановые различия трудовых установок студентов европейских стран, азиатского и американского континентов [3]. Такие различия обусловлены ролью национальной культуры, определяющей различия в трудовых ценностях будущих молодых специалистов из Европы и Азии [4].

Достаточно часто профессиональные, карьерные статусные ожидания студентов изучаются в разрезе подготовки специалистов определённых отраслей и конкретных региональных рынков труда (либо фокусируются на одном из этих аспектов). Например, исследование А.В. Фетюкова и Г.В. Леонидовой посвящено готовности к трудоустройству по профессии студентов педагогических вузов. Эти авторы подчёркивают, что основными причинами трудоустройства выпускников не по специальности – являются низкий уровень заработной платы, а также наряду с различными жизненными обстоятельствами, – отсутствие призвания к данному виду трудовой деятельности [5]. Исследование О.А. Золотиной и М.А. Серпуховой посвящено изучению профессиональных и карьерных траекторий выпускников экономических специальностей, окончивших Московский государственный университет [6], а исследование Е.М. Тарасовой анализу аспектов карьерного самоопределения студентов бакалавриата, обучающихся по педагогическим и психологическим специальностям [7].

Многие исследователи подчёркивают крайнюю неоднородность уровня социально-экономического развития российских регионов, что, несомненно, влияет на перспективы послевузовского трудоустройства и соответственно формирует запросы и ожидания будущих специалистов. Тем не менее, признаётся, что в целом уровень карьерных и статусных притязаний российской мо-

лодѣжи в последние годы повышается как в сторону увеличения желаемых благ (заработная плата, жильѣ, автомобиль и т. д.), так и общественного признания (престижная работа, карьера) [8], а наиболее значимыми мотивами поведения современных российских студентов являются: «стремление к достижению личного успеха, выбор собственных целей, независимость, благосостояние и установка на социальное неравенство» [9, с. 129]. Такие мотивы во многом определяют по мнению В.В. Ретивиной дальнейший профессиональный выбор выпускника вуза, детерминированный с одной стороны, «личными интересами и способностями, а с другой – критериями престижности и высокого заработка» [10, с. 61]. При этом исследователи отмечают наличие динамики в ценностных ориентациях студенческой молодѣжи в зависимости от того на каком курсе учится молодой специалист. Например, Т.А. Пакина приводит данные анализа трудовых ценностей и установок нижегородских студентов, которые свидетельствуют, что наиболее стойкий интерес к выбранной профессии наблюдается среди студентов 1 и 2 курсов обучения, на 3-м курсе происходит пик неудовлетворѣнности выбранным направлением обучения, а уже на 4 и 5 курсах происходит переоценка студентом своих профессиональных достижений и навыков, причѣм значительная часть студентов уже пробует себя в профессиональной деятельности [11, с. 126]. Наконец, в исследованиях подчѣркиваются наличие существенных различий в карьерных ожиданиях выпускников бакалавриата и магистратуры [12]. Всё это позволяет говорить о важности темпоральных параметров движения студента в узком смысле по своей личной образовательной траектории, а в широком – по этапу взросления своего жизненного пути, постепенно формирующему их более серьёзный подход к выбору и построению карьерных траекторий.

Объектом проведѣнного нами исследования являются профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов нестоличного вуза. *Предметом* исследования – анализ специфики профессиональных и карьерных траекторий будущих молодых специалистов тюменского региона. *Цель* представленного в данной статье исследования – определить основные характеристики запросов студентов к своей профессиональной, карьерной и статусной позиции на региональном рынке труда. *Гипотеза* исследования: несмотря на гетерогенность трудовых установок и ожиданий студентов первого года обучения и выпускников, существуют неизменные характеристики их требований к своей будущей роли на региональном рынке труда.

Теоретические и методологические положения

Теоретическими основаниями анализа явилась концепция «жизненного мира» современного отечественного учёного Ж.Т. Тощенко, которая позволяет рассматривать в комплексе взаимное влияние сознания, поведения и институциональной среды [13], а также связанные с ней разработки отечественных и зарубежных учёных к анализу жизненных стратегий молодого поколения, которые рассматриваются как часть механизма социокультурной саморегуляции жизнедеятельности этой социальной группы [14]. Выбор жизненной стратегии всегда происходит в каком-то конкретном социальном времени и институциональном пространстве, имеет своим основанием определённый жизненный мир. Понятие «жизненный мир» характеризует сферу объективно обусловленного и субъективно значимого опыта людей, а также систему их коммуникаций и форм социального взаимодействия, регулируемых при помощи ценностных и символических посредников. Жизненный мир также рассматривается как пространство жизнедеятельности, в котором личность может выступать как творец, как преобразователь этого пространства, вне зависимости от вектора этих преобразований и их эмоциональной оценки другими творцами. Для молодѣжи осмысление жизненного мира, изменяющегося в темпоральной перспективе, становится актуальной средой для выбора собственного жизненного пути [15]. При этом отечественные и зарубежные учёные признают важность институциональной среды, в которой, собственно, и происходит процесс взросления и формирования молодых специалистов, т. е. период становления их социальной субъектности, во многом предопределяющий дальнейший жизненный путь. В первую очередь, к институциональной среде относятся вузы, которые выполняют функции обеспечения рынка труда высококвалифицированной рабочей силой и предоставления будущим специалистам возможности для саморазвития и самореализации [16]. А во вторую, – сам рынок труда, состояние которого в настоящее время нередко для молодых специалистов характеризуется доминированием предложений низкооплачиваемой работы, слабыми карьерными перспективами и даже угрозой безработицы, по сути, затрудняют возможности вертикальной мобильности для молодых специалистов [17; 18].

Методологическими основаниями нашего анализа является апробированный в отечественной социологии мониторинговый режим организации эмпирического исследования с применением количественных методов сбора первичной

информации о состоянии объекта исследования. Под мониторинговым режимом исследования принято понимать постоянное (систематическое) наблюдение за каким-либо социальным процессом или явлением с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным характеристикам. Мониторинговые исследования рассматриваются как технология научного анализа и важная часть информационно-аналитического сопровождения организационной среды [19; 20]. Отметим, что мониторинговая методология широко применяется к анализу профессиональных и карьерных планов студенческой молодёжи. Наиболее известен опыт «Мониторинга экономики образования», осуществляемого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) по заданию Минобрнауки России уже более 20 лет (с 2002 г.) [21].

В рамках нашего исследования «Образовательный путь студента ТюмГУ в условиях индивидуальных образовательных траекторий» для анализа мониторинговых показателей была разработана собственная методология, основанная на концепции социологии жизни Ж.Т. Тощенко, а также нашем собственном исследовательском опыте применения принципа многомерной типологизации к изучению жизненных стратегий российской молодёжи, учитывающем многомерность и вариативность жизненного пути акторов, а также темпоральный аспект реализации их жизненных планов [15]. Такой подход реализуется в количественной парадигме анализа данных массовых анкетных опросов и позволяет всесторонне анализировать влияние на поведение субъекта прошлых событий, ценность имеющихся у него в настоящее время предметно воплощённых практик, а также его целеполагание относительно будущих планов, целей и личных траекторий жизни. В целом используя эту методологию, мы рассматриваем учёбу студента в вузе в качестве этапа его личной образовательной траектории, являющейся частью всего жизненного пути. При этом показатели (индикаторы) профессиональных, карьерных и статусных ожиданий студента, являющиеся одними из основных компонентов жизненного мира студента, составляют один из центральных смысловых блоков, осуществляемого нами мониторинга [20].

Данные и методы работы с ними

В статье анализируются данные двух этапов мониторингового исследования «Образовательный путь студента ТюмГУ в условиях индивидуальных образовательных траекторий». Представлен сравнительный анализ панельного массового

опроса студентов ТюмГУ, обучающихся на первом (декабрь 2022 г., N=1000) и четвёртом (выпускном) курсах бакалавриата (апрель 2023 г., N=856).

Объект эмпирического исследования – студенты бакалавриата ТюмГУ. *Выборка* – целевая, репрезентативная по полу и группе специальностей (социальные, гуманитарные, естественно-научные, технические). Среди студентов 1 курса опрошено 1000 человек, из них студенты естественно-научных специальностей – 360 человек (36 %), социально-гуманитарных специальностей – 640 человек (64 %), что соответствует структуре генеральной совокупности первокурсников, поступивших в ТюмГУ в 2022 году (3760 человек). Из 1000 человек 400 (40 %) – мужского пола и 600 (60 %) – женского пола. Среди студентов 4 (выпускного) курса опрошено 856 человек, из них студенты естественно-научных специальностей – 264 человека (30,8 %), социально-гуманитарных специальностей – 592 человека (69,2 %), что соответствует структуре генеральной совокупности студентов выпускного курса, обучающихся в ТюмГУ в 2023 году (1356 человек). Из 856 человек 244 (28,5 %) – мужского пола и 612 (71,5 %) – женского пола.

На обоих этапах исследования опрос студентов проводился аудиторно с использованием программы «Анкетолог». Частотный анализ полученных в ходе опроса данных осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics¹.

Результаты исследования

В анкете студентам предлагалось ответить на ряд вопросов, связанных с их карьерными и статусными ожиданиями, а также образом профессионального будущего. Все вопросы для студентов 1 и 4 курса имели одинаковые формулировки и предлагаемые варианты ответов, что даёт возможность сравнения данных.

Судя по данным опроса подавляющее большинство (почти 80 %) опрошенных студентов-выпускников верят в то, что их успех зависит от собственного труда. При этом только около 50 % смотрят в будущее «с уверенностью и оптимизмом», в то время как примерно такая же доля респондентов (почти 50 %) тревожится о возможности профессиональной самореализации в будущем или надеется на счастливую случайность. Каждый третий выпускник не имеет никакого представления о том, чем будет заниматься в жизни, несмотря на факт обучения в вузе по конкретной специальности, а каждый пятый – полагает, что размышления о будущем и его планирование не имеют смысла. Отметим, что по сравнению с от-

¹ Для выделения модальных типов студентов в нашем исследовании также использовались методы факторного и кластерного анализа. См. об этом: [22].

ветами первокурсников, у выпускников меньше доли верящих в зависимость успеха от собственного труда и оптимистично настроенных относительно будущего, одновременно вырос-

ли доли тревожащихся о своём профессиональном будущем и надеющихся на счастливую случайность, которая может повлиять на их карьеру (рисунок 1).

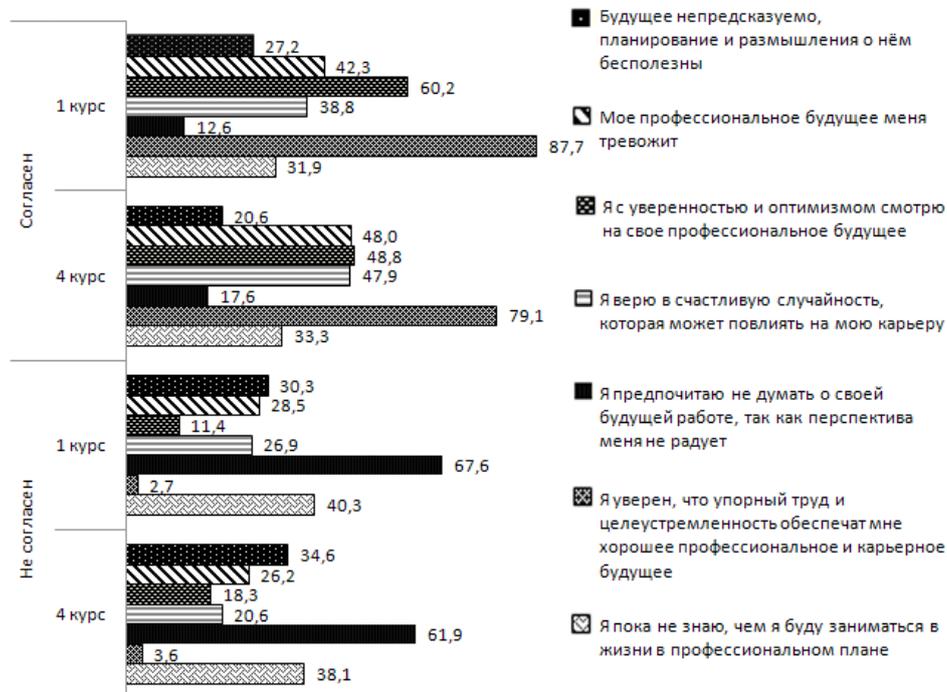


Рисунок 1. Доли студентов в той или иной мере согласных/несогласных с альтернативами, касающихся их планов на будущее, % от числа опрошенных студентов
Figure 1. The Proportion of Students Who Agree/Disagree to Some Extent with Alternatives Regarding Their Future Plans, % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

На современном рынке труда достаточно острой является проблема слабой идентификации студента со своей будущей профессией. Следствием этого является распространённая практика непрофильности трудоустройства выпускников вузов России, которая касается всех направлений подготовки и всех регионов страны [23]. В ходе нашего исследования идентификация студентов ТюмГУ с будущей профессией/сферой деятельности измерялась в анализе ответов на вопрос «Как долго вы планируете работать по профессии/специальности, которую сейчас получаете в ТюмГУ?». Данные свидетельствуют о существенном снижении по сравнению с первокурсниками доли выпускников, нацеленных на долгосрочную перспективу, связанную с их нынешней специальностью (варианты ответов: «надеюсь, что всю жизнь» и «думаю достаточно долго») и одновременно заметном росте числа тех, кто не определился со своими планами относительно работы по полученной специальности либо тех, кто точно не собирается по ней работать. Если среди первокурсников о долгосрочных

планах работы по своей профессии/специальности сообщало более 2/3 (69,0 %), то среди выпускников – менее половины (45,2 %). Очевидно, что в разных регионах ситуация дифференцирована. Так, по данным исследования Д.А. Гайнанова и А.Ю. Гайфуллина почти 2/3 (62,8 %) выпускников вузов Республики Башкортостан планируют после окончания учёбы в вузе работать и строить карьеру именно по полученной специальности [12, с. 279].

Возвращаясь к анализу данных нашего исследования, отметим, что почти каждый третий (31,7 %) студент выпускного курса не имеет определённых планов относительно работы по полученной в ТюмГУ профессии/специальности, отвечая «не знаю, как получится», а каждый девятый (11,6 %) – точно не собирается работать по полученной профессии/специальности (рисунок 2). Практически такие же данные о доле студентов, которые точно не собираются работать по полученной специальности – каждый десятый, получены в ходе мониторинга экономики образования, проводимого НИУ ВШЭ [21, с. 53].



Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как долго вы планируете работать по профессии/ специальности, которую сейчас получаете в ТюмГУ?», % от числа опрошенных студентов
Figure 2. Distribution of Answers to the Question «How Long Do You Plan to Work in the Profession/ Specialty That You Are Currently Receiving at the University of Tyumen?», % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

Мнения относительно предпочтительных в будущем форм трудового найма и режима (графика) работы среди студентов первокурсников и выпускников ТюмГУ практически совпали. В отношении желаемых форм трудового найма

преобладает стремление работать по официальному трудовому договору (около 40 %), почти 1/4 студентов ориентирована на предпринимательство и практически такая же доля – на самозанятость/фриланс (рисунок 3).



Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «В условиях многообразия форм найма на современных рынках труда, что бы Вы предпочли?», % от числа опрошенных студентов
Figure 3. Distribution of Answers to the Question «Under the Conditions of Various Forms of Employment Available in Modern Labor Markets, What Would You Prefer?», % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

А наиболее предпочтительными формами рабочего графика для студентов 1 и 4 курса, независимо от пола и специальности, являются: график 5/2 и свободный график. Отметим, что почти каждый пятый выпускник пока не задумывался над этим вопросом. Очень небольшие доли студентов желали бы после окончания вуза иметь сменный график работы или работать по вахтовому методу (рисунок 4).

мывался над этим вопросом. Очень небольшие доли студентов желали бы после окончания вуза иметь сменный график работы или работать по вахтовому методу (рисунок 4).

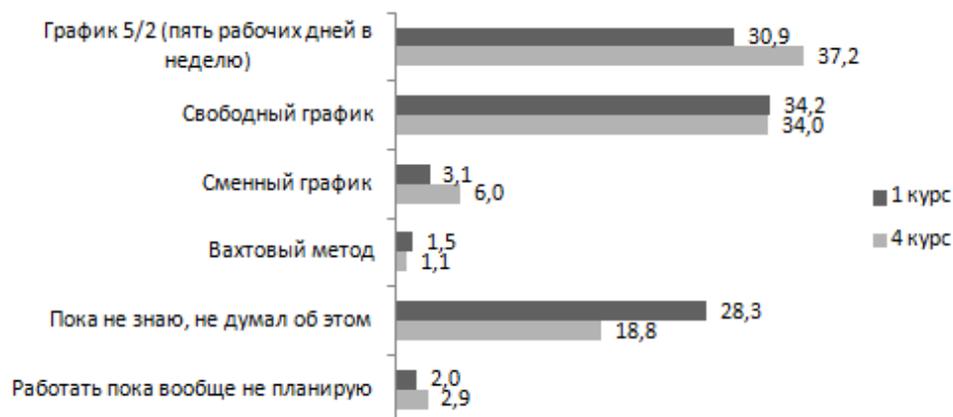


Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «По какому графику Вы планируете работать после окончания вуза?», % от числа опрошенных студентов
Figure 4. Distribution of Answers to the Question «What Schedule Do You Plan to Work on after Graduation?», % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

Также достаточно схожи между собой ожидания первокурсников и выпускников в области желаемых заработков на рынке труда. По данным нашего исследования, почти 2/3 студентов выпускного курса считают для себя приемлемым уровень ежемесячной зарплаты в течение пер-

вых 2–3 лет после окончания ТюмГУ в диапазоне от 30 до 70 тысяч рублей (среди первокурсников на этот диапазон зарплат указывали почти 60 %). Ещё 15,8 % (среди первокурсников – 17,7 %) планируют иметь заработок в размере от 70 до 100 тысяч рублей (рисунок 5).

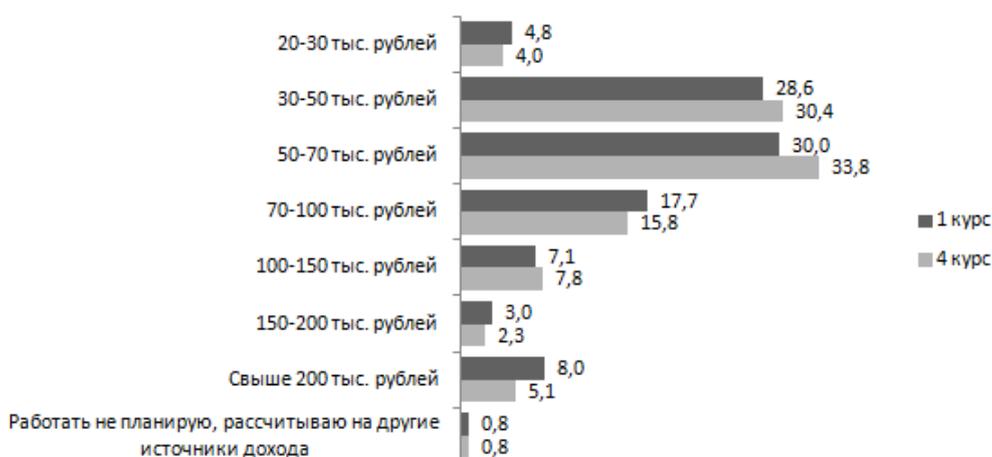


Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Какой уровень ежемесячной зарплаты Вы считаете для себя приемлемым в течение первых 2–3 лет после окончания ТюмГУ?», % от числа опрошенных студентов

Figure 5. Distribution of Answers to the Question «What Level of Monthly Salary Do You Consider Acceptable for Yourself During the First 2–3 Years after Graduating from University of Tyumen?», % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

Отметим, что среди девушек распространены более скромные запросы относительно своих заработков после окончания вуза по сравнению с юношами. Так, если более 2/3 девушек выпускного курса (69,7 %) считают приемлемой

зарплату от 30 до 70 тысяч рублей, то среди юношей-выпускников об этом сообщают только ровно половина (50,0 %). В целом, в каждом из выделенных диапазонов желаемой заработной платы до 70 тысяч доля девушек больше

доли юношей. И, наоборот, в каждом диапазоне уровня зарплат выше 70 тысяч рублей – более выражены доли юношей. Точно такая же закономерность наблюдается и по данным опроса первокурсников.

Очевидно, что на такие достаточно скромные ожидания студентов ТюмГУ в области размеров заработков влияет уровень жизни в их регионе. Согласно данным Росстата средний размер заработной платы в Тюменской области за 10 месяцев 2023 года составил 71 028 рублей². Примерно такие же данные приводит система поиска вакансий ГородРабот.ру, средняя зарплата в Тюменской области за 2023 год составила 72 329 рублей (средние данные предложений работодателей). А чаще всего в вакансиях встречается зарплата

50 000 рублей (модальная)³. Тогда как, например, по данным исследования О.А. Золотиной и М.А. Серпуховой бакалавры и магистры, оканчивающие экономический факультет МГУ, не ожидают заработных плат менее 80 тыс. рублей, причём значимая доля опрошенных рассчитывают на доход более 350 тыс. руб. после окончания университета [6, с. 189].

Рассматривая карьерные ожидания студентов ТюмГУ, обратим внимание, что мнения первокурсников и выпускников относительно их представлений об идеальной карьере, оказались практически идентичными. В представлениях практически половины студентов идеальная карьера предполагает «стать предпринимателем и работать на себя» (рисунок 6).



Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Как в идеале должна развиваться ваша карьера?», % от числа опрошенных студентов

Figure 6. Distribution of Answers to the Question «Ideally, How Should Your Career Develop?», % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

Чуть более распространено такое мнение среди юношей (51,1 %) и среди студентов социально-гуманитарных специальностей (54,1 %). Здесь стоит напомнить, что согласно приведённым ранее на рисунке 3 данным почти 1/4 студентов ориентирована на предпринимательство и практически такая же доля – на самозанятость/фриланс. В данном случае очевидно ответ «стать предпринимателем и работать на себя» как раз объединил в себя обе этих ориентации студентов, что и в совокупности примерно половину по всему массиву опрошенных.

Статусные ожидания студентов 1 и 4 курса оказались также практически идентичны.

² Росстат отчитался о росте зарплат тюменцев за 2023 год // РБК: [сайт]. 14.01.2024. URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/14/01/2024/65a3a5069a79477f894e2a3> (дата обращения: 02.04.2024).

Более половины из них, независимо от пола и специальности, надеются улучшить своё материальное положение и занять более высокую статусную позицию в обществе по сравнению с родительской семьёй. Около 40 % студентов намерены сохранить социально-классовый статус родительской семьи. Пессимистически по данному вопросу настроено абсолютное меньшинство опрошенных студентов ТюмГУ (рисунок 7).

В настоящее время особо остро стоит вопрос выявления миграционных намерений и планов молодёжи, особенно получившей высшее образование и потенциально способной выйти на рынок труда. Также как и при опросе первокурсников, мнение о необходимости про-

³ Статистика зарплат в Тюменской области за 2023 год // ГородРабот.ру: [сайт]. URL: https://gorodrabot.ru/salary?l=тюменская+область&у=2023_ (дата обращения: 02.04.2024).

странственной мобильности для достижения экономического благополучия и жизненного успеха поддержало большинство опрошенных студентов выпускного курса. Однако их оценки относительно перспектив работать за границей были сдержаннее. Среди выпускников при наличии возможности каждый четвёртый (26,6 %)

хотел бы уехать жить и работать за границу, ещё 14,1 % считает, что можно временно поработать за границей, но жить в России. Надо сказать, что ещё 10 лет назад доля потенциальных международных мигрантов среди выпускников региональных российских вузов оценивалась заметно скромнее – 5–7 % [24, с. 57].

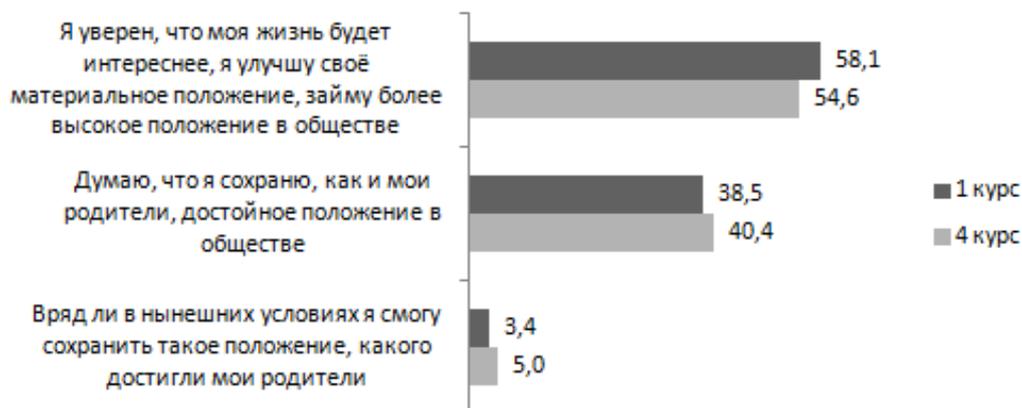


Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, Ваша жизнь, по сравнению с жизнью Ваших родителей, станет лучше или хуже?», % от числа опрошенных студентов
Figure 7. Distribution of Answers to the Question «Do You Think Your Life Will Get Better or Worse Compared to the Life of Your Parents?», % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

Относительно перспектив пространственной мобильности внутри страны оценки первокурсников и выпускников практически совпадают: почти пятая часть студентов нацелена на переезд в столицу или в другой город России (как показывают данные других наших исследований, наиболее выраженным мотивом миграционных на-

мерений в таком случае является поиск молодым человеком достойного рабочего места [25, с. 88]). За счёт снижения эмиграционных планов среди выпускников более выражена по сравнению с первокурсниками доля тех, кто желал бы остаться жить и работать в Тюмени – более 1/3 опрошенных (34,0 %) (рисунок 8).



Рисунок 8. Распределение ответов на вопрос «Если бы была такая возможность, что бы Вы предпочли?», % от числа опрошенных студентов
Figure 8. Distribution of Answers to the Question «If There Was Such an Opportunity, What Would You Prefer?», % of the Number of Students Surveyed

Источник: составлено авторами по данным проведённого исследования.

Выводы

По итогам проведённого исследования можно сделать несколько выводов.

1. Выявлены существенные различия в трудовых установках и ожиданиях жизненного мира студентов первого года обучения и выпускников:

- по сравнению с первокурсниками у студентов выпускного курса заметно ниже уровень идентификации с будущей профессией и долгосрочной перспективой профессиональной траектории в рамках полученного в вузе профессионального образования. Менее половины выпускников имеют долгосрочные профессиональные планы. При этом почти треть не представляет даже примерно, чем будет заниматься в будущем, а примерно каждый девятый уверен, что не будет связывать жизнь с тем направлением подготовки, которое осваивает в данный момент.

- по сравнению с первокурсниками у выпускников ниже доли верящих в зависимость успеха от собственного труда и смотрящих с оптимизмом в будущее. Одновременно среди выпускников более высокие доли тревожащихся о своём профессиональном будущем и надеющихся только на счастливый случай, который может повлиять на их профессиональную карьеру.

Очевидно, что такие различия связаны с этапом взросления, который сопровождается у многих студентов разочарованием в выбранной профессии, особенно, если изначально такой выбор был связан с внешними причинами (под давлением родственников, друзей) или был случайным.

2. Устойчивыми характеристиками жизненного мира студентов 1 и 4 курса нестоличного вуза являются:

- представления об идеальной карьере и статусные ожидания. В представлениях почти половины студентов идеальная карьера предполагает стать предпринимателем и работать на себя, и при этом более половины из них надеются улучшить своё материальное положение и занять более высокую статусную позицию в обществе по сравнению с родительской семьёй.

- стремление работать по официальному трудовому договору, отдавая предпочтение двум режимам занятости: либо по стандартному («5/2») либо свободному графику.

3. Анализ иерархии базовых ценностей и представлений о жизненном успехе студентов 1 и 4 курса показал, что наиболее важными для них являются материальные ценности. Главным образом, они хотят зарабатывать, быть обеспеченными людьми и ни в чём себе не отказывать. Однако в условиях реалий регионального рынка труда большинство студентов (около 2/3)

считают для себя приемлемым уровень ежемесячной зарплаты в течение первых 2–3 лет после окончания ТюмГУ в диапазоне от 30 до 70 тысяч рублей.

4. Несмотря на то, что выпускники менее, чем первокурсники склонны открыто декларировать своё желание уехать за границу, тем не менее, потенциально уехать прямо сейчас будут готовы именно студенты-выпускники (каждый четвёртый по данным опроса). А среди них наиболее выражено желание уехать жить и работать за границу среди юношей-выпускников (31,1 %), а также среди студентов-выпускников естественно-научных специальностей (32,2 %). В свою очередь более склонны остаться и работать в Тюмени – девушки-выпускницы (35,8 %) и выпускники социально-гуманитарных специальностей (36,8 %).

Таким образом, важно подчеркнуть, что данные проведённого исследования, сигнализирующие о проблеме низкого уровня идентификации у студентов выпускного курса с их будущей профессией и их слабой ориентации на долгосрочную профессиональную перспективу в рамках полученного в вузе профессионального образования, свидетельствуют о необходимости внесения корректив в принципы образовательного процесса и профориентационной работы, подтверждая актуальность и правильность усилий государства по реформе системы высшего образования.

В целом можно отметить, что, несмотря на многочисленные исследования профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов вузов не теряют актуальность и имеют ценность для каждого конкретного регионального рынка и тех организаций, в которые придут работать будущие молодые специалисты. Очевидно, что от успешности реализации региональной и внутриорганизационной социальной политики, наличия эффективной системы организации труда, приемлемого для молодого специалиста уровня заработной платы и состояния условий труда, – зависит привлекательность организаций и предприятий региона для возможного трудоустройства молодого работника, его желания реализовывать свой профессиональный потенциал и строить свою личную профессиональную карьеру, оставаться жить и работать в своём регионе.

В наших исследовательских планах на последующих этапах мониторинга осуществление анализа динамики трудовых установок, профессиональных, карьерных и статусных ожиданий студентов, прежде всего, выпускного курса бакалавриата. Кроме того, нуждаются в допол-

нительном изучении влияние на трудовые установки выпускников их гендерных и семейных установок, а также классовой и профессиональной идентичности. При этом результаты массо-

вого анкетного опроса планируется дополнить анализом данных качественного исследования – глубинных интервью со студентами выпускного курса.

Список литературы

1. Поплавская А.А. Будущая работа глазами студентов российских вузов: дифференциация образа работы в межрегиональной перспективе // Мир России. 2023. Том 32. № 1. С. 61–86. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86> EDN QAGWCK
2. The Role of Career Values for Work Engagement During the Transition to Working Life / F.M. Sortheix, J. Dietrich, A. Chow, K. Salmela-Aro // Journal of Vocational Behavior. 2013. Vol. 83. No 3. P. 466–475. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.07.003>
3. Nilsson P.A., Ripmeester N. International Student Expectations: Career Opportunities and Employability // Journal of International Students. 2016. Vol. 6. Issue 2. P. 614–631. <https://doi.org/10.32674/jis.v6i2.373>
4. Getting Ready for the Young Generation to Join the Workforce: A Comparative Analysis of the Work Values of Chinese and Slovenian Business Students / N. Zupan, R. Kaše, M. Raškovič, K. Yao, C. Wang // Journal of East European Management Studies. 2015. Vol. 20. No 2. P. 174–201. <https://doi.org/10.1688/JEEMS-2015-02-Zupan>
5. Фетюков А.В., Леонидова Г.В. Готовность к трудоустройству по профессии (на данных опроса выпускников педагогических направлений подготовки) // Социальное пространство. 2024. Том 10. № 1. <https://doi.org/10.15838/sa.2024.1.41.4> EDN WAXHLQ
6. Золотина О.А., Серпухова М.А. Выпускники экономических специальностей: сферы занятости и поколенческие особенности // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 181–198. <https://doi.org/10.52180/1999-9836-2023-19-2-3-181-198> EDN FKPACL
7. Тарасова Е.М. Карьерное самоопределение студентов бакалавриата // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5(116). С. 148–154. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-148-154> EDN ZMVTFS
8. Леонидова Г.В., Димони К.О. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда // Проблемы развития территории. 2021. Том 25. № 6. С. 7–31. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.6.116.1> EDN BLGEND
9. Буравлева Н.А. Ценностные ориентации студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 6(108). С. 124–129. EDN NWDZTH
10. Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. Том 28. № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63> EDN YURZVB
11. Пакина Т.А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале социологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3. С. 120–131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131> EDN SPLKJL
12. Гайнанов Д.А., Гайфуллин А.Ю. Социологический анализ карьерных ожиданий выпускников вузов (на примере Республики Башкортостан) // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2022. № 4. С. 276–280. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-276-280> EDN KASZGY
13. Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с. ISBN 978-5-238-02880-4 EDN XFBQUJ
14. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> EDN GTXODD
15. Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса: коллективная монография / Т.В. Гаврилюк, В.В. Гаврилюк, В.Ю. Бочаров, О.Л. Сотков; под ред. Т.В. Гаврилюк. М.: ФЛИНТА, 2020. 408 с. ISBN 978-5-9765-4389-8
16. Разумова Т.О., Телецова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 338–349. <https://doi.org/10.52180/1999-9836-2023-19-3-3-338-349>; EDN GGKNRO
17. Macmillan R. The Structure of the Life Course: Classic Issues and Current Controversies // Advances in Life Course Research. Vol. 9. 2005. P. 3–24. [https://doi.org/10.1016/S1040-2608\(04\)09001-X](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(04)09001-X)
18. Aronson P. Breaking barriers or locked out? Class-based perceptions and experiences of postsecondary education // Social Class and Transitions to Adulthood. 2008. Issue 119. P. 41–54. <https://doi.org/10.1002/cd.208>
19. Воловская Н.М., Плюснина Л.К. Социологический мониторинг в системе информационно-аналитического сопровождения формирования имиджа вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 5(49). С. 11–14. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.5.1> EDN UQMGAN
20. Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Социологический мониторинг как технология и методология анализа образовательных стратегий студентов вузов // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира: сб. науч. тр. / науч. ред. Т.И. Грабельных. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. С. 151–156. ISBN 978-5-9624-2165-0 EDN NDGJKT
21. Российская молодежь: образование и наука / Н.В. Бондаренко, Ю.Л. Войнилов, Г.С. Волкова [и др.]. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 72 с. ISBN 978-5-7598-1597-6 EDN VAZFOE
22. Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Образовательные траектории как основание типологии студентов российских вузов // Социальное пространство. 2023. Том 9. № 3. <https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.9> EDN RAVHIR
23. Касьянова Т.И., Мальцев А.В., Гребнев С.А. Профессиональное самоопределение студентов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 4(48). С. 78–86. <https://doi.org/10.54509/22203036-2022-4-78> EDN AMKVMC

24. Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36–58. EDN SFEVXX
25. Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Оценка готовности к трудовой миграции молодёжи нового рабочего класса // Семиотические исследования. 2021. Том 1. № 2. С. 83–90. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-83-90> EDN DQEFOL

Информация об авторах:

Владислав Юрьевич Бочаров – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН ФНИСЦ РАН

(SPIN-код: 7697-5914) (РИНЦ AuthorID: 279563) (ResearcherID: F-5758-2016) (Scopus Author ID: 57194715967)

Вера Владимировна Гаврилюк – доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет

(SPIN-код: 5057-2184) (РИНЦ AuthorID: 136770) (Scopus Author ID: 6701325300)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Владислав Юрьевич Бочаров.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

1. Poplavskaya A.A. Future Work through the Eyes of Russian University Students: Regional Differentiation of the Work Vision. *Mir Rossii=Universe of Russia*. 2023;32(1):61-86. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-61-86> (In Russ.)
2. Sorthaix F.M., Dietrich J., Chow A., et al. The Role of Career Values for Work Engagement During the Transition to Working Life. *Journal of Vocational Behavior*. 2013;83(3):466-475. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.07.003>
3. Nilsson P.A., Ripmeester N. International Student Expectations: Career Opportunities and Employability. *Journal of International Students*. 2016;6(2):614-631. <https://doi.org/10.32674/jis.v6i2.373>
4. Zupan N., Kaše R., Rašković M., et al. Getting Ready for the Young Generation to Join the Workforce: A Comparative Analysis of the Work Values of Chinese and Slovenian Business Students. *Journal of East European Management Studies*. 2015;20(2):174-201. <https://doi.org/10.1688/JEEMS-2015-02-Zupan>
5. Fetyukov A.V., Leonidova G.V. Willingness to Work by Profession (Based on Survey of Teacher Education Graduates). *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*. 2024;10(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2024.1.41.4> (In Russ.)
6. Zolotina O.A., Serpukhova M.A. Economics and Management Graduates: Employment Profiles and Generational Features. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(2):181-198. <https://doi.org/10.52180/1999-9836-2023-19-2-3-181-198> (In Russ.)
7. Tarasova E.M. Career Self-Determination of Undergraduate Students. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik=Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020;5(116):148-154. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-148-154> (In Russ.)
8. Leonidova G.V., Dimoni K.O. Labor Potential of Young People: Demands of Contemporary Labor Market. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*. 2021;25(6):7-31. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.6.116.1> (In Russ.)
9. Buravlyova N.A. The Valued Orientations of Students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2011;(6(108)):124-129. (In Russ.)
10. Retivina V.V. Labor Values and Attitudes of Modern Students. *Vyshee obrazovanie v Rossii=Higher Education in Russia*. 2019;28(1):57-63. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63> (In Russ.)
11. Pakina T.A. Labor Values and Attitudes of Today's College Students on the Material of Sociological Research. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2014;(3):120-131. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131> (In Russ.)
12. Gainanov D.A., Gayfullin A.Yu. Sociological Analysis of Career Expectations of University Graduates (On the Example of The Republic of Bashkortostan). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(4):276-280. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-276-280> (In Russ.)
13. Toshchenko Zh.T. *Sotsiologiya Zhizni*. Moscow: Publishing House YUNITI-DANA; 2016. 399 p. ISBN 978-5-238-02880-4 (In Russ.)
14. Zubok J.A., Chuprov V.I. Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i social'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3(157)):13-41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602> (In Russ.)
15. Gavrilyuk T.V. (ed.), Gavrilyuk V.V., Bocharov V.Yu., et al. *Zhiznennye Strategii Molodezhi Novogo Rabocheho Klassa*. Monograph. Moscow: Publishing House Flinta; 2020. 408 p. ISBN 978-5-9765-4389-8 (In Russ.)
16. Razumova T.O., Teleshova I.G. Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):338-349. <https://doi.org/10.52180/1999-9836-2023-19-3-3-338-349> (In Russ.)
17. Macmillan R. The Structure of the Life Course: Classic Issues and Current Controversies. *Advances in Life Course Research*. 2005;(9):3-24. [https://doi.org/10.1016/S1040-2608\(04\)09001-X](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(04)09001-X)
18. Aronson P. Breaking barriers or locked out? Class-based Perceptions and Experiences of Postsecondary Education. *Social Class and Transitions to Adulthood*. 2008;(119):41-54. <https://doi.org/10.1002/cd.208>

19. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K. Sociological Monitoring in The System of Information And Analytical Support For The Formation Of Image Of Higher Education Institution. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika=Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2018;(5(49)):11-14. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.5.1> (In Russ.)
20. Bocharov V.Yu., Gavriilyuk T.V. Sociological Monitoring as a Technology and Methodology for Analyzing Educational Strategies of University Students. In: *Expert Institutions in the 21st Century: Civilizational and Digital Concepts of the Changing World*. Collection of scientific papers. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House; 2023. P. 151-156. (In Russ.) ISBN 978-5-9624-2165-0
21. Bondarenko N., Voynilov Y., Volkova G., et al. Russian Youth: Education and Science. National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE; 2017. 72 p. ISBN 978-5-7598-1597-6 (In Russ.)
22. Bocharov V.Yu., Gavriilyuk T.V. Educational Trajectories as a Basis for the Typology of Russian University Students. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*. 2023;9(3). <https://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.9> (In Russ.)
23. Kasyanova T.I., Maltsev A.V., Grebnev S.A. Professional Self-Determination of University Students. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom=Professional Education in Russia and Abroad*. 2022;(4(48)):78-86 <https://doi.org/10.54509/22203036-2022-4-78> (In Russ.)
24. Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migration Intentions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions. *Seriya 6. Ehkonomika=Moscow State University Bulletin. Series 6. Economics*. 2014;(3):36-58. (In Russ.)
25. Gavriilyuk T.V., Bocharov V.Y. The Readiness Assessment Regarding Labor Migration of the New Working-Class Youth. *Semioticheskie issledovaniya=Semiotic Studies*. 2021;1(2):83-90. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-83-90> (In Russ.)

Information about the authors:

Vladislav Yu. Bocharov – PhD in Sociology, Associate Professor, the Chairman of Sociology and Cultural Studies at Sociological department, Samara National Research University; Associate Research Fellow, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SPIN-code: 7697-5914) (РИНЦ AuthorID: 279563) (ResearcherID: F-5758-2016) (Scopus Author ID: 57194715967)

Vera V. Gavriilyuk – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen (SPIN-code: 5057-2184) (РИНЦ AuthorID: 136770) (Scopus Author ID: 6701325300)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Vladislav Yu. Bocharov.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Оригинальная статья

УДК 316.4.06

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_10_450_460

EDN GQSGOS

Изменения оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области

Юлия Владимировна Васькина^{1,2}

¹Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия (vaskina.yuv@ssau.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>)

²Социологический институт РАН ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье рассматривается изменение показателей социального самочувствия и уровня жизни за период 2019–2023 гг. с целью выявить основные тенденции этих изменений в быстро изменяющихся экономических, социальных и политических условиях. Методология исследования опирается на авторский подход к измерению уровня жизни и социального самочувствия, который реализуется в ряде мониторинговых исследований с участием автора статьи. Информационную основу исследования составили результаты социологических мониторинговых исследований, проводимых в Самарской области, данные российской статистики о показателях уровня жизни населения, результаты мониторинговых исследований ВЦИОМа об уровне жизни и социальном самочувствии населения России. Результаты социологических исследований, проводимых в течение последних 5 лет в Самарской области по репрезентативной выборке, показывают, что оценки населением Самарской области своего уровня жизни в течение последних пяти лет мониторинга колебались: в годы пандемии его показатели (оценка динамики и оценка потребительских возможностей) изменялись рассогласованно, в период СВО – с некоторой положительной динамикой. Все три показателя социального самочувствия – оценки произошедших, текущих и будущих событий в жизни респондентов – демонстрировали следующую динамику: при снижении доли ответов о произошедшем ухудшении в жизни респондентов улучшались оценки текущей жизненной ситуации и рос оптимизм в отношении будущих изменений. Аналогичные тенденции в показателях уровня жизни и социального самочувствия рассматриваемого периода получены и другими исследователями, обзор работ которых проведён в данной статье. Автор статьи отмечает необходимость проведения исследований на основе качественной методологии, которые помогут объяснить причины роста оптимистичных ожиданий от ближайших перемен в жизни в условиях усложнения экономической и политической ситуации.

Ключевые слова: социальное самочувствие, уровень жизни, динамика материального положения, оценка потребительских возможностей, индекс терпения, мониторинговое исследование, Самарская область

Для цитирования: Васькина Ю.В. Изменения оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 450–460. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_10_450_460 EDN GQSGOS



RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_10_450_460

Changes in Assessments of the Financial Situation, Standard of Living and Social Well-being of the Samara Region's Residents

Yuliya V. Vas'kina^{1,2}

¹Samara National Research University, Samara, Russia (vaskina.yuv@ssau.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>)

²The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Saint-Petersburg, Russia

Abstract

The article examines changes in indicators of social well-being and living standards for the period 2019–2023 in order to identify the main trends of these changes in rapidly changing economic, social and political conditions. The research methodology is based on the author's approach to measuring living standards and social well-being, which is implemented in a number of monitoring studies with the participation of the author of the article. The information basis of the study was composed on the results of sociological monitoring studies conducted in the Samara region, data from Russian statistics on indicators of the living standards of the population, and the results of monitoring studies by VCIOM on the living standards and social well-being of the population in Russia. According to the sociological studies with a representative sample conducted over the past 5 years in the Samara region, people in the Samara region assess their living standards as fluctuating over the past five years. During the pandemic years assessment of dynamics and consumer opportunities changed inconsistently. During the period of Special Military Operation – with some positive dynamics. All three indicators of social well-being (assessments of past, current, and future events in the lives of respondents) showed the following dynamics. We can see decreasing in share of answers that the life situation worsened in the year preceding the survey, while assessments of the current life situation improved and optimism about future changes grew. Similar trends in living standards and social well-being of the reviewed period were obtained by other researchers, whose results was presented in this article. The author of the article notes the need to conduct research based on qualitative methodology that will help explain the reasons for the growth of optimistic expectations from upcoming changes in life in the context of a more complicated economic and political situation.

Keywords: social well-being, living standards, dynamics of financial situation, assessment of consumer opportunities, patience index, monitoring study, Samara region

For citation: Vas'kina Yu.V. Changes in Assessments of the Financial Situation, Standard of Living and Social Well-being of the Samara Region's Residents. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):450–460. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_10_450_460 (In Russ.)

Введение

Исследования социального самочувствия и уровня жизни как главного его фактора являются актуальными в любое время и в любом обществе, поскольку результаты таких исследований не только показывают, насколько эффективна социальная и экономическая политика государства, но также являются основанием для принятия управленческих решений и корректировки мер в рамках этой политики. Особую значимость приобретает анализ социального самочувствия и уровня жизни в последние несколько лет, начиная с пандемии COVID-19. Ограничительные меры, введённые в период пандемии, существенным образом повлияли и на доходы населения, и на восприятие людьми своего положения в обществе, на оценку перспектив развития жизненной ситуации. В 2022 году к этим нелёгким изменениям добавилась сложная политическая ситуация, введённые экономические санкции, что снова обострило вопросы занятости, доходов и осмысления жизненной ситуации.

В это время были предприняты исследования как всероссийского, так и регионального масштаба, в которых проводились измерения уровня жизни и социального самочувствия населения.

Ряд исследователей анализируют динамику некоторых показателей уровня жизни населения за более чем десятилетний период. Так, например, в статье А.А. Гулюгиной делается вывод о неизменности низкого уровня покупательной способности среднедушевых доходов с 2007 года. В пересчёте на величину прожиточного минимума (ПМ) наибольшей покупательной способностью характеризовался 2012 год (3,57 ПМ), а наименьшей – 2022 год (3,05 ПМ) [1, с. 399–400].

В другой публикации [2] авторы делают похожий вывод, отмечая сохраняющиеся низкие доходы населения. Эта публикация является на настоящий момент последней из серии научных статей и монографий, выполненных исследовательским коллективом из Института экономики РАН (ИЭ РАН) [3; 4].

Авторы монографии «Общество неравных возможностей: социальная структура современной России» [5] предлагают собственную критериальную основу для определения социальной стратификации российского общества. Все учи-

тываемые ими критерии стратификации они делят на две группы: жизненные шансы (имеющиеся дополнительные возможности по сравнению со средним их уровнем в конкретном обществе) и жизненные риски (лишения или ограничения, отклоняющиеся в другую сторону от условной нормы). Среди шансов и рисков существенную роль играют показатели уровня жизни, например, наличие в собственности объектов недвижимости, автомобиля, жилищные условия, особенности потребления. На основе этих и других показателей исследовательская группа предлагает свою картину вертикального ранжирования населения современной России. С точки зрения задач данной статьи, наибольший интерес представляет не сама система стратификации, хотя она безусловно заслуживает внимания, а важная роль, отведённая в ней показателям уровня жизни. Кроме того, в монографии приводится ряд эмпирических данных об уровне жизни населения в его динамике. Авторы монографии рассчитали, что в 2018 году в России насчитывалось 14,3 % бедных «по доходам» [5, с. 156]. Этот показатель интересует нас постольку, поскольку относится к 2018 году, предшествующему анализируемому в настоящей статье периоду. Он сопоставим с выявленной в то же время в ходе исследований уровня жизни в Самарской области долей респондентов, ответивших, что их доходов не хватает на самое необходимое.

Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) стали базой для анализа уровня жизни и социального самочувствия россиян, проведённого коллективом авторов статьи «Российские домохозяйства: динамика экономического положения (1994–2021)» [6]. В ней также отмечается волнообразность изменения уровня жизни домохозяйств в период пандемии. По данным мониторинга, в 2020 году средние реальные доходы домохозяйств сократились на треть, но потом произошёл рост реальных доходов населения в 2021 году на лишь на 7,7 %. Тем не менее, субъективные оценки 2021 года не отражают этих изменений: не изменилась доля не удовлетворённых материальным положением и «парадоксальным образом» [6, с. 64] повысилась доля тех, кто сообщил об улучшении материального положения.

Региональные исследования уровня жизни, проведённые в последние годы, демонстрируют согласующиеся с общероссийскими результаты, свидетельствуют о невысоком уровне жизни. Например, проведённые в 2020 и в 2021 гг. в Мордовии социологические исследования уровня жизни населения республики показали, что монетарная бедность сохраняется на уровне 13 % [7, с. 425]. По субъективной же оценке около 40 % семей считают себя малоимущими, 30 % – хронически малоимущими [7, с. 428].

Социальное самочувствие россиян измеряется в различных исследованиях не менее регулярно, чем уровень жизни, при этом довольно часто изучаются оба феномена. Например, в статье Е.В. Фроловой и О.В. Рогач [8] анализируется социальное самочувствие россиян в условиях применения санкций. Для оценки социального самочувствия в исследовании выяснялись и экономические аспекты жизни респондентов, в частности, изменение уровня доходов и структуры потребления. Авторы делают вывод о том, что произошедшие изменения в доходах и привычном стандарте потребления коснулись, прежде всего, молодёжи, и повлияли на социальное самочувствие, в первую очередь, на ощущение неуверенности в завтрашнем дне (58,5 % опрошенных испытывают её), а также на частоту конфликтов (43,6 % ответов о её увеличении) [8, с.162].

В другом исследовании, выполненном на региональном уровне (Вологодская область) [9], для оценки социально-психологического состояния населения разработана система показателей на основе методик измерения социального самочувствия и социальных настроений. В исследовании анализируется динамика этих показателей за 2018 (допандемийный период), 2021 (пандемия) и 2022 год (начало специальной военной операции (СВО)). Его результаты демонстрируют, что показатели социального самочувствия, особенно его аффективного компонента, существенно ухудшились в период пандемии, но затем произошла адаптация населения к стрессовым условиям, и факт начала СВО не оказал столь же существенное влияние, как пандемия.

Подобные выводы делают и другие исследователи. Объяснение адаптивных способностей населения к новым условиям некоторые авторы дают через понятие «новой нормальности» [10], подчёркивая, что концепт новой нормальности подразумевает пять её компонентов – экономический, политический, социальный, информационный и культурный. Практически все эти аспекты жизни претерпевают существенное изменение с начала пандемии. И в самом её начале исследователи констатировали «сокращение запасов со-

циально-экономического оптимизма» и «ухудшение социально-экономического самочувствия» [11, с. 69]. Однако опросы общественного мнения показали, что к 2022 году более половины опрошенных сумели адаптироваться к радикальным переменам [10, с. 69].

Похожую динамику социального самочувствия отмечает и Н. Латова [12] применительно к ситуации проведения СВО.

Выводы о цикличности изменений социального самочувствия и способностях населения адаптироваться к новой ситуации представляются нам важными для интерпретации результатов исследования мониторинга уровня жизни и социального самочувствия, представленных в настоящей статье.

Объектом исследования являются материальное положение, уровень жизни и социальное самочувствие как взаимосвязанные социальные феномены.

Предметом исследования выступила динамика показателей материального положения, уровня жизни и социального самочувствия населения в быстро изменяющихся экономических, социальных и политических условиях за период 2019–2023 гг.

Цель исследования – выявить тенденции изменения показателей материального положения, уровня жизни и социального самочувствия.

Гипотеза заключалась в том, что уровень жизни и уровень социального самочувствия в течение последних пяти лет снижаются, причём все частные показатели демонстрируют одинаковую тенденцию.

Теоретические и методологические положения

Термины «социальное самочувствие» и «уровень жизни» весьма неоднозначны и имеют множество трактовок как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Различия между отечественными и зарубежными авторами касаются как использования термина (например, «subjectivewell-being» у зарубежных авторов и «социальное самочувствие у отечественных») [13], так и набора показателей для их эмпирической интерпретации. Мы придерживаемся узкой трактовки и социального самочувствия, и уровня жизни. Обоснование нашего подхода изложено в более ранних публикациях [14; 15]. В рамках настоящего исследования мы продолжаем использовать те же определения, что обоснованы нами ранее. Так, под уровнем жизни мы будем понимать возможности потребления, соотнесённые со степенью удовлетворения потребностей, а под социальным самочувствием – восприятие сложив-

шейся жизненной ситуации и оценку её изменений в прошлом и будущем.

Уровень жизни измерялся через оценки возможностей потребления, которые предоставляет семейный доход, а также с учётом материального положения семей респондентов в предшествующем опросу году.

Для характеристики социального самочувствия использовались три показателя: ретроспективный (оценки респондентами произошедших жизненных изменений в течение последнего календарного года), текущий (восприятие сложившейся жизненной ситуации) и перспективный (ожидания респондентов от изменений в жизни в ближайшем году).

Мы согласны с тем, что для более глубокого анализа необходима и более разветвленная система показателей и индикаторов этих сложных феноменов, однако состав показателей обусловлен тем, что в мониторинговых исследованиях, составивших эмпирическую базу, изучение уровня жизни и социального самочувствия не являются главными задачами.

Методология исследования опирается на авторский подход к измерению уровня жизни и социального самочувствия, который реализуется в ряде мониторинговых исследований с участием автора статьи, а также на методологические положения российской государственной статистической службы по определению показателей уровня жизни населения.

Информационную основу исследования составили результаты мониторинговых исследований, проводимых в Самарской области с участием автора, данные российской статистики о показателях уровня жизни населения, результаты мониторинговых исследований ВЦИОМа об уровне жизни и социальном самочувствии населения России.

Использованные данные и методы работы с ними

В данной статье использованы данные мониторинговых исследований, которые ведутся сотрудниками НИИ социальных технологий Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Исследования проводятся с 2015 года по репрезентативной для области выборке. Для данной публикации было решено использовать данные за 2019–2023 гг., поскольку они, во-первых, были получены по одинаковой методике измерения уровня жизни и социального самочувствия, во-вторых, характеризуют ситуацию, начиная с «доковидного» периода 2019 года, захватывая и годы пандемии, и годы проведения СВО. В-третьих,

именно в этот период мониторинговые исследования проводились по сопоставимой выборке – на одних и тех же территориях Самарской области. Объём выборки составлял 2600 человек, охватывая крупные, средние и малые города области, а также несколько муниципальных районов. Ошибка выборки определена в 3 %. Для формирования выборочной совокупности был использован квотный отбор, квотируемые признаки – территория, пол, возраст.

Методом исследования выступал анкетный опрос. Для обработки данных использовался пакет PASWStatistics.

В статье в целях сравнительного анализа приведены данные, публикуемые Росстатом и Самарстатом.

Перед тем, как перейти к анализу результатов исследования, охарактеризуем некоторые показатели структуры населения и уровня жизни, рассчитываемые государственной статистикой и отражающих численность, структуру населения Самарской области, его занятость и доходы.

Население Самарской области составляет 3 127 842 чел. на начало 2024 года¹, при этом в её столице – Самаре – проживают 1 159 000 человек, а доля городского населения – 80,14 %. Это достаточно высокоурбанизированный промышленный регион, где наибольшая доля занятых сосредоточена в обрабатывающем производстве (18,9 % от всех занятых на конец 2022 г.²). В пять самых многочисленных по количеству занятых входят такие виды деятельности, как оптовая и розничная торговля (17,2 %), транспортировка и хранение (8,6 %), образование (6,3 %) и область здравоохранения и социальных услуг (6,2 %). Уровень безработицы один из самых низких в Приволжском федеральном округе (1,9 %, тогда как в среднем по ПФО – 2,1 % в конце 2023 года³). В структуре занятых наибольшие доли составляют работники с высшим образованием (39,8 %) и работники-специалисты со средним специальным образованием (29,1 %).

Потребности работодателей в работниках растут. Так, если на конец 2023 года число заявленных в органы службы занятости вакансий составляло 44 934, то к маю 2024 года их число выросло до 50 963, при этом увеличилась среднесписочная численность работников обрабатывающих производств на 1,3 %, тогда как в целом по области

¹ Население // Самарстат: [сайт]. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

² Труд. Занятость и безработица // Самарстат: [сайт]. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/employment> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Занятость и безработица в Самарской области в IV квартале 2023 года // Самарстат: [сайт]. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/employment> (дата обращения: 10.07.2024).

произошло снижение численности работников на 0,3 %.

Среднемесячная начисленная заработная плата в апреле 2024 года в Самарской области составляла 64 082 рубля, в то время как в Российской Федерации – 83 875 рублей⁴. Таким образом, размер этого показателя в Самарской области составляет 76 % от общероссийского уровня.

В наиболее многочисленных по количеству занятых видах экономической деятельности средние начисленные заработные платы выглядят следующим образом: обрабатывающие производства 79 862 рубля (+32,6 % за год), оптовая и розничная торговля 54 457 рублей (+19,1 %), транспортировка и хранение 64 949 (+24,0 %), образование 49 218 (+17,0 %), область здравоохранения и социальных услуг 50 366 (10,0 %)⁵.

Результаты исследования

Уровень жизни населения

Для оценки уровня жизни респондентов, как уже было отмечено, использовалась оценка потребительских возможностей семейного дохода с учётом оценки изменения материального положения семьи за прошедший год.

В течение всего пятилетнего периода преобладала доля респондентов, считавших, что их материальное положение за год осталось неизменным. Она составляла около половины всех опрошенных (таблица 1). При этом доли ответов об улучшении и об ухудшении материального положения менялись, как и их соотношение. В 2019 году каждый пятый респондент считал, что материальное положение его семьи улучшилось, через год доля таких ответов резко сократилась до 7,0 % (в 2,7 раза). Низка доля позитивных ответов и в 2021 году, хотя есть некоторая положительная ди-

намика (+4,6 %), но вот уже в 2022 году она возрастает в 2 раза и сохраняется на уровне 22 % и в 2023 году. То есть произошло восстановление доли ответов об улучшении материального положения до уровня «доковидного» периода, даже с некоторым превышением (около 3 %). Противоположным образом колебалась доля ответов об ухудшении материального положения, однако в 2020 году она не выросла настолько же, насколько сократилась доля ответов об улучшении (но выросла доля ответов о стабильности). Заметное снижение отрицательных оценок о динамике доходов семьи – начиная с 2022 года.

За анализируемый период произошло изменение и в соотношении долей положительных и отрицательных ответов: если в 2019 году отрицательных ответов было в 1,7 раза больше, чем положительных, то в 2023 году эти доли практически сравнялись.

С нашей точки зрения, происходившие изменения в распределении ответов о динамике материального положения семей сначала объясняются началом пандемии и распространением ограничений, которые повлияли на возможность получать привычные доходы. Затем на восстановление доли положительных ответов и на понижение доли отрицательных оказали влияние как антикризисные меры [16], так и меры поддержки участников СВО и их семей, и рост предложения рабочих мест, особенно в секторе военно-промышленного комплекса (ВПК). Это предположение основано также на статистических данных, в соответствии с которыми за последний год увеличилась численность работников и их зарплата в обрабатывающих производствах (приведены в разделе «Использованные данные и методы работы с ними»).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Ухудшилось или улучшилось материальное положение Вашей семьи (или Ваше, если Вы живете один/одна) в течение года?» (в процентах)

Table 1

Distribution of Answers to the Question: “Has the Financial Situation of Your Family (or Yours, if You Live Alone) Worsened or Improved During the Year?” (in percentages)

Год	Улучшилось	Не изменилось	Ухудшилось	Итого
2019	19,3	47,2	33,5	100,0
2020	7,0	54,5	38,5	100,0
2021	11,6	55,4	33,0	100,0
2022	22,2	54,1	23,7	100,0
2023	22,5	53,3	24,2	100,0

Источник: составлено автором на основе результатов исследований.

⁴ Денежные доходы // Самарстат: [сайт]. URL: https://63.rosstat.gov.ru/standards_of_life (дата обращения: 10.07.2024).

⁵ Там же.

Показатель уровня жизни – оценка респондентами потребительских возможностей семейного дохода – измерялся по классической пятичленной шкале, результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «На что обычно хватает доходов Вашей семьи?» (в процентах)

Table 2

Distribution of Answers to the Question: “What is Your Family’s Income Usually Enough for?”
(in percentages)

Год	Не хватает денег даже на самое необходимое	На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудность	При покупке товаров длительного пользования наших доходов недостаточно	Покупка товаров длительного пользования не вызывает затруднений, кроме квартиры, машины	Можем купить всё, что захотим	Итого
2019	6,2	38,3	35,0	19,2	1,3	100,0
2020	5,7	25,2	42,6	22,2	4,3	100,0
2021	8,4	31,9	25,6	29,8	4,3	100,0
2022	14,5	32,8	30,2	16,4	6,1	100,0
2023	14,3	32,0	30,2	17,5	6,0	100,0

Источник: составлено автором на основе результатов исследований.

На протяжении 5 анализируемых лет самым распространённым ответом респондентов является «хватает на ежедневные расходы, но покупка одежды уже представляет трудность». Этот ответ означает оценку своего материального положения на уровне ниже среднего. Только в 2020 году преобладал ответ именно о средних потребительских возможностях семей («не хватает доходов при покупке товаров длительного пользования»). Это может выглядеть нелогично, принимая во внимание, что в этом же 2020 году снизилась доля тех, кто сообщал об улучшении материального положения семей. Каким же образом можно объяснить тот факт, что отсутствие улучшений материального положения семей приводит к повышению потребительских возможностей их дохода? Подобное противоречие, свойственное тому времени, было отмечено исследователями и других регионов России. Обмен мнениями в ходе дискуссий по этому поводу позволил прийти к выводу, что в стрессовое время пандемии критерии жизненных стандартов стали пересматриваться, прежде всего, изменилось представление значительной части населения о том, какой набор материальных благ является «самым необходимым». Этот набор уменьшился по объёму и изменился по составу, особенно учитывая, что в условиях самоизоляции или дистанционной занятости в значительной мере уменьшилась необходимость пользоваться транспортом, деловой и «парадной» одеждой и обувью, были наложены ограничения на посещение развлекательных мероприятий, работу общепита и на туристические поездки. В этих условиях даже сокращающиеся доходы семей позволяли им обеспечить приобретение не-

обходимых товаров и услуг, входящих в их «пересмысленный» минимальный набор.

В последующие после 2020 годы доля населения Самарской области, сообщившая о том, что доходы семьи обеспечивают только ежедневные расходы или даже этого не способны делать (первые два варианта ответа), заметно увеличилась. Если в 2020 году сумма ответов на два первых варианта составляла 32,9 %, то в 2021 году – 40,3 %, в 2022 году уже 47,3 %, и примерно столько же (46,3 %) – в 2023 году. Таким образом, почти половина опрошенных оценивают свои потребительские возможности ниже среднего или как очень плохие.

Доля положительных оценок потребительских возможностей (четвёртый и пятый варианты ответов) также претерпевала изменения. В 2019 году пятая часть опрошенных оценивали своё потребление на уровне выше среднего или высоком, в 2020 году доля таких ответов увеличилась до четверти, а в 2021 – до трети. Затем снизилась до четверти.

В последние 2 года сокращение высоких и рост низких оценок потребительских возможностей семейного дохода, безусловно, связан с инфляцией. Об уровне инфляции можно судить на основе индекса потребительских цен (ИПЦ). В 2019 году в Самарской области он составлял 102,63 %, в 2020 – 104,72 %, в 2021 – 109,81 %, в 2022 – 116,15 %, в 2023 – 106,83 %⁶. Таким образом, именно в 2022 г. заметный рост инфляции привел к увеличению доли тех, кто не может обеспечивать семью самыми необходимыми товарами и услугами.

⁶ Индексы потребительских цен (тарифов) на товары и услуги по Самарской области // Самарстат: [сайт]. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/prices> (дата обращения: 10.04.2024).

На наш взгляд, именно инфляцией вызвано противоречие в оценках динамики материального положения (таблица 1) и потребительских возможностей доходов семей. С одной стороны, в один и тот же период мы наблюдаем рост доли тех, кто считает, что материальное положение семьи улучшилось, с другой, – что потребительские возможности сокращаются. Возможно, оценивая материальное положение семьи, респонденты ориентируются на номинальные доходы, которые действительно растут. По данным Самарстат⁷, в 2019 и в 2020 годах среднедушевые доходы населения составляли 29 421,6 рублей и 29 973,3 рубля соответственно, то есть роста практически не было, к 2021 году среднедушевые доходы увеличились незначительно – до 32 663,7 рублей. В следующие 2 года повышение среднедушевых доходов шло более существенными темпами: 37064,9 рублей в 2022 году и 42203,2 рубля в 2023.

Однако при оценке потребительских возможностей респонденты ориентируются на реальные доходы, которые все 5 лет анализируемого периода были либо ниже, либо на уровне 100 %, то есть были ниже или равны по покупательной способности к предыдущему году: в 2019 году реальные доходы населения Самарской области составили 99,7 %, в 2020 году – 97,7 %, в 2021 году – 100,8 %, в 2022 – 99,7 %⁸. Только в 2023 году они составили, по предварительным расчётам, 106,7 %. Однако этот положительный фактор пока не отразился на восприятии населением потребительских возможностей своих семей.

Итак, оценки населением Самарской области своего уровня жизни в течение последних пяти лет мониторинга колебались – в годы пандемии его показатели (оценка динамики и оценка пот-

ребительских возможностей) изменялись рассогласованно, в период СВО – с некоторой положительной динамикой.

Анализ ответов респондентов разных групп, выделенных по роду занятий, показал, что за анализируемый период во всех группах доля ответов об улучшении материального положения семьи выросла, как и низкие оценки потребительских возможностей семейного дохода. Однако 2022 год значительно дифференцировал ответы разных групп респондентов по роду занятий. Так, только 10,4 % пенсионеров сообщали об улучшении материального положения, но при этом 38,0 % государственных служащих и 39,3 % предпринимателей давали такой же ответ. В этом же году доля респондентов, низко оценивающих потребительские возможности своего дохода, была наименьшей среди предпринимателей (19,3 %), руководителей организаций и подразделений (12,0 %), а наибольшей – среди пенсионеров и студентов (61,7 % и 61,0 % соответственно). Столь сильных различий в оценках динамики материального положения и потребительских возможностей доходов не было ни в какой другой период мониторинга.

Известно, что уровень жизни оказывает значимое влияние на социальное самочувствие людей⁹. Обратимся к анализу показателей социального самочувствия и их динамике.

Социальное самочувствие

В качестве первого показателя социального самочувствия использовалась оценка респондентами событий прошедшего года (таблица 3). Соответствующий вопрос в анкете появился с 2020 года, поэтому данные за 2019 год, в отличие от других показателей, отсутствуют.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Каким оказался этот год для Вас (Вашей семьи) по сравнению с предыдущим годом?» (в процентах)

Table 3

Distribution of Answers to the Question: “How Was this Year for You (Your Family) Compared to the Previous Year?” (in percentages)

Год	Труднее, чем предыдущий год	Легче, чем предыдущий год	Таким же, как прошлый год	Итого
2020	63,5	2,3	34,2	100,0
2021	33,8	14,7	51,5	100,0
2022	37,0	25,7	37,3	100,0
2023	36,8	25,3	37,9	100,0

Источник: составлено автором на основе результатов исследований.

⁷ Денежные доходы населения // Самарстат: [сайт]. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

⁸ Уровень жизни населения // Самарстат: [сайт]. URL: https://63.rosstat.gov.ru/standards_of_life (дата обращения: 10.04.2024).

⁹ Социальное самочувствие: мониторинг // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-socialnoe-samochuvstvie-monitoring-20032024> (дата обращения: 15.04.2024).

В первый год пандемии почти две трети опрошенных считали, что прошедший год был для них труднее предыдущего, а ответы об улучшении можно считать исключением (только 2,3 %). Но уже в 2021 году и в последующие этапы мониторинга доля отрицательных оценок сократилась вдвое и составила около трети. Противоположна тенденция в изменении доли положительных оценок – заметное увеличение как в 2021, так и в 2022 году, затем стабилизация на уровне четверти опрошенных.

Тем не менее, нужно обратить внимание, что доля респондентов, сообщающих о том, что прошедший год их жизни стал труднее предыдущего, устойчиво превышает долю тех, кто отмечает улучшения.

Вторым показателем социального самочувствия в нашем исследовании выступила оценка текущей жизненной ситуации (таблица 4). На основе распределения ответов респондентов рассчитывается так называемый «индекс терпения», который представляет результат деления суммы двух первых вариантов ответов на третий вариант, то есть показывает «запас терпения» – во сколько раз доля тех, кто воспринимает сложившуюся жизненную ситуацию как терпимую, превышает долю тех, чьё терпение уже израсходовано.

Значения индекса терпения показывают несколько парадоксальную закономерность. В относительно благополучные годы он характеризовался более низкими значениями, чем в годы социальных, экономических и политических потрясений, то есть «запас терпения» в сложной ситуации увеличивался. Наша гипотеза состоит в том, что в относительно стабильное время с привычной жизненной ситуацией у людей формируются запросы на относительно высокие жизненные стандарты, позволяющие удовлетворять потребности не только базового уровня. Однако в те периоды, когда возникают серьёзные риски осложнения жизненной ситуации настолько, что и удовлетворение базовых потребностей (в сохранении жизни и здоровья, обеспечении товарами первой необходимости) оказывается под вопросом, запросы снижаются, люди концентрируют свои усилия на сохранении достигнутого, и в случае удержания «статуса кво» воспринимают ситуацию как терпимую, поскольку избежали весьма вероятного ухудшения своего положения. На основе имеющихся данных мониторинга у нас нет возможностей проверить эту гипотезу, но необходимость получить такие данные может стать мотивацией следующих исследований.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какое из приведённых ниже высказываний более соответствует сложившейся ситуации?» (в процентах)

Table 4

Distribution of Answers to the Question: “Which of the Statements below is More Consistent with the Current Situation?” (in percentages)

Год	Всё не так плохо и можно жить	Жить трудно, но можно терпеть	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	Затруднились ответить	Итого	Индекс терпения
2019	27,8	32,4	14,8	24,9	100,0	4,1
2020	31,6	49,3	11,7	7,4	100,0	6,9
2021	39,2	31,3	14,7	14,8	100,0	4,8
2022	26,5	53,8	10,7	9,0	100,0	7,5
2023	27,1	52,8	10,9	9,2	100,0	7,3

Источник: составлено автором на основе результатов исследований.

И последний показатель социального самочувствия, на динамику значений которого мы обратим внимание, – мнение респондентов о перспективах изменений в их жизни в ближайший год (таблица 5). В целом, за все представленные 5 лет наблюдений доля тех, кто ожидал улучшения, составляла около четверти опрошенных, за исключением 2021 года, когда доля «оптимистов» сократилась на 10 % и составила менее пятой части респондентов. Динамика положительных ответов о будущих изменениях в жизни коррелирует с из-

менением оценок текущей жизненной ситуации, а именно с индексом терпения, то есть ведёт себя также в определённой степени нелогично, если учитывать только «объективные» показатели экономических и социальных процессов в стране. Доля респондентов, ожидающих перемен к лучшему, всегда была больше, чем доля ожидающих ухудшения. Подтверждение того, что оптимизм в восприятии будущего характерен не только для жителей Самарской области, но и россиян, можно увидеть в результатах мониторинговых исследо-

ваний ВЦИОМа¹⁰, согласно которым (за январь 2023 года) 28 % россиян ждут в следующем году улучшения материального положения семьи, что составляет максимум за 15-летний период наблюдений.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, каким будет в целом лично для Вас наступающий год по сравнению с уходящим годом?» (в процентах)

Table 5

Distribution of Answers to the Question: “In General, What do You Think the Coming Year Will Be Like for You Personally Compared to the Outgoing Year?” (in percentages)

Год	Лучше	Таким же, как уходящий год	Хуже	Затруднились ответить	Итого
2019	23,1	36,7	17,7	22,5	100,0
2020	28,0	29,2	20,2	22,6	100,0
2021	18,0	28,7	13,0	40,3	100,0
2022	27,8	39,6	16,2	16,4	100,0
2023	28,3	38,7	15,9	17,1	100,0

Источник: составлено автором на основе результатов исследований.

Все три показателя социального самочувствия – оценки произошедших, текущих и будущих событий в жизни респондентов – показали следующую динамику: при снижении доли ответов о том, что в предшествующий опросу год произошло ухудшение жизненной ситуации, повышался индекс терпения и доля ответов об ожидании перемен к лучшему.

Показатели социального самочувствия, как и показатели уровня жизни, в разных группах респондентов, выделенных по роду занятий, в 2022 году демонстрировали наибольший разброс по сравнению с другими периодами. Так, пенсионеры реже других сообщали о том, что год для их оказался лучше, чем 2021, и что сложилась «терпимая» жизненная ситуация. Напротив, госслужащие и предприниматели давали положительные оценки значительно чаще остальных групп.

Стоит также обратить внимание на динамику всех показателей как уровня жизни, так и социального самочувствия в группе предпринимателей. Предприниматели оказались группой, на которой изменения экономической ситуации отразились в наибольшей степени, и их оценки собственного материального положения и жизненной ситуации демонстрировали наибольшие флуктуации.

Выводы

Проведённый анализ показателей материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области за последние 5 лет позволил выявить определённую тенденцию в их изменении. Так, субъективная оценка респондентами изменения своего материального положения была наименьшей в годы

¹⁰ Наше материальное будущее: ожидания и надежды // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nashe-materialnoe-budushchee-ozhidaniya-i-nadezhdy> (дата обращения: 03.05.2024).

пандемии (2020 и 2021 годы), а до этого периода и после – примерно одинаковой (на уровне пятой части опрошенных). Потребительские же возможности доходов семьи именно в период пандемии получили наибольшие оценки. Мы объясняем это теми обстоятельствами, что в период «ковидных ограничений» во-первых, изменились представления о наборе необходимых товаров и услуг (в сторону их сокращения), а во-вторых, экономия на обычных, но ставших ненужными, расходах, позволила сделать накопления и приобрести дорогостоящие товары. В последние же 2 года потребительские возможности семейных доходов оцениваются низко, поскольку не только снова расширился набор необходимых товаров и услуг, но и добавилась высокая инфляция.

Кроме того, можно отметить некоторые группы респондентов, выделенные по роду занятий, улучшение материального положение которых связано с объективным ростом доходов: в 2023 году рабочие чаще, чем в прошлые периоды мониторинга, отмечали улучшение своего материального положения: в 2021 году ответов рабочих об улучшении было 9,1 %, в 2023 – 22,9 %. Это сопровождалось опережающим ростом зарплат именно в секторе обрабатывающих производств и увеличением числа занятых в промышленности Самарской области. Студенты и пенсионеры также чаще остальных групп отмечали улучшение материального положения в 2023 году. В определённой мере это может быть связано с увеличением размера и видов различных социальных выплат, произошедшим в последние несколько лет.

Показатели уровня социального самочувствия характеризовались динамикой, не всегда очевидной с точки зрения её причин. Так, негативные оценки уже произошедших в предыдущий к опросу год жизненных изменений идут вполне в русле происходящих событий – их доля

повышается в начале пандемии, падает вместе со снижением ограничений, а затем растёт (хотя и несущественно) после начала СВО. Однако оценки текущей ситуации и восприятие предстоящих изменений в жизни изменяются противоположным образом. В период пандемии и проведения СВО, усиления инфляции увеличивается «запас терпения», усиливаются ожидания перемен к лучшему. Аналитики ВЦИОМа, к мнению которых присоединяется и автор данной статьи, считают адаптивность россиян к внешним факторам, выводящим из равновесия в турбулентные времена, неожиданной¹¹, отмечая рекордную долю респондентов, выражающих уверенность в завтрашнем дне (59 %). В итоге выдвинутая в исследовании гипотеза о согласованном снижении показателей уровня жизни и социального самочувствия подтвердилась частично. В годы начала пандемии и СВО их значения действительно снижались, но

затем демонстрировали разнонаправленные изменения.

В годы, когда общественно-политическая и экономическая ситуация осложнялись, доля респондентов, выражавших надежду на жизненные улучшения в следующем году, росла. Создаётся впечатление, что оптимизм является не столько следствием объективных изменений в жизни опрошенных, дающих им надежду на скорые изменения к лучшему, сколько выражением желания таких перемен. Однако и это предположение требует подтверждения данными исследований, которые необходимо предпринять в будущем, с применением, в том числе, методов качественной социологии, позволяющих встать на позицию информантов и объяснить их оценки материального положения и ощущения жизненных изменений с учётом широкого спектра факторов.

Список литературы

1. Гулюгина А.А. Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. №3. С. 395–406. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406 EDN MCQQSC
2. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одицова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW
3. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2019 год: монография / В.Н. Бобков., А.А. Гулюгина и [др.]; гл. науч. ред. В.Н. Бобков. Москва: «Фабрика Офсетной Печати», 2020. 116 с. ISBN 978-5-44652-854-7
4. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> EDN WOQAYF
5. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России: монография / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободяков; под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир, 2022. 424 с. ISBN 978-5-7777-0873-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708731> EDN XJGBFE
6. Российские домохозяйства: динамика экономического положения (1994–2021 гг.) / Г.Л. Воронин, К.О. Евграфова, И.П. Киселева [и др.] // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)* / отв. ред. П. М. Козырева. Вып. 13: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2023. С. 7–93. ISSN 2618-9046 <https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2023> EDN ITJLQY
7. Курьшиова Л.Н., Курмышкина О.Н. Структура бедности регионального социума (на примере республики Мордовия) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 3. С. 421–431. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_9_421_431 EDN MPOGUO
8. Фролова Е.В., Рогач О.В. Социальное самочувствие россиян весной 2022 г. // *Социологические исследования*. 2023. № 5. С. 160–166. <https://doi.org/10.31857/S013216250024327-2> EDN AVHKLK
9. Смолева Е.О. Социально-психологическое состояние населения Вологодской области в кризисные периоды: социально-структурные характеристики // *Социологические исследования*. 2023. № 7. С. 40–52. <https://doi.org/10.31857/S013216250026582-3> EDN JHBQQA
10. Антонова Н.В. Человек и общество в условиях «новой нормальности»: обзор социологических исследований пандемии // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2023. Том 23. № 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.14529/EDN DZJJXG>
11. Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2021. № 2(26). С. 58–71. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-2-58-71> EDN OAJLZI
12. Латова Н.В. Динамика социально-психологического самочувствия разных групп населения / *Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая* / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. ФНИСЦ РАН, Институт социологии. М.: Издательство «Весь Мир», 2024. С. 148–172. ISBN 978-5-7777-0927-1
13. Huppert F.A. The State of Wellbeing Science: Concepts, Measures, Interventions, and Policies / *Wellbeing: A Complete Reference Guide: in 6 vol. Vol. 6. Interventions and Policies to Enhance Wellbeing*. 2014. P. 1–50. ISBN 9781118538821 <https://doi.org/10.1002/9781118539415.wbwell036>
14. Васькина Ю.В. Социальное самочувствие населения Самарской области и России: динамика оценок // *Социально-трудовые исследования*. 2020. № 3(40). С. 138–149. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-40-3-148-159> EDN WVLLWF

¹¹Уверенность в завтрашнем дне: мониторинг // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uverennost-v-zavtrashnem-dne-monitoring> (дата обращения: 15.04.2024).

15. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Том 15. № 2. С. 201–216. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216> EDN YZBNXN
16. Фрейхе С., Матыцин М.С., Попова Д.О. Влияние экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и антикризисных мер на распределение доходов в России // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 43–60. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-43-60> EDN LROSHG

Информация об авторе:

Юлия Владимировна Васькина – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и культурологии, сотрудник НИИ социальных технологий, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН ФНИЦЦ РАН (SPIN-код: 8729-3399) (РИНЦ AuthorID: 250080) (ResearcherID: AIB-9559-2022) (Scopus Author ID: 57194723097)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

References

- Gulyugina A.A. Purchasing Power of Monetary Incomes of the Population of Russia in the Context of Modern Challenges. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):395-406. https://doi.org/10.52180/19999836_2023_19_3_7_395_406 (In Russ.)
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. About the Risks in the Sphere of Living Standards of the Russian Population, Opportunities and Solutions to Reduce them. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)
- Bobkov V.N. (sci. ed.), Gulyugina A.A., Loktyukhina N.V., et al. Monitoring Dokhodov i Urovnya Zhizni Naseleniya Rossii – 2019 god. Monograph. Moscow: Publishing House Fabrika Ofsetnoi Pechati; 2020. 116 p. ISBN 978-5-44652-854-7 (In Russ.)
- Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (ed.) Uroven' i Kachestvo Zhizni Naseleniya Rossii: ot Real'nosti k Proektirovaniyu Budushchego. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022> (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (ed.), Mareeva S.V., Anikin V.A., et al. Society of Opportunities: Social Structure of Modern Russia. Monograph. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2022. 424 p. ISBN 978-5-7777-0873-1 <https://doi.org/10.55604/9785777708731> (In Russ.)
- Voronin G.L., Evgrafova K.O., Kiseleva I.P., et al. Russian Households: Dynamics of the Economic Situation (1994–2021). In: Kozyreva P. M. (ex. ed.) Vestnik Rossiiskogo Monitoringa Ehkonomicheskogo Polozheniyai Zdorov'ya Naseleniya NIU VSHEH (RLMS-HSE). Collection of scientific papers. Issue 13. Moscow: Higher School of Economics; 2023. P. 7-93. ISSN 2618-9046 <https://doi:10.19181/rlms-hse.2023> (In Russ.)
- Kuryshova L.N., Kurmyshkina O.N. The Structure of Poverty in Regional Society (on the Example of the Republic of Mordovia). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):421–431. https://doi.org/10.52180/19999836_2023_19_3_9_421_431 (In Russ.)
- Frolova E.V., Rogach O.V. Social Well-Being of Russians in the Spring of 2022. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(5):160-166. <https://doi.org/10.31857/S013216250024327-2> (In Russ.)
- Smoleva E.O. Socio-Psychological State of the Vologda Region Population in Crisis Periods: Socio-Structural Characteristics. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(7):40-52 <https://doi.org/10.31857/S013216250026582-3> (In Russ.)
- Antonova N.V. The Individual and Society Under The "New Normal": A Review of Sociological Studies of Pandemic. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki=Bulletin of The South Ural State University. Series: Social Sciences and The Humanities*. 2023;23(1):64-72. <https://doi.org/10.14529> (In Russ.)
- Fadeeva E.V., Velikaya N.M., Belova N.I. Social Well-being of Russians During the Spread of Coronavirus. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie=RSUH/RGGU BULLETIN. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2021;(2(26)):58-71. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-2-58-71> (In Russ.)
- Latova N.V. Dinamika sotsial'no-psikhologicheskogo samochuvstviya raznykh grupp naseleniya. In: Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.) Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Book 7. FCTAS RAS, Institute of Sociology. Moscow: Publishing House Ves' Mir; 2024. P. 148–172. ISBN 978-5-7777-0927-1 (In Russ.)
- Huppert F.A. The State of Wellbeing Science: Concepts, Measures, Interventions, and Policies. In: Wellbeing: A Complete Reference Guide in 6th vol. Vol. 6. Interventions and Policies to Enhance Wellbeing. 2014. P. 1-50. ISBN 9781118538821 <https://doi.org/10.1002/9781118539415.wbwell036>
- Vas'kina Yu.V. Social Well-Being of the Population of the Samara Region and Russia. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya=Social and Labor Research*. 2020;(3(40)):148-159. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-40-3-148-159> (In Russ.)
- Bocharov V.Yu., Vas'kina Yu.V. Young Workers' from the Industrial Enterprises Social Well-Being: Indicators and Factors. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*. 2017;15(2):201-216. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216> (In Russ.)
- Freije S., Matytsin M.S., Popova D.O. The Distributional Impacts of the COVID-19 Crisis and Policy Response in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(2):43-60. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-43-60> (In Russ.)

Information about the author:

Yuliya V. Vas'kina – PhD in Sociology, Head of Department of Sociology and Cultural Studies, Researcher of Research Institute of Social Technologies, Samara National Research University; Associate Researcher of the Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science (SPIN-code: 8729-3399) (РИНЦ AuthorID: 250080) (ResearcherID: AIB-9559-2022) (Scopus Author ID: 57194723097)
The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

КНИЖНАЯ ПОЛКА



Разное

УДК 316.422.4

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_11_461_462

EDN HVSXDB

О научной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость *versus* прекарность»

Сергей Владимирович Козин¹, Татьяна Павловна Жидяева²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (mister.svk92@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8398-8805>)

² Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова – Алатырский филиал, Алатырь, Россия (tanya21_84@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8238-193X>)

Для цитирования: Козин С.В., Жидяева Т.П. О научной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость *versus* прекарность» // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 461–462. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_11_461_462 EDN HVSXDB



MIS (Miscellaneous)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_11_461_462

About the Scientific Monograph «The Life World of Workers: Sustainability *versus* Precarity»

Sergei V. Kozin¹, Tat'yana P. Zhidyayeva²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (mister.svk92@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8398-8805>)

² Chuvash State University – Alaty Branch, Alaty, Russia (tanya21_84@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-8238-193X>)

For citation: Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. About the Scientific Monograph «The Life World of Workers: Sustainability *versus* Precarity». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):461–462. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_11_461_462 (In Russ.)

Монография «Жизненный мир работников: устойчивость *versus* прекарность: коллективная монография / под редакцией Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с. является подведением итоговой работы о выполнении научного проекта РНФ «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (№ 18-18-00024), выполненного в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) в 2018–2022 гг. Этот труд является завершающим. В 2018–2022 гг. были подготовлены и опубликованы четыре монографии – Ж.Т. Тощенко Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.; Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.; Прекариат: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2021. 400 с.; От прекарной занятости к прекарнизации жизни: коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 364 с.

Настоящая монография продолжает рассматривать злободневные вопросы занятости, но под более широким охватом проблем, которые касаются жизненного мира людей труда. Особенно тщательному анализу подвергается трансфор-

мация профессионального «лица» общества (т.е. когда одни профессии исчезают, другие – модифицируются, третьи только появляются). В монографии подробно описывается влияние четвёртой промышленной революции и шестого технологического уклада на изменение облика как общества в целом, так и основных социальных общностей и групп. При этом особое внимание уделяется прекарной занятости, представление о которой углубляется и уточняется по сравнению с предыдущими монографиями по этой теме.

В части I. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ подробнейшим образом рассматривается сравнительно новое понятие в отечественной социологии – «жизненный мир» (прежде всего, его философские истоки в зарубежной и отечественной мысли). В дальнейшем рассматриваются его трансформационные изменения на протяжении исторических этапов в труде, культуре, быте и т.д. Оценивается вклад в его обоснование как зарубежных – А. Шюц, Э. Гуссерль, Д.Э. Дюркгейм, Ю. Хабермас, так и отечественных учёных – В.А. Аникин, И.В. Бестужев-Лада, К.С. Дивисенко, Л.Н. Коган, Н.И. Лапин. Вторая глава (Р.А. Анисимов) посвящена развитию труда и трудовых отношений работников

на производстве. Данная глава базируется на массиве не только теоретических научных работ, но и на базе эмпирических исследований. Отмечено и рассмотрено и то, как знаковые события, подобно пандемии Covid-19 и СВО, влияли на изменение конкретных отраслей экономики. В третьей главе (А.В. Попов, Т.С. Соловьёва) даётся сравнительный опыт занятости в России и странах G7. Четвёртая глава (А.П. Лазенкова) посвящена важности безусловного базового дохода (ББД) как одного из способов преодоления прекаризации жизненного мира, о чём неоднократно писалось на страницах журнала «Уровень жизни населения регионов России». Пятая глава (А.В. Кученкова) рассказала читателям о том, какова значимость социальных гарантий и их место в минимизации прекаризации общественного положения. В ней характеризуется большая значимость разработки и внедрения ряда нормативно-правовых документов, которые будут соответствовать реалиям нынешнего современного турбулентного общества и поддержке растущего класса прекариата. В шестой главе (М.С. Цапко) анализируется общественно-политическая активность и её взаимосвязь с социальным положением «прекариата». В седьмой главе (И.В. Воробьёва) говорится о том, какие мировоззренческие ориентации существуют у российских работников, в том числе и прекариев.

В части II. ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОГО МИРА СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП на данных всероссийских социологических исследований с привлечением статистической информации рассматривается жизненный мир и пределы его прекаризации в таких основных социальных общностях и слоях населения, как сельское население (И.О. Шевченко), работники образования (М.Б. Буланова), науки (Ф.Э. Шереги, В.И. Савинков), культуры (Г.В. Тартыгашева), торговли (О.В. Китайцева).

В монографии содержатся и анализ жизненного мира особых и специфическим социальных общностей – женщин (М.Ю. Милованова), студенческой молодёжи (М.С. Короткова). При рассмотрении социального положения (Г.В. Ниорадзе) даётся трактовка «эйджизма» и «прекаризации» жизненного мира представителей старшего поколения. Завершающая данную коллективную монографию шестнадцатая глава (Е.А. Колосова) повествует её читателям о том, какие повседневные проблемы волнуют россиян.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ отражены выводы следующего характера: «жизненный мир» выступает конструктивным определением разнообразия жизненных обстоятельств, связывающим в единое целое все проявления сознания и поведения работников в окружающем их мире. В работе авторами было установлено, что процесс прекаризации это не только проблема сугубо одной страны, в него вовлечены и другие страны. Эмпирические данные, полученные коллективом социологов Российского государственного гуманитарного университета в ходе выполнения многочисленных Всероссийских исследований за период 2012–2022 гг., выявили множество острых проблем, решение которых может быть осуществлено лишь общими и согласованными усилиями науки, образования и власти.

В работе научного коллектива представлена богатая палитра самых различных проблем жизненного мира работников производства, науки, образования и культуры. Мы надеемся, что эти важные наработки коллег по социологическому цеху вызовут искренний интерес не только у научных работников, но и у представителей сферы управления, что, надеемся, найдёт отражение в будущих нормативно-правовых актах нашей страны.

Информация об авторах:

Сергей Владимирович Козин – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет (SPIN-код: 2261-9753) (РИНЦ AuthorID: 346402) (ResearcherID: D-9529-2019) (Scopus Author ID: 59185152600)

Татьяна Павловна Жидяева – старший преподаватель, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова – Алатырский филиал

(SPIN-код: 5020-0021) (РИНЦ AuthorID: 623229) (ResearcherID: GVT-2580-2022) (Scopus Author ID: 58681336300)

Заявленный вклад авторов:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Сергей Владимирович Козин.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

Information about the authors:

Sergei V. Kozin – PhD in Sociology, Associate Professor, Southern Federal University (SPIN-code: 2261-9753) (РИНЦ Author ID: 346402) (ResearcherID: D-9529-2019) (Scopus Author ID: 59185152600)

Tat'yana P. Zhidyayeva – Senior Lecturer, Chuvash State University - Alaty Branch

(SPIN-code: 5020-0021) (РИНЦ Author ID: 623229) (ResearcherID: GVT-2580-2022) (Scopus Author ID: 58681336300)

Authors' declared contribution:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The author responsible for the correspondence is Sergei V. Kozin.

The article was submitted 01.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ



Материалы конференции

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_12_463_466

EDN ANNSAY

Научная конференция «Социальная политика в современной России: вектор развития в новых реалиях» в рамках научной конференц-сессии 20–24 мая 2024 г. «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего»

Людмила Ивановна Берестова¹, Вячеслав Николаевич Бобков^{2,3}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (liberestova@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0003-6181-3443>)

²Институт экономики РАН, Москва, Россия

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

³ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Для цитирования: Берестова Л.И., Бобков В.Н. Научная конференция: «Социальная политика в современной России: вектор развития в новых реалиях» в рамках научной конференц-сессии 20–24 мая 2024 г. «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего» // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 3. С. 463–466. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_12_463_466 EDN ANNSAY



CNF (Conference proceedings)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_12_463_466

Scientific Conference «Social Policy in Modern Russia: Vector of Development in New Realities» Within the Framework of the Scientific Conference Session on May 20–24, 2024 «Public Administration and Development of Russia: New Horizons and Image of the Future»

Lyudmila I. Berestova¹, Vyacheslav N. Bobkov^{2,3}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (liberestova@mail.ru), (<https://orcid.org/0009-0003-6181-3443>)

²Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

³ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

For citation: Berestova L.I., Bobkov V.N. Scientific Conference «Social Policy in Modern Russia: Vector of Development in New Realities» Within the Framework of the Scientific Conference Session on May 20-24, 2024 «Public Administration and Development of Russia: New Horizons and Image of the Future». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):463–466. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_12_463_466 (In Russ.)

Научная конференц-сессия Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – это ежегодная научно-практическая площадка для обсуждения актуальных проблем и вопросов в сфере государственного и муниципального управления, взаимодействия государства, бизнеса и общества. В мероприятии участвуют представители научных и профессиональных сообществ, федеральных, региональных, муниципальных органов власти и управления, бизнеса, образования, общественных и политических организаций.

Ежегодная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего» прошла с 20 по 24 мая 2024 года. В программу конференц-сессии вошло

более 50 различных мероприятий, экспертных сессий, круглых столов, отражающих самые актуальные тренды и приоритетные направления совершенствования публичного управления и социально-экономического развития России.

Центральная тема Форума в 2024 году: «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего» (<https://ranepa.website.yandexcloud.net/>). В конференц-сессии участвовали более 2000 учёных, преподавателей, экспертов, представителей органов власти и бизнес-структур, студентов и аспирантов со всей России и ряда зарубежных стран.

20 мая в рамках Форума прошла научная конференция: «Социальная политика в современной России: вектор развития в новых реалиях».

Конференцию организовала кафедра труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС. Его партнёрами – соорганизаторами являлись Институт экономики РАН и Научный центр экономики труда РЭУ им. Г.В. Плеханова. Модерировали мероприятие Бобков Вячеслав Николаевич, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Институт экономики РАН, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова) и Берестова Людмила Ивановна, д.э.н., профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ).

В мероприятии участвовали представители следующих вузов и НИИ: Институт экономики РАН, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова, Российский государственный социальный университет, Липецкий государственный технический университет, Юго-западный государственный университет, Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, ВНИИ труда Минтруда России, Научно-исследовательский центр развития государственной пенсионной системы Финансового университета при Правительстве РФ.

Мероприятие проходило в смешанном (очном и дистанционном) формате. Количество участников – 88 человек. География участников: Астана, Буэнос-Айрес, Москва, Курск, Липецк, Рязань, Сыктывкар, Уфа, Хабаровск.

На сессии были заслушаны и обсуждены с участием докладчиков и заинтересованных участников 18 научных докладов:

1) «Новые направления социальной политики в условиях мобилизационной экономики» (Проница Людмила Ивановна, д-р. экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ);

2) «Повышение рождаемости и социальная защита семей с детьми – главные направления социальной политики» (Разумов Александр Александрович, д-р. экон. наук, советник генерального директора ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, профессор);

3) «Значение социальной политики для решения демографических проблем» (Аверин Александр Николаевич, д-р. филос. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

4) «Повышение покупательной способности заработной платы как источник роста уровня

жизни населения» (Бобков Вячеслав Николаевич, заслуженный деятель науки РФ, д-р. экон. наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН);

5) «Уровень жилищной обеспеченности российских семей с детьми» (Одинцова Елена Валерьевна, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН);

6) «Методологические подходы к оценке качества платформенной занятости» (Черных Екатерина Алексеевна, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни, Центр развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН, ведущий научный сотрудник, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова);

7) «Социальная ответственность бизнеса в системе обеспечения достойной трудовой жизни и социальной защиты работников-мигрантов» (Шичкин Игорь Алексеевич, канд. экон. наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова);

8) «Анализ и основные направления совершенствования государственной политики Российской Федерации в сфере внутренней миграции» (Берестова Людмила Ивановна, д-р. экон. наук, профессор, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ);

9) «Профиль самозанятых и платформенных занятых в России» (Локтюхина Наталья Викторовна, д-р. экон. наук, профессор, Центр финансов социальной сферы, Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России);

10) «Социальное партнёрство как эффективный механизм взаимодействия государства, бизнеса и общества» (Блюм Михаил Александрович, начальник отдела, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации; канд. экон. наук, доцент, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ);

11) «Возможности интеграции высшего образования и потребностей предприятий в рамках практической работы студентов вузов» (Кондраткова Виктория Сергеевна, заведующая кафедрой экономики и финансов, Липецкий государственный технический университет);

12) «Актуальные задачи развития человеческого капитала в контексте вызовов, стоящих

перед российскими компаниями (по результатам ежегодного исследования)» (Конанчук Денис Сергеевич, директор департамента, Школа управления НОУ «Сколково» (Россия, Москва);

13) «Демография и социальное развитие как ядерная основа стратегического управления в России» (Сапожников Александр Александрович, эксперт в области стратегического развития, (Буэнос-Айрес);

14) «О возможностях использования базового дохода в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации» (Смирнова Екатерина Андреевна, канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, РЭУ им. Г.В. Плеханова);

15) «Актуальные вопросы развития социально-трудовых отношений. Законодательное регулирование» (Суркова Ирина Владимировна, канд. соц. наук, заместитель руководителя Секретариата заместителя Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации И.Ю. Святенко, доцент, Академия труда и социальных отношений);

16) «Некоторые проблемы социальной политики современной России и пути их решения» (Ченцов Александр Владимирович, доцент, канд. полит. наук, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ);

17) «Современные демографические вызовы» (Нальгиев Ибрагим Магомедович, ведущий советник Министерства финансов РФ, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ);

18) «Охрана материнства, сбережение здоровья детей и подростков: новые подходы» (Деренская Екатерина Станиславовна, адвокат, Адвокатский кабинет (г.Москва).

В рамках заинтересованной академической дискуссии были высказаны следующие предложения по развитию научных исследований в предметной области и принятию законодательных, а также управленческих решений:

– по тематике перспективных фундаментальных и прикладных исследований рекомендации были направлены на развитие методологии, методик и инструментария сферы социальной политики; социального развития; качества и уровня жизни населения; социально-трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости; обеспечения качества занятости при дефиците рабочей силы;

– в области законодательных актов было рекомендовано при актуализации федерального законодательства в сфере социальной политики: расширить направления использования средств

материнского капитала, а также ввести механизм прогрессивного увеличения размера материнского (семейного) капитала с рождением каждого последующего ребёнка; увеличить суммы выплаты, предусмотренной Федеральным законом «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13.2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» (в настоящее время – 450 тыс. рублей); распространить ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка («единое пособие») на семьи, в которых среднедушевой доход не превышает двух прожиточных минимумов на душу населения в регионе, а также увеличить возраста ребёнка, до достижения которого выплачивается пособие, до 18 лет; снизить возраст выхода на пенсию для многодетных родителей (в том числе – отцов) на 1 год за рождение каждого последующего ребёнка; в целях реализации поручения Президента Российской Федерации от 30.03.2024 г. № Пр-616 об увеличении количества туристических поездок по территории Российской Федерации рассмотреть вопрос отмены для многодетных семей уплаты курортного сбора, а также бесплатного проезда на автомобиле, зарегистрированного на члена многодетной семьи, по платным дорогам; ввести механизм поэтапного уменьшения процентной ставки по ипотеке семьям с детьми при рождении третьего и каждого последующего ребёнка; зачитывать в страховой стаж период нахождения в отпуске по уходу за ребёнком до достижения им возраста полутора лет в отношении всех детей.

Отдельные предложения касались необходимости внесения изменений в миграционное законодательство, в частности: разработать и принять единый документ стратегического планирования, который закреплял бы цели, принципы, направления и механизмы реализации государственной политики в области внутренней миграции; ввести дополнительную государственную комиссию в размере 1% на переводы, направляемые трудовыми мигрантами в другие страны; повысить размер штрафа для работодателей в случае неуплаты ими страховых взносов на иностранных рабочих с 20% до 100% от неуплаченной суммы взносов, что будет способствовать уменьшению числа трудовых мигрантов, занятых в сером секторе российской экономики.

– в отношении принятия управленческих решений органами государственной власти и местного самоуправления рекомендации были связаны с демографической ситуацией и соци-

альным развитием как основы стратегического управления в России. В рамках научной дискуссии отмечалась необходимость создания системы стратегического управления, комплексно учитывающие все факторы, влияющие на укрепление целостности страны и благополучия народа. Задача такого масштаба требует не просто широту кругозора и задействование большого количества специалистов, но и особый тип аналитики, спо-

собный оперировать инструментами не просто межотраслевого или междисциплинарного уровня, и даже не системного, а метасистемного уровня. Без учёта всех сфер и факторов в демографии и социальной сфере невозможна эффективная конкурентоспособная экономика.

Эти и многие другие вопросы и предложения были сформулированы и направлены организаторам Конференц-сессии.

Информация об авторах:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН; директор Научного центра экономики труда, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

(SPIN-код: 5639-0410) (РИНЦ AuthorID: 275902) (ResearcherID: U-6527-2019)

Людмила Ивановна Берестова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры труда и социальной политики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

(SPIN-код: 6158-3240) (РИНЦ AuthorID: 273998)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Вячеслав Николаевич Бобков.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

Information about the authors:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Director of the Scientific Centre of Labour Economics, Plekhanov Russian University of Economics

Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Director of the Scientific Center of Labor Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

(SPIN-code: 5639-0410) (РИНЦ AuthorID: 275902) (ResearcherID: U-6527-2019)

Lyudmila I. Berestova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Labor and Social Policy of the Institute of Public Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

(SPIN-code: 6158-3240) (РИНЦ AuthorID: 273998)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for correspondence is Vyacheslav N. Bobkov.

The article was submitted 04.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.



Материалы конференции

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_13_467_468

EDN AUSTAX

Конкурс научных эссе «Как базовый доход изменил общество. Взгляд из будущего»

Олег Павлович Кацюба

Благотворительный фонд «Велес», г. Санкт-Петербург, Россия

(info@fund-veles.ru)

Для цитирования: Кацюба О.П. Конкурс научных эссе «Как базовый доход изменил общество. Взгляд из будущего» // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 3. С. 467–468. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_13_467_468 EDN AUSTAX



CNF (Conference proceedings)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_13_467_468

The Scientific Essay Contest «How Basic Income Changed Society. A View from The Future»

Oleg P. Katsyuba

The Veles Charitable Foundation, St. Petersburg, Russia

(info@fund-veles.ru)

For citation: Katsyuba O.P. Scientific Essay Contest «How Basic Income Changed Society. A View from the Future». *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(3):467–468. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_13_467_468 (In Russ.)

Концепция базового дохода активно развивается и исследуется многими учёными по всему миру. Она вызывает множество вопросов: как базовый гарантированный доход повлияет на будущее социума? Конкурс научных эссе от Благотворительного фонда «Велес» предоставил возможность каждому желающему среди студентов внести свой вклад в изучение и развитие концепции базового дохода.

В рамках конкурса научных эссе «Как базовый доход изменил общество. Взгляд из будущего» (<https://fund-veles.ru/program#essay>), организованного с 01.03.2024 по 27.05.2024 на базе Благотворительного фонда «Велес» (<https://fund-veles.ru/>), участники попытались проанализировать воздействие базового дохода на общество и спрогнозировать последствия его влияния на общество в будущем.

Конкурс был направлен на привлечение внимания молодого поколения к актуальным вопросам концепции базового дохода и его влияния на жизнь граждан, а также на стимулирование молодёжи к проведению научных исследований в этой области.

К участию были приглашены студенты, обучающиеся на очных отделениях в высших учебных заведениях России. На приглашение откликнулись студенты из Рязани, Уфы, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары и других городов. Всего к конкурсному отбору

было допущено 38 участников из 16 вузов страны. Участники конкурса, рассматривая заявленную тему, проанализировали вопрос релевантности концепции безусловного базового дохода в современных условиях, представили образ общества будущего, в котором каждому предоставляется базовый доход, а также предложили идеи и взгляды на влияние базового дохода на общество в будущем.

В результате ранжирования представленных на конкурс работ победителем стала Лисова Мария Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», г. Санкт-Петербург. Её работа «Сказание о базовом доходе» набрала наибольшее количество баллов и была размещена на сайте Благотворительного фонда «Велес», в его социальных сетях и на других площадках (<https://fund-veles.ru/tpost/t4xi6u20v1-esse-pobeditelya-konkursa-skazanie-o-baz>). Работа была отмечена денежным призом в размере пятидесяти тысяч рублей, а также официальной продукцией с символикой Благотворительного фонда «Велес», дипломом победителя конкурса и золотой медалью с символикой Благотворительного фонда «Велес».

Все эссе продемонстрировали разнообразие подходов и точек зрения. Некоторые из них привлекли внимание экспертов своей оригинальностью, глубиной проработки материала и соот-

ветствием другим индивидуальным критериям оценки, что позволило выделить авторов и наградить их дипломами второй и третьей степени. Их работы были отмечены официальной продукцией с символикой Благотворительного фонда «Велес» и дипломами призёров конкурса.

Второе место было присуждено Иванниковой Анастасии Александровне, студентке ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва. А третье место получила Авдеева Яна Игоревна, студентка ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург.

В состав авторитетной экспертной комиссии, осуществлявшей оценку конкурсных работ, во-

дили представители научной и педагогической сферы, бизнеса, государственных органов управления, средств массовой информации, общественных организаций и фондов. Председателем экспертной комиссии являлся Бобков Вячеслав Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Информация об авторе:

Олег Павлович Кацюба – директор, Благотворительный фонд «Велес»
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; принята к публикации 26.08.2024.

Information about the author:

Oleg P. Katsyuba – the Director, Veles Charitable Foundation
The author declares that there is no conflict of interest.

The article was submitted 05.07.2024; accepted for publication 26.08.2024.

ПАМЯТЬ ОБ УЧЁНОМ

КОЛОСОВА РИОРИТА ПАНТЕЛЕЙМООНОВНА

23 июля 2024 ушла из жизни Риорита Пантелеймоновна Колосова, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, научный руководитель кафедры экономики труда и персонала, руководитель Центра социально-трудовых исследований экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.



Профессор Р.П. Колосова работала на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова с 1971 года, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, с 1995 по 2015 год являлась основателем и заведующим кафедрой экономики труда и персонала, а с 2015 года работала профессором, руководителем Центра социально-трудовых исследований кафедры экономики труда и персонала и научным руководителем данной кафедры. На протяжении многих лет являлась председателем Диссертационного совета при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Риорита Пантелеймоновна Колосова как талантливый преподаватель и мудрый научный руководитель подготовила десятки кандидатов и докторов экономических наук в области экономики труда, сотни успешно работающих на самых ответственных постах выпускников экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова являются учениками Р.П. Колосовой.

Профессор Р.П. Колосова в качестве руководителя Центра социально-трудовых исследований кафедры экономики труда и персонала создала сообщество кафедр экономики труда и управления персонала классических и специализированных университетов России, координировала сотрудничество по таким направлениям,

как разработка теоретико-методологических основ, нормативных документов, учебных программ, подготовка учебных материалов по экономике труда.

Профессор Р.П. Колосова являлась членом Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики РФ, в качестве одного из ведущих экспертов России в области занятости, рынка труда, социально-трудовых отношений принимала участие в экспертизе проектов законов и нормативных документов по приглашению ФНПР, РСПП, Росстата и др.

Возглавляемые Риоритой Пантелеймоновной Колосовой кафедра и Центр социально-трудовых исследований тесно сотрудничали и продолжают сотрудничать с журналом «Уровень жизни населения регионов России». В 2013 году в журнале была опубликована программная статья «Современные подходы к экономике труда» (Колосова Р.П., Бобков В.Н. Современные подходы к экономике труда // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6(184). С. 12–13.). В ней прозвучал призыв к коллегам-трудовикам начать разработку Концепции и структуры «Новой экономики труда» и как науки, и как системы инструментов для практических решений. Идеи и аргументы, изложенные в статье, определили направленность тематики журнала на годы вперёд.

Профессор Р.П. Колосова награждена Почётной Грамотой Президента Российской Федерации, Благодарностью Ректора МГУ, Почётной Грамотой декана экономического факультета МГУ. Научно-педагогическая и общественная работа Р.П. Колосовой отмечена благодарностями Министерства труда и социальной защиты РФ, РСПП, ФНПР, Правительства Республики Башкортостан.

Светлая память о Риорите Пантелеймоновне Колосовой навсегда сохранится в сердцах всех, кто её знал.

От редакции журнала:
главный редактор, д.э.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В.Н. Бобков